Э. БУРДЖАЛОВ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Э. БУРДЖАЛОВ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1938

Редактор *К. Касрадзе*
Художественный редактор *С. Телингатер*
Корректора *Р. Денисова, Е. Николаева* и *М. Тепер*
Технический редактор *Е. Зеленкова* и *Н. Лебедева*

Сдано в набор 26 августа 1938 г. Подписано к печати 22 сентября 1938 г. Госполитиздат № 379. Уполн. Главлита № Б-43759. Формат 60×92¹/₁₆. Тираж 150 тыс. 7 печ. л. 46,5 тыс. зн. в 1 печ. л. Бумага фабрики «Сокол». Зак. № 2461.

Цена книги 2 р. 50 к.

Фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

„НЕЗАБЫВАЕМЫЕ, ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ВПИСАЛИ В ИСТОРИЮ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ТРУДЯЩИЕСЯ МАССЫ И ИХ ВОЖДИ АЗИЗБЕКОВ, ДЖАПАРИДЗЕ, ШАУМЯН, ФИОЛЕТОВ, КРОВЬЮ СВОЕЙ ОТВОЕВАВШИЕ ПРАВО НА СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА, НА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ“.

(Из приветствия т.т. Сталина и Молотова к 15-летию установления советской власти в Азербайджане.) «Правда», от 30/XII 1935 г.

I

Жизнь 26 бакинских комиссаров тесно связана с историей Великой пролетарской революции в СССР. Водрузив знамя пролетарской диктатуры в центре Азербайджана—Баку, они героически боролись за торжество социалистической революции в Закавказье и во всей России.

Эта борьба проходила в обстановке сложного переплета классовых и национальных противоречий. Товарищ Сталин писал: «Из всех окраин Российской федерации Закавказье, кажется, самый характерный уголок в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, ингуши и осетины, чеченцы и абхазцы, греки и кумыки—такова далеко не исчерпывающая картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья... Другой, не менее характерной чертой Закавказья является его экономическая отсталость. Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям у берегов морей, и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре»[1].

Баку—промышленный оазис края. Эти слова товарища Сталина хорошо определяют роль огромного нефтяного города, как знаменосца пролетарской революции в Закавказье. В Баку—крупнейшие нефтяные промысла и заводы, важнейший на Каспийском море порт, 100-тысячный многонациональный пролетариат, имеющий богатое революционное прошлое.

«Баку—крупнейший центр развитого, высоко организованного капитализма, тысячами нитей связанный с мировым банковым капиталом,

Баку—город революционных пролетариев, пролетарской организованности, острой классовой борьбы,

Баку—сложнейший узел национальных противоречий, используемых буржуазией для разъединения рабочих и крестьян, для дезорганизации пролетарских рядов и для внесения в их среду мелкобуржуазных влияний,

---

[1] *Сталин,* Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма, «Правда» № 55, 1918 г.

Баку—город черного золота, куда с жадностью направляет свои взоры мировой империализм, превращая Баку—эту жемчужину Кавказа—в яблоко раздора между империалистическими группами» (*Микоян*)[1].

Бакинский пролетариат занимает одно из первых мест в истории рабочего движения России. Бакинская большевистская организация создалась, выросла и закалилась под непосредственным руководством товарища Сталина. Благодаря руководству товарища Сталина Баку превратился в несокрушимую крепость ленинской партии. «Славные большевистские традиции, привитые самым близким сподвижником великого Ленина—товарищем Сталиным, выдвинули бакинский пролетариат в ряды передовых борцов за победу революции, за диктатуру пролетариата, за победу социализма»[2].

Весть о Февральской революции 1917 г. бакинские пролетарии встретили мощной волной митингов и собраний. 3 марта в Баку состоялась грандиозная однодневная забастовка в честь победившей революции. 6 марта по примеру Питера и Москвы организовались Совет рабочих и Совет солдатских депутатов.

После Февральской революции из разных пунктов ссылки возвратились в Баку основные работники большевистской организации, долгие годы работавшие здесь под руководством товарища Сталина.

8 марта в Баку приехал Степан Шаумян. Бакинские рабочие хорошо знали Степана Шаумяна. 10 лет борьбы и работы связывали его с пролетарским Баку. Рабочие заочно избрали Шаумяна председателем совета, когда он ехал с места своей ссылки. Это показывало, каким большим авторитетом пользовался Шаумян.

Степан Георгиевич Шаумян родился в 1878 г. в Тифлисе. Уже с пятого класса реального училища Шаумян активно участвовал в революционных ученических организациях. Окончив училище, он поступил в Рижский политехнический институт. Здесь он стал активным работником социал-демократических кружков. В 1902 г. за участие в революционном движении Шаумяна исключили из института и выслали на Кавказ. Через год он уехал за границу. Попав в Берлин, Шаумян энергично принялся за учебу. Наряду с этим он уделял много времени знакомству с рабочим движением, часто посещая митинги и рабочие собрания в самых отдаленных районах Берлина.

В 1903 г. в Швейцарии Шаумян впервые встретился с Лениным. В том же году был созван II съезд РСДРП. Встреча с Лениным и решения II съезда определили жизненный путь Степана. Он стал большевиком, всю жизнь верным великому ленинскому знамени. Возвратившись в 1904 г. в Закавказье, Шаумян работал в тифлисской большевистской организации. Под руководством товарища Сталина он повел непримиримую борьбу с грузинскими меньшевиками и армянскими националистами,

[1] «Заря Востока» № 218 от 20 сентября 1928 г.

[2] *Л. Берия*, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 133, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г.

сплачивая рабочих и трудящихся края вокруг интернациональной линии большевизма.

Шаумян входил в состав Кавказского Союзного Комитета РСДРП и редактировал «Кавказский Рабочий листок» (ноябрь—декабрь 1905 г.) и армянскую газету «Пролетариати Крив» («Борьба пролетариата»).

В 1906 г. Шаумян—делегат IV съезда РСДРП от Эриванской партийной организации. Вместе с товарищем Сталиным Шаумян энергично разоблачал на съезде политику меньшевиков, составлявших большинство Закавказской делегации. Большевистская фракция выделила Шаумяна в мандатную комиссию. Здесь Шаумян выдержал ожесточенный бой с меньшевиками, отстаивая каждый большевистский мандат.

В 1907 г. на V съезде РСДРП Шаумян представлял Борчалинскую организацию. Борьба с меньшевиками продолжалась, но теперь перевес был уже на стороне большевиков. Товарищи Сталин и Шаумян в выступлениях и заявлениях съезду вскрыли либерально-буржуазную суть политики меньшевиков и их мелкобуржуазную природу.

В 1907—1911 гг. Шаумян работал в Баку под руководством товарища Сталина. Шаумян широко использовал легальные возможности. Он читал лекции по истории рабочего движения, вел неустанную пропаганду революционного марксизма, активно участвовал в кампании, развернувшейся вокруг совещания с нефтепромышленниками. В то же время Шаумян руководил нелегальными собраниями и являлся одним из редакторов подпольных большевистских газет: «Бакинский пролетарий», «Бакинский рабочий», «Гудок» и др.

Шаумян тщательно изучал марксизм-ленинизм, хорошо знал русскую и иностранную литературу, много писал на русском и армянском языках. Но он не был кабинетным ученым. Шаумян принадлежал к поколению профессиональных революционеров, воспитанных Лениным и Сталиным. Это был боец-большевик, обладавший замечательными качествами руководителя, человека, товарища. Чем ближе узнавали его окружающие, тем больше раскрывалась перед ними его богато одаренная натура. Шаумян был тактичным, внешне спокойным, прямым и искренним человеком. Скромный, требовательный к себе, внимательный к другим, он весь преображался, когда дело шло о принципах. Его железная логика, тонкий и ядовитый юмор сокрушали и уничтожали противника. В такие минуты задумчивые глаза Шаумяна загорались гневом, мягкие черты лица преображались, голос становился резким.

В темные ночи на сходки и собрания к рабочим приходил этот спокойный и твердый человек. Шаумян беседовал с рабочими просто. Он не любил громких, пустых фраз. Пафос его речей был основан на глубоком внутреннем убеждении. Рабочие верили Степану, они любили его за простоту, правдивость, за беспощадность к врагам и их пособникам, за чуткость и любовь к товарищам по борьбе.

Царская полиция неоднократно вырывала Шаумяна из среды бакинского пролетариата.

В октябре 1911 г. в Баку собралась Российская организационная комиссия по созыву Пражской партийной конференции во главе с Серго Орджоникидзе. Шаумян представлял в ней Бакинскую организацию. Но на второй день ее работы Шаумян был арестован. В связи с этим Комиссия перенесла свою работу в Тифлис. После нескольких месяцев заключения т. Шаумяна выслали в Астрахань. Здесь он пробыл два года, активно работая в местной партийной организации. Шаумян возвратился в Баку в начале 1914 г.

Бурный подъем переживало тогда рабочее движение. Большевики смело возглавили его. Шаумян стал руководителем бакинской июньской забастовки 1914 г. Затем наступили тяжелые дни империалистической бойни. Но и тогда в обстановке шовинистического угара бакинские большевики, руководимые Шаумяном, продолжали проводить свою революционную линию. Они наладили типографию, печатали прокламации и воззвания и провели энергичную борьбу против войны и шовинизма. В 1915 г. под руководством т. Шаумяна в Баку состоялось совещание закавказских большевистских организаций. Оно приняло четкие большевистские решения по вопросу о войне, текущем моменте и др.

Тов. Шаумян в течение ряда лет вел переписку с Лениным. Она была посвящена главным образом национальному вопросу. 19 мая 1914 г. в письме Шаумяну Ленин просил его писать чаще и предлагал совместно разработать закон о «равноправии наций и защите прав национальностей» для внесения его в Государственную Думу. Царская охранка писала о Шаумяне: «По последним сведениям агентуры Шаумян считается одним из самых развитых и опытных партийных работников Кавказа, с которым связываются все районы и партийные лица, живущие за границей. Он является убежденным большевиком и сторонником известного Ленина, с которым и ведет переписку».

В 1916 г. полиция перехватила письмо Шаумяна, в котором он полностью присоединялся к позиции Ленина в вопросе о войне. Шаумян был арестован; 10 месяцев просидел он в тюрьме. Явных улик не было, но Шаумяна снова выслали из Баку, на этот раз в Саратов. Однако не прошло и трех месяцев, как Февральская революция освободила Шаумяна. Он немедленно выехал к пролетариям Баку. По дороге Шаумян узнал, что он избран председателем Бакинского совета.

Несколько позднее в Баку возвратился другой руководящий работник организации—Алеша Джапаридзе. Он работал здесь в годы подполья под руководством товарища Сталина и с тех пор поддерживал тесную связь с бакинскими пролетариями.

Прокофий (Алеша) Джапаридзе родился в 1878 г. в Кутаисской губернии. Лишившись отца в раннем детстве, он узнал нужду и голод, но упорно продолжал учиться сначала в Сацхенисском училище, затем в Тифлисском учительском институте. Здесь, в Тифлисе, началась активная политическая жизнь Джапаридзе. Он вошел в нелегальный кружок и возглавил там группу моло-

дых марксистов. В 1898 г. Джапаридзе вступил в социал-демократическую партию. Перед ним открылось широкое поле революционной деятельности.

В 1900 г. Джапаридзе принял активное участие в подготовке первомайской демонстрации и в забастовке рабочих тифлисских железнодорожных мастерских, организованной товарищем Сталиным. Алеша Джапаридзе был членом стачечного комитета, редактировал прокламации, организовал рабочих. Только на 17-й день рабочие, обессиленные невиданными репрессиями и голодом, вынуждены были прекратить забастовку. Но несмотря на это, Джапаридзе твердо верил в предстоящую победу. «В этой забастовке больше победы, чем поражения,—сказал он на последнем заседании стачечного комитета.—16-дневная дружная забастовка, влияние организации на тысячные массы—разве это не залог нашей победы в недалеком будущем». В том же году царское правительство подвергло Джапаридзе первому аресту. Он был посажен в Метехский замок и, после 11-месячного заточения, выслан на родину.

В 1901—1904 гг. Джапаридзе работал в партийной организации Кутаиса. Под его руководством проходила забастовка кутаисских табачников. Тов. Джапаридзе состоял членом Имеретино-Мингрельского комитета партии, а впоследствии был избран в состав Кавказского союзного комитета.

В 1904 г. партия послала т. Джапаридзе на работу в Баку. Здесь, среди бакинского пролетариата, проявились огромные способности Джапаридзе. Алеша—талантливый организатор-массовик. Он идет в гущу рабочих, завязывает тесные связи, организует и возглавляет массовое движение. Алеша—активный участник борьбы за коллективный договор, секретарь, а фактически руководитель союза нефтепромышленных рабочих. Алеша—член Бакинского комитета, сотрудник большевистских газет. Неисчерпаемая энергия, революционная страстность, горячая защита рабочих интересов сделали его подлинным вожаком и любимцем масс. Джапаридзе редко говорил спокойно. Его яркая, остроумная речь всегда была проникнута большим чувством. Он весь был в движении. Большие черные глаза горели, резкие слова звучали призывом и подымали на борьбу. Пламенный Алеша как бы дополнял своего спокойного друга—Степана Шаумяна.

Джапаридзе был делегатом III съезда большевистской партии. Высказываясь по вопросу об агитационно-пропагандистской работе партии, Алеша обратил особое внимание съезда на необходимость широкого издания литературы на татарском языке, особенно для крестьян. Он предлагал усилить работу в деревне. Речь Джапаридзе по вопросу об отношениях рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях показывала его непоколебимую веру в силу и мощь рабочего класса.

«Удивляюсь, когда говорят, что нет рабочих, способных быть комитетчиками,—говорил он.—Наоборот, их такое количество, что всех нет возможности включить в комитет...»[1]. Ленин обратил внимание съезда на эту в высшей степени ценную речь.

---

[1] Протоколы III съезда РСДРП, стр. 345.

Однажды Алеша остался ночевать в квартире балаханского рабочего. Ночью, когда все улеглись, он спросил своего молодого соседа: «Спишь?»—«Нет»,—ответил тот. «Ты слышишь—поет тартальщик».—«Слышу».—«Ты знаешь, о чем он так старательно выводит? О том, что у него уже устали глаза, что он плохо видит желонку, что плохой и злой приказчик на него кричит, а он не может ответить ему. Хорошо поет. Ты еще молод. Не понимаешь значения тартальщиков. Потом узнаешь. Люби их...»

В 1908 г. Джапаридзе был арестован и выслан в Ростов. В 1908—1910 гг. он работал в Ростове-на-Дону, руководил Донской партийной организацией. В 1910 г. Алеша был вновь арестован и выслан в Великий Устюг. После ссылки, в 1913 г., Джапаридзе возвратился в Тифлис, где вел непримиримую борьбу с меньшевиками, всемерно укрепляя большевистскую организацию. В связи с начавшейся империалистической войной Джапаридзе проводил энергичную интернациональную пропаганду. Преданный провокатором в 1915 г., Алеша был арестован и сослан в Енисейскую губернию. Но Джапаридзе вскоре удалось бежать в Петроград. Здесь он получил задание повести большевистскую работу среди солдат Кавказской армии. Джапаридзе немедленно отправился на фронт.

В 1916 г. под фамилией Баратова он поселился в Трапезунде, где развернул большую работу в Кавказской армии. Здесь Алеша узнал о победе Февральской революции. Бакинская большевистская организация вызвала его в Баку. Алеша с радостью выехал туда, чтобы в родной для него стихии, среди рабочих-нефтяников, продолжать революционную борьбу. В поезде Джапаридзе встретил знакомого. «Еду в Баку делать революцию»,—сказал ему Алеша.—«Как, разве она не сделана?»—недоумевал собеседник.—«Нет, вы услышите о другой, настоящей рабочей революции. Огромные силы созрели и скоро прорвутся. Дело нескольких месяцев».

Вместе с тт. Шаумяном и Джапаридзе крупнейшую роль в бакинской организации играл лучший сын азербайджанского народа—Мешади Азизбеков.

Азизбеков родился в 1876 г. Мать его была бедная крестьянка. Отец имел небольшое кустарное предприятие. Десяти лет Мешади лишился отца. Начались годы тяжелой борьбы за существование. Мешади не имел средств, недоедал, но одна упорная мысль руководила им—учиться. И действительно, ему удалось окончить реальное училище и в 1893 г. поступить в Петербургский политехнический институт. Перебиваясь уроками и случайной работой, Мешади Азизбеков упорно овладевал наукой. Основные черты характера Азизбекова—его честность, прямота, товарищеская отзывчивость—снискали ему большую любовь и уважение среди студентов института. Еще в Петербурге Азизбеков стал активным участником революционного движения.

В 1895 г. студентка Ветрова, посаженная в Петропавловскую крепость, не выдержав издевательств жандармов, облила себя керосином и сгорела. Среди студентов поднялась волна негодования и протеста. Они решили устроить в Исаакиевском соборе

панихиду. Собралось 10 тыс. студентов. По призыву Азизбекова студенты-мусульмане присоединились к своим товарищам, но градоначальник отменил панихиду. На минуту в соборе установилась тишина, и вдруг раздался взволнованный голос Азизбекова: «Нет попа, отслужим гражданскую». Этот возглас подхватили со всех сторон, раздалось пение, и студенты вышли на улицу мощной демонстрацией. Впереди студентов-кавказцев шел Азизбеков. Полиция напала на демонстрантов. Азизбеков был арестован. Когда Мешади был уже на 4-м курсе, его арестовали во второй раз.

По окончании института Азизбеков вернулся в Баку и работал инженером. Его квартира стала центром, куда приходили азербайджанские бедняки за помощью. Азизбеков выслушивал, ходатайствовал, заступался за них. Одновременно он использовал свои связи для развертывания подпольной работы. Он возглавлял организацию «Гуммет» («Энергия»), созданную в 1904 г. по инициативе товарища Сталина при бакинской организации большевиков для работы среди трудящихся-азербайджанцев.

Большую роль сыграл Азизбеков в революции 1905—1907 гг. Отлично понимая, что царизм и национальная буржуазия сознательно вызывают армяно-татарскую резню, чтобы задушить революционное движение бакинских рабочих, Мешади всячески стремился предотвратить ее. Он самоотверженно обходил самые опасные районы города, призывая к братанию азербайджанцев и армян, разоблачая провокационную политику царизма. С гневной речью он выступал против духовенства и имущих классов.

В 1906 г. Азизбеков организовал из рабочих-азербайджанцев боевую дружину «Знамя свободы». Дружина энергично боролась против погромов и насилий царского правительства; Азизбеков удачно сочетал легальную и подпольную работу. В 1912 г. его выбрали членом городской думы. Дума состояла в подавляющем большинстве из представителей буржуазии. Только голос Мешади Азизбекова смело раздавался в защиту интересов трудящихся с трибуны думы. Азизбеков организовывал подпольные явки, хранил литературу и оружие. Большую помощь оказал он трудящимся Ирана в их освободительной борьбе против персидского шаха. Азизбеков был членом ЦК персидской социал-демократической партии «Адалят», переправлял оружие и литературу в Иран и специально ездил в Энзели для организации этой работы.

Среди рабочих и трудящихся Азербайджана Азизбеков пользовался огромным авторитетом. Большевистская твердость и непреклонность, самоотверженность, беспредельная преданность пролетарскому интернационализму—таковы характерные черты Азизбекова. Как часто на мусульманских собраниях появлялся бесстрашный Мешади. В пальто и фуражке инженера, он взбирался на какое-нибудь возвышение и произносил свои речи, разоблачавшие царизм и националистическую буржуазию, нисколько не смущаясь тем, что в толпе находилось немалое количество его противников, вооруженных с ног до головы.

В руководящее ядро бакинской организации входил также

рабочий-большевик Иван Фиолетов. Жизнь Фиолетова ярко отразила героическую борьбу бакинских пролетариев. Он родился в 1884 г. в семье крестьянина Тамбовской губернии и с 12 лет начал свою трудовую жизнь. Еще юношей Фиолетов приехал в Баку и поступил в механическую мастерскую Нобеля. Гигантский промышленный город вовлек молодого деревенского парня в свой водоворот. В 1900 г. Фиолетов вступил в ряды РСДРП. В 1903 г. стал большевиком. Началась славная жизнь большевика Фиолетова, полная трудностей и испытаний.

Много раз тюрьма и ссылка вырывали Фиолетова из среды бакинского пролетариата, но он снова возвращался к темным прокопченным вышкам, мастерским, заводам, к бакинским рабочим, ставшим для него близкими и родными. Аресты, обыски, тюрьмы и ссылки не ослабляли его воли. Наоборот, всякий раз с новой энергией он принимался за прерванную работу.

Первый раз Фиолетова арестовали в 1903 г. за активное участие в июльской забастовке. В конце года жандармы снова явились за ним. Предупрежденный товарищами, Фиолетов успел скрыться. После долгих скитаний с чужим паспортом, он устроился на работу в Грозном. Революционная деятельность возобновилась—снова собрания, нелегальная литература, листовки и снова... полиция. В конце 1904 г. Фиолетов арестован. Он поднимает заключенных на борьбу против ужасных тюремных условий. Они объявляют голодовку. На восьмой день в бессознательном состоянии Фиолетова увозят в больницу. Из тюрьмы освобождает его революция 1905 г.

В 1906 г. Фиолетов—в Баку. Бакинские большевики широко используют легальные возможности. Фиолетов принимает активное участие в организации союза нефтепромышленных рабочих и ведет большую работу на промыслах. В 1908 г.—новый арест и ссылка в Вологодскую губернию. Здесь Фиолетов с громадной энергией принимается за самообразование. Он занимается математикой, историей, политической экономией... Как староста колонии ссыльных Фиолетов создает кружки, проводит собрания, собирает деньги для организации побегов. Годы ссылки не пропали даром: Фиолетов впоследствии держал экзамен за среднюю школу. Талантливый рабочий-самоучка хорошо сдал все предметы, но провалился по... закону божьему. Фиолетов часто шутил по поводу этой «неудачи».

С 1914 г. Фиолетов снова работал в Баку. На промыслах и заводах Баку он пользовался большим авторитетом. Рабочие горячо любили его. Он вырос вместе с ними. Они верили ему. Когда в тяжелой борьбе с нефтепромышленниками нужно было постоять за интересы пролетариата, рабочие прежде всего называли кандидатуру Вани Фиолетова, неизменно выбирая его своим представителем в различные комиссии. Они относились к Фиолетову с особенной теплотой. «Ваничка»—так звали рабочие Фиолетова.

Вскоре после Февральской революции в Баку приехал Анастас Микоян, сразу ставший одним из наиболее активных работников бакинской организации. Ему было всего только 22 года. Товарищ

Микоян начал свою революционную деятельность в 1915 г. В Эчмиадзинской духовной академии он организовал большевистскую группу. Она связалась с армянской социал-демократической газетой «Пайкар» («Борьба»), издававшейся в Тифлисе, и повела решительную борьбу с дашнаками. Микоян активно сотрудничал в этой газете. Как только совершилась Февральская революция, Микоян вырвался из душных стен академии и уехал в Тифлис, а затем в Баку. Здесь, среди интернационального бакинского пролетариата развернулась его многогранная деятельность. Он писал статьи, выступал с докладами и лекциями на русском и армянском языках, вел партийную и советскую работу и сражался с винтовкой в руках за диктатуру пролетариата. Бакинские рабочие скоро узнали непримиримость Микояна к врагам, его последовательную интернациональную линию, его преданность революционному делу.

Сплачивая и организуя силы пролетариата, бакинские большевики на основе решений Всероссийской апрельской конференции и указаний Ленина и Сталина проводили большую работу в массах. Как и в ряде других городов, первое время после Февральской революции бакинские большевики оказались в меньшинстве.

В годы империалистической войны аресты и высылки вырвали из пролетарской среды многих большевиков и передовых рабочих. Эсеры, меньшевики, националисты в связи с войной развернули свою пропаганду, отравляя сознание масс ядом буржуазного шовинизма. Сильно изменился состав бакинского пролетариата. Много новых рабочих влилось в его ряды. Все это сказалось в первые же дни после Февральской революции.

Несмотря на выборы т. Шаумяна председателем совета, большинство членов совета поверило демагогическим речам эсеро-меньшевистских лидеров—Саакяна, Айолло, Садовского и всей этой предательской компании. Совет оказался в руках эсеро-меньшевиков, которые всемерно поддерживали контрреволюционную буржуазию.

Местная буржуазия объединилась в буржуазно-националистические партии—дашнаков и муссаватистов. В партии муссаватистов засели азербайджанские капиталисты, беки и ханы; в партии дашнаков—армянские капиталисты и кулаки. Под видом защиты «общенациональных» интересов обе партии с помощью эсеров и меньшевиков пытались подчинить своему влиянию трудящихся азербайджанцев и армян.

Только большевики вели непримиримую борьбу со всеми буржуазными партиями. Высоко подняв знамя социалистической революции, они сплачивали широкие массы рабочих и трудящихся вокруг революционной линии Ленина—Сталина.

Бакинский комитет партии привлек к работе все активные силы, распределил пропагандистов и агитаторов по районам. Большевики шли на предприятия, собрания и митинги, терпеливо разъясняя рабочим истинный смысл происходящих событий и политику большевиков.

Очень важно было повести работу в массах азербайджанского

пролетариата и крестьянства. Муссаватистам удалось распространить свое влияние среди азербайджанского населения. Они создали сеть национальных комитетов, используя их для своих контрреволюционных целей. Муссаватисты особенно укрепились в уездах Азербайджана.

Пролетарский Баку был слабо связан с азербайджанской деревней. Как отмечал т. Микоян, бакинская нефтяная промышленность опиралась «на пролетарские кадры рабочих нетуземного населения, не связанных глубокими корнями с азербайджанской деревней»[1]. Сюда тянулись русские крестьяне Поволжья, армяне, иранцы, лезгины... В уездах Азербайджана кадры пролетариата были крайне малочисленны. В деревне господствовала почти поголовная неграмотность. Организованность и сознательность крестьянства была низка. Пользуясь всем этим, в аппарате новой власти в уездах Азербайджана окопались ханы, беки, кулаки, царские чиновники, полицейские и жандармы.

Эсеры и меньшевики проводили великодержавную политику царизма. Они всячески отгораживали Бакинский совет от рабочих-азербайджанцев, фактически отдавая их в руки муссаватистов. Только большевики смело понесли свои революционные лозунги в массы азербайджанских рабочих и крестьян.

«Гуммет» под руководством Мешади Азизбекова широко развернул свою деятельность. В самом «Гуммете» засела группа националистических интеллигентов. Она препятствовала развитию работы в азербайджанских массах и тормозила интернациональное сплочение рабочих и всех трудящихся Азербайджана. Но вопреки усилиям этой группы работа развертывалась. Тов. Азизбекову помогали рабочие-большевики—Кази Мамед, Сардаров и другие.

В борьбе за массы огромную роль играла большевистская печать. 22 апреля (5 мая по н. с.) в день рабочей печати Бакинский комитет приступил к изданию своей газеты. Она вышла под старым заголовком: «Бакинский Рабочий». «Бакинский Рабочий» издавался в 1906—1908 гг. Им руководил тогда товарищ Сталин. Газета высоко держала знамя большевизма и пользовалась огромным авторитетом и любовью рабочих.

Спустя 11 лет после выхода первого номера «Бакинский Рабочий» возродился вновь. Редактором газеты был утвержден Степан Шаумян. Он отдавал газете много сил. Поздно ночью, в типографии, за маленьким столиком, среди наборных касс и машин можно было видеть несколько сутуловатую фигуру Степана, склонившуюся над передовицей или материалом очередного номера. Шаумян вел газету по-боевому. В каждом номере «Бакинского Рабочего» он разоблачал политику контрреволюционной буржуазии и ее прислужников, сплачивая и подготовляя массы рабочих и трудящихся к предстоящей социалистической революции.

Было очень важно издавать также газету на азербайджанском языке. С первых дней революции большевики стремились осуще-

---

[1] *Микоян*, 10 лет советской власти в Азербайджане, «Бакинский Рабочий» № 98 за 1930 г.

ствить это. Наконец, наступил день выпуска газеты. 3 июля на азербайджанском языке вышел первый номер газеты «Гуммет». «Бакинский Рабочий» горячо приветствовал выход «Гуммета». «Пожелаем энергии и успеха нашим товарищам из «Гуммета». Их успех—наш собственный успех. Интересы рабочих всех наций тесно связаны между собой. Просвещение мусульманских рабочих необходимо и для самих русских рабочих, для борьбы за общие цели, за общее рабочее дело»[1]. Выпуск «Гуммета» имел большое значение. Муссаватской газете «Ачиг-соз» отныне противостоял большевистский «Гуммет», и как ни была несовершенна технически маленькая еженедельная большевистская газета в сравнении с солидным буржуазно-националистическим органом, она выполняла свою задачу.

Расширяя свои связи с массами, бакинские большевики выдвинули вопросы, особенно волновавшие рабочих и трудящихся. По инициативе большевиков началась борьба за коллективный договор. В конце апреля Совет рабочих депутатов образовал комиссию по выработке коллективного договора. Ее возглавил Алеша Джапаридзе. В борьбе за насущные требования бакинских рабочих он развил кипучую деятельность.

Вместе с ним большое участие в этой борьбе принимали И. Фиолетов и М. Басин. Большевик М. Басин был активным работником профессионального движения. В 1914 г. он являлся одним из организаторов знаменитой бакинской стачки. После ее разгрома Басин перешел на нелегальное положение, но ни на минуту не прекратил борьбы. В годы империалистической войны он вел активную работу по организации профсоюзов печатников и швейников. После Февральской революции Басин, тесно связанный с рабочими массами, с новой энергией взялся за любимую работу. Он играл большую роль в деле восстановления союза нефтепромышленных рабочих и явился одним из организаторов борьбы бакинских рабочих в 1917—1918 гг.

На заседаниях Бакинского совета, на конференции промысловозаводских комитетов, согласительной комиссии—всюду, где стоял вопрос о коллективном договоре, большевики отстаивали необходимость бороться до конца. Но Бакинский совет шел за эсерами и меньшевиками. Тов. Шаумян вел решительную борьбу с эсеро-меньшевистским большинством Совета. Лидеры эсеро-меньшевиков воспользовались случаем, чтобы избавиться от неугодного им председателя. 11 мая 1917 г. при слиянии Совета рабочих и Совета солдатских депутатов председателем Совета был избран эсер Саакян. Большинство Совета вело соглашательскую политику, призывая к единению с нефтепромышленниками. Опираясь на поддержку эсеро-меньшевиков, капиталисты упорно сопротивлялись, нагло отвергая все требования рабочих. Переговоры с капиталистами затягивались и не приводили ни к каким результатам. Так же обстояло дело с решением других вопросов.

В Баку после революции продолжала существовать цензовая городская дума, дума нефтепромышленников, домовладельцев

[1] «Бакинский Рабочий» № 25 за 1917 г.

и крупных торговцев. Большевики требовали немедленно переизбрать думу и присоединить к городской черте рабочие районы. На заседании думы Мешади Азизбеков заявлял, что отжившая дума должна уступить место демократии, но раз она этого не сделала, «мы сами пришли взять в свои руки все дело». В Исполнительном комитете Алеша Джапаридзе говорил, что так как цензовая дума крепко держится за свои места, нужно немедленно реорганизовать ее.

Требования большевиков встретили сочувствие бакинских рабочих и ожесточенное сопротивление буржуазии. Присоединение промысловых районов к городу означало изменение всего облика думы. Вот почему против этого единым фронтом выступили русские, азербайджанские и армянские капиталисты.

Борьба большевиков против буржуазии и ее агентов вызвала бешеную злобу в капиталистическом лагере. Еще до июльских дней буржуазные газеты повели систематическую травлю большевиков. Против них ополчились все буржуазные силы—мусаватисты, дашнаки, кадеты, эсеры, меньшевики. Передовые рабочие и солдаты Баку были глубоко возмущены этой травлей. 9 июня на собрании рабочих Каспийского товарищества выступил Анастас Микоян. По его докладу рабочие вынесли резолюцию протеста против лживых измышлений и клеветы буржуазной печати на большевиков. Рабочие призвали объявить бойкот местным буржуазным газетам: «Баку», «Каспий» и др. Но такие решения принимали наиболее сознательные отряды бакинских трудящихся, а большинство еще верило соглашательским и националистическим партиям.

Травля большевиков особенно усилилась в июльские дни.

Тов. Шаумян незадолго до июльских дней вернулся из Петрограда, где принимал активное участие в работах I Всероссийского Съезда Советов. От имени большевистской фракции он предлагал на Съезде резолюцию о мире и выступал в ее защиту. Тов. Шаумян встречался в Петрограде с Лениным и Сталиным. Н. К. Крупская пишет, что «Шаумяна, пользовавшегося громадным влиянием среди бакинского пролетариата, мы знали уже давно... И в 1917 году Ильич рад был повидать Степана и поговорить с ним вплотную обо всех вопросах, с такой остротой вставших в это время перед большевиками». Из Петрограда т. Шаумян сообщил в Баку о грандиозной демонстрации питерских рабочих и солдат, состоявшейся 18 июня. В ответ на это Бакинская партийная конференция послала приветствие Петроградскому комитету большевиков и поздравила его с победой.

5 июля т. Шаумян сделал доклад на заседании Бакинского совета об июльских событиях. Несмотря на то, что точная информация отсутствовала, а буржуазная печать сообщала ложные сведения о событиях, т. Шаумян, зная общее положение в армии и стране, дал правильную оценку положения. Он заявил, что выступление питерских рабочих и солдат не является для него неожиданностью. Выражая надежду, что новое революционное движение передаст власть в руки рабочих и солдат, он приветствовал выступление питерского пролетариата и гарнизона.

Доклад т. Шаумяна вызвал взрыв негодования в лагере буржуазии и ее прислужников. Окрыленные поражением июльской демонстрации в Петрограде, соглашатели вместе со всей контрреволюционной буржуазией перешли в наступление на пролетариат. В газетах и на улицах, на заседаниях совета и на митингах они нагло клеветали на большевиков, призывая к физической расправе с лучшими представителями пролетариата.

Но бакинские большевики не растерялись. Они спокойно продолжали итти вперед, уверенные в правоте своего дела.

На заседании Бакинского совета толпа солдат, подогретая демагогическими речами эсеро-меньшевистских ораторов, пыталась наброситься с кулаками на группу большевиков во главе с Алешей Джапаридзе, стоявшую в проходе зала. В ответ на это Алеша со свойственной ему горячностью вскочил на какое-то небольшое возвышение и с поднятой кверху рукой, отчеканивая каждое слово, покрывая своим голосом крики толпы, говорил ей, что пройдет совсем немного времени и она поймет, что только большевики—истинные защитники трудящихся масс.

Шаумян говорил, что нашу партию «будут втаптывать в грязь и обливать ядовитой клеветой. Враги наши и их прислужники—меньшевики употребят все силы, чтобы обмануть рабочих и не допускать следовать за нами. А мы все-таки пойдем по своему пути, и никакая грязь не остановит нас. Рабочие пойдут за нами»[1].

В ответ на наступление буржуазной контрреволюции бакинские большевики призывали рабочих сохранять спокойствие, теснее сплотиться вокруг своей партии, разъяснять отсталым товарищам смысл совершающихся событий и звать их попрежнему к решительной борьбе с контрреволюцией»[2]. Этот призыв большевиков нашел живой отклик в среде бакинского пролетариата. На примере июльских дней и последующих событий массы убеждались, что политика меньшевиков и эсеров ведет к торжеству контрреволюции. Рабочие ряда заводов и промыслов требовали передачи власти в руки советов. На площади Свободы устраивались митинги протеста против контрреволюционной политики Временного правительства и соглашателей.

30 июля собралась Бакинская конференция большевиков. Она горячо приветствовала VI съезд большевистской партии, который вопреки всем препятствиям работал в то время в Петрограде. Под гром аплодисментов конференция приняла предложение Степана Шаумяна послать приветствие съезду и газете «Рабочий и Солдат», наследнице разгромленной контрреволюционерами «Правды».

Бакинские большевики делегировали на VI съезд партии Алешу Джапаридзе. Он принимал активное участие в работах

[1] «Бакинский Рабочий» № 234 за 1928 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 29 за 1917 г.

съезда. В Петрограде, на квартире Серго Орджоникидзе, Алеша встретился с товарищем Сталиным, и они втроем долго беседовали об общем положении Закавказья и всей страны.

VI съезд избрал членом Центрального комитета большевистской партии т. Шаумяна и кандидатом в члены ЦК т. Джапаридзе. 5 августа, сейчас же после съезда, пленум избрал узкий состав ЦК во главе с товарищем Сталиным. В узкий состав ЦК вошел т. Шаумян. ЦК вызвал его в Петроград и установил, что на Кавказе должны поочередно находиться представители Центрального комитета—тт. Шаумян и Джапаридзе.

Выполняя постановления VI съезда партии, бакинские большевики организовали Союз молодежи. В душный августовский день в типографии Куинджи Шаумян писал очередную передовицу для «Бакинского Рабочего». На столе лежало только что полученное сообщение о движении молодежи в Петрограде. В типографию неожиданно вошел Алеша Джапаридзе, вернувшийся с VI съезда партии. С огромным воодушевлением он рассказал о митинге молодежи в цирке «Модерн» в Петрограде, на котором ему удалось присутствовать. «Какой энтузиазм царил среди них! Сколько сил было видно в этих тысячах борцов, в этих детях рабочих!» После разговора с Джапаридзе Шаумян на маленьком листке написал объявление о первом собрании организации молодежи при БК РСДРП(б), которое тут же пошло в очередной номер газеты. «Пусть это будет началом»,—сказал Шаумян.

Организация молодежи при БК объединила группу молодых большевиков—учащихся; председателем ее был избран сын Степана Шаумяна—Сурен. Активное участие принимал и второй его сын—Леон. Осенью 1917 г. возникла группа большевистской молодежи среди печатников. В начале 1918 г. обе организации объединились. Создался «Интернационалистический союз рабочей молодежи города Баку и его районов», заложивший основу комсомольской организации Баку и Азербайджана.

На VI съезде партии стоял вопрос о работе бакинского «Гуммета». Джапаридзе рассказал съезду, как в 1904—1905 гг. возникла организация «Гуммет» и почему бакинские большевики сохранили ее в период новой революции. Он заявил, что «Гуммет» оправдает доверие и будет самоотверженно служить делу внесения классового самосознания в среду мусульманских рабочих и объединения их с российским пролетариатом. Президиум съезда приветствовал «Гуммет» как первую большевистскую организацию, «которая понесла социал-демократическое учение в мусульманские массы». Съезд предложил ЦК РСДРП оказать материальную и всякую иную поддержку «Гуммету».

После VI съезда партии деятельность «Гуммета» значительно расширилась. Собрание членов «Гуммета» Балаханского района, заслушав доклад Азизбекова, присоединилось к резолюции общегородской конференции большевиков и избрало организационную комиссию для оформления районной организации. Вслед за Балаханами организации «Гуммет» создались и в других районах. Большевики-«гумметисты» вели непримиримую борьбу с националистической политикой азербайджанской буржуазии. Они высту-

пали против мусульманских национальных формирований, создаваемых капиталистами и помещиками. Они разоблачали роль комитета мусульманских организаций, возглавляемого муссаватистами.

Речи Азизбекова и других «гумметистов» вызывали протесты в буржуазно-националистическом лагере. Азизбекова обвиняли в том, что он хочет внести раскол в «единый» азербайджанский народ. Но такие «обвинения» не могли смутить большевиков. «Гумметисты» знали, что только они являются действительными представителями азербайджанского народа, в противоположность кучке его злостных угнетателей, возглавлявшей партию «Муссават».

Энергичная работа бакинских большевиков в массах давала свои результаты. Рост большевистского влияния сказался в дни борьбы с корниловщиной. 30 августа состоялось заседание Бакинского совета. Членов совета собралось только 100 человек, зато на заседание явилось около тысячи представителей рабочих и солдат, членов заводских и промысловых комиссий, судовых, ротных и других комитетов. С заводов, промыслов, из казарм они принесли боевые настроения. Речи большевиков, разоблачавших политику эсеров и меньшевиков, собрание встречало бурей аплодисментов. Оно приняло резолюцию большевиков и предложило создать при Исполкоме совета комитет по борьбе с контрреволюцией.

Это был первый случай принятия Бакинским советом большевистской резолюции. Вот почему зашевелился весь соглашательский лагерь. 1 сентября состоялось закрытое заседание совета. Угрожая отставкой, эсеро-меньшевистский исполком добился на нем отмены решения 30 августа. Тогда рабочие и солдаты потребовали немедленного переизбрания соглашательского совета. Еще на заседании 30 августа Фиолетов поднял вопрос о перевыборах. Теперь большевики вышли с этим вопросом в массы, и под их давлением совет вынужден был принять предложение большевиков. Началась оживленная предвыборная кампания. Как раз в это время в Баку приехал старый работник организации Я. Зевин.

Яков (Павел) Зевин происходил из семьи мелкого торговца села Краснополье Гомельской губернии. Отец хотел пристроить его к торговым делам, но из этого ничего не вышло. Когда семья переехала в Каменское Екатеринославской губернии, 15-летний Яша связался с рабочими Каменского завода, доставал через них литературу, участвовал в их сходках. В лавке отца он хранил нелегальные брошюры и прокламации. В ноябре 1905 г. за участие в демонстрации Зевин был жестоко избит черносотенцами и арестован. В 1907 г. Зевин переехал в Баку. В 1908 г. Яков был сослан в Вологодскую губернию. Первое время Зевин был меньшевиком. Но уже в ссылке он начал сближаться с большевиками. В 1911 г. Зевин уехал за границу. В Париже он учился в партийной школе Лонжюмо, организованной Лениным, затем участвовал на Пражской партийной конференции. Ленинская школа и Пражская конференция окончательно определили дальнейший путь Зевина.

Возвратившись из-за границы, Зевин работал на Украине, затем снова был арестован и сослан. В 1915 г. Зевин под фамилией Кузьмина Павла Никитича приехал в Баку, где стал

активным работником большевистской организации. Зевин ходил от промысла к промыслу, от завода к заводу, восстанавливая партийные связи, организуя собрания и кружки, укрепляя бакинскую большевистскую организацию. Никто не знал настоящего имени Зевина, но все знали «товарища Павла», неутомимого организатора, во всякое время неизменно идущего на сходки и собрания к рабочим.

В 1916 г. Зевин был арестован. «А, товарищ Павел, наконец-то и мы с вами познакомились»,—сказал ему жандарм, радостно потирая руки. Только тогда стало известно настоящее имя и фамилия Зевина. Зевина снова сослали, на этот раз в Иркутскую губернию. Он находился по пути в ссылку, в Рязани, когда разразилась Февральская революция. Зевин был освобожден, приехал в Москву, где работал в Московском совете рабочих депутатов.

Возвратившись в Баку, Павел сразу включился в активную работу. Вместе с тт. Басиным и Стуруа он составил наказ депутатам в новый Бакинский совет. Этот наказ широко распространялся в массах. Он являлся основным предвыборным документом большевиков.

Революционный подъем, начавшийся в дни разгрома корниловщины, сказался и на экономической борьбе бакинских рабочих. Большевики призывали рабочих порвать с соглашательской тактикой. «Бакинские рабочие снова у разбитого корыта,—писал Джапаридзе,—а ведь прошло 6 с лишним месяцев—и каких месяцев... Надо прежде и раньше всего преодолеть соглашательство, освободиться от этой язвы рабочего движения»[1].

18 сентября состоялось заседание конференции промысловозаводских комиссий. Председательствовал т. Джапаридзе, секретарем был избран т. Басин. Конференция отвергла соглашательскую политику. Она объявила свои заседания непрерывными и представила последний ультиматум нефтепромышленникам. Через четыре дня—22 сентября, получив отрицательный ответ предпринимателей, конференция приняла предложение большевиков—объявить с 27 сентября всеобщую забастовку. Председателем стачечного комитета был избран Алеша Джапаридзе.

Большевики стремились придать забастовке мощный и организованный характер. «Война объявлена,—писал Джапаридзе,—бакинские рабочие перед всей Россией доказали свою выдержку, теперь должны доказать свою организованность и дисциплину»[2].

Стачечный комитет принял постановление о работе водопровода, нефтепровода, электрической станции, больниц, железных дорог, средств связи и пр. Был установлен порядок созыва митингов и собраний во время забастовки.

В то время как пролетариат Баку под руководством большевиков деятельно готовился к стачке, эсеро-меньшевистские лидеры делали последние усилия сорвать ее. Для этого прибыл из Тифлиса меньшевик Гегечкори. Используя последние минуты, эсеры

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 53 за 1917 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 57 за 1917 г.

и меньшевики бегали с одного заседания на другое, чтобы установить «мир» между враждующими сторонами. «Во все время, пока вы готовитесь к забастовке,—говорил меньшевик И. Рамишвили на заседании конференции промыслово-заводской комиссии 26 сентября,—я веду свою старую примиренческую политику, которая вам всем давно известна и которая вам всегда не нравилась. Вы мне кричите долой, когда я прошу вас не бастовать... Не бойтесь, что я хочу сорвать вашу забастовку. Если бы я мог это сделать, я бы это сделал сейчас».

Ничто не могло сломить единодушия бакинских рабочих. «Наш призыв остался гласом вопиющего в пустыне»,—говорил Гегечкори. Конференция приняла предложение Алеши Джапаридзе—признать, что забастовка объявлена, и принять все меры, чтобы в назначенное время она организованно началась.

Шесть дней—с 27 сентября по 2 октября—продолжалась всеобщая забастовка бакинского пролетариата. Замерла жизнь на заводах и промыслах Баку. Весь рабочий город поддержал нефтяников. Забастовка проходила организованно. Везде соблюдался полный порядок и спокойствие. Распоряжения стачечного комитета исполнялись беспрекословно. «Товарищи! Ваша революционная дисциплина и выдержка восхищает всех,—отмечал стачечный комитет.—Мы счастливы передать вам привет, пожелания победы и обещания поддержки, которые мы беспрерывно получаем от разных частей армии и флота, профессиональных союзов и разных лиц»[1].

Стачечный комитет призывал рабочих к стойкости и сплочению. «Ваши враги не дремлют. Они домогаются прорвать ваш крепкий строй. Не смея открыто производить свою гнусную работу, они, как предатели, действуют исподтишка. Они распространяют подлые слухи, чтобы смутить вас. Будьте бдительны! Знайте, что везде, на всем нашем фронте царит воодушевление. Единая разноплеменная пролетарская семья железной рукой кует нам победу»[2]. Стачечный комитет был прав. Сплоченность и организованность рабочих, поддержка их всеми трудящимися обеспечили успех забастовки. Твердое большевистское руководство привело к победе. Нефтепромышленники приняли предложение рабочих и согласились ввести коллективный договор. Центральный стачечный комитет поздравил бакинский пролетариат с победой и объявил, что стачка считается оконченной с 12 часов дня 3 октября.

Через два дня после окончания стачки приехал министр труда Временного правительства меньшевик Гвоздев. Он имел задание задушить стачку, но опоздал. Ему пришлось выслушать хорошую отповедь от бакинских рабочих. «Мы закончили забастовку без вас,—сказал Джапаридзе,—но если бы вы даже приехали во время забастовки, то и тогда ваша роль свелась бы к нулю... Не посреднические конторы должны стоять во главе государства в настоящее революционное время, а сильная и решительная революционная власть, опирающаяся на подлинную демократию»[3].

[1] «Известия Бакинского Совета» № 147 за 1917 г.
[2] *Там же.*
[3] «Бакинский Рабочий» № 62 от 6 октября 1917 г.

Сентябрьская стачка в Баку имела большое значение. Она знаменовала крах соглашательской политики эсеров и меньшевиков. Центральный комитет большевистской партии приветствовал «революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал»[1].

Как раз в эти дни ЦК большевиков предлагал всем партийным организациям энергично готовиться к решительной схватке с буржуазией. Шаумян был вызван в Петроград и присутствовал на заседании ЦК 15 сентября, когда впервые обсуждались письма Ленина о вооруженном восстании. Он принимал активное участие в борьбе за осуществление ленинских директив. 21 сентября от имени большевистской фракции Шаумян выступал на Всероссийском Демократическом Совещании; 2—7 октября Шаумян руководил I съездом большевистских организаций Кавказа, происходившем в Тифлисе. Исходя из указаний ЦК, съезд наметил тактику большевиков Кавказа в борьбе за пролетарскую революцию. Он предупреждал, что буржуазия и ее прислужники не сдадут без боя своих позиций. Съезд горячо приветствовал бакинских рабочих в связи с победой сентябрьской стачки и предлагал готовиться к новым битвам.

В течение сентября и октября влияние большевиков в Баку продолжало укрепляться. Конференция фабрично-заводской комиссии приняла резолюцию, предложенную т. Зевиным. Она требовала перехода всей власти к советам, конфискации помещичьих земель, организации рабочего контроля, национализации крупных предприятий, имеющих государственное значение. Только 7 человек голосовало против этой резолюции.

Больших успехов добились большевики среди солдат. Эсеро-меньшевистские руководители не пускали большевиков в казармы и запрещали распространение их литературы, но большевики преодолели эти препятствия. В сентябре в бакинском гарнизоне уже господствовало большевистское влияние. Митинги солдат на площади Свободы требовали «ликвидации политики соглашений» и «передачи всей власти советам».

В середине октября руководство Бакинского совета перешло к большевикам. На заседании совета 13 октября эсеры и меньшевики требовали вывода прапорщика Авакьяна из состава исполкома. Авакьян не был большевиком, но резко выступал против соглашателей. Он организовывал на площади Свободы многолюдные митинги солдат с протестом против союза с буржуазией. Вот почему его так ненавидели эсеро-меньшевистские лидеры. Они заявляли, что уйдут в отставку, если Авакьян не будет исключен из исполкома. Совет принял отставку исполнительного комитета. Речи Мешади Азизбекова, Басина, Шаумяна и других большевиков встретили горячее сочувствие.

В тот же день вечером был образован Временный исполнительный комитет. Председателем его был избран Степан Шаумян. 15 октября собралось заседание совета с представителями заводских и промысловых комиссий, ротных и судовых комитетов. Оно

[1] «Рабочий путь» № 29 за 1917 г.

объявило себя конференцией расширенного совета, правомочной впредь до новых выборов совета. Расширенный Бакинский совет избрал делегатов на второй Всероссийский съезд советов и заявил о необходимости установления советской власти. Он указал, что «необходимо отобрать власть у врагов народа и передать ее в руки самого народа в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов»[1].

Возглавив совет, большевики взяли в свои руки и руководство его газетой «Известия Бакинского Совета». Из желтого соглашательского листка «Известия» превратились в боевую революционную газету. 24 октября, в день, когда в далеком Петрограде началась вооруженная схватка с буржуазией за установление власти советов, «Известия Бакинского Совета» писали: «Все сочувствие, все симпатии закабаленных, голодающих масс беднейших крестьян, революционных солдат, матросов и рабочих—на стороне Советов... Вся власть должна перейти к органам громадного, подавляющего большинства народа—Советам...»[2]

Вопрос об отношении к Великой пролетарской революции обсуждался на заседании Бакинского совета 31 октября. Рабочие и солдаты на этом заседании требовали немедленно поддержать петербургских товарищей и передать всю власть советам. Большевики внесли резолюцию, которая была принята подавляющим большинством голосов. «Расширенный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов Бакинского района,—говорилось в принятой резолюции,—оставаясь на почве своего прежнего решения о необходимости власти Советов и недоверия к коалиционному правительству, с каковым решением Совет отправил на съезд в Петербург своих делегатов, в этой борьбе, происходящей в Петербурге и по всей России, становится определенно на сторону создающейся новой народной власти»[3]. Совет поставил своей задачей установить советскую власть в Баку и предложил немедленно выработать план взятия исполнительным комитетом совета всей власти.

2 ноября Бакинский совет обсуждал этот план. Буржуазные прислужники—меньшевики, эсеры и дашнаки в знак протеста против установления советской власти демонстративно покинули заседание совета. Но подавляющее большинство членов совета осталось работать, ответив презрением на уход предателей. Шаумян сказал, что уход кучки интеллигентов не ослабит, а укрепит революцию. Он призвал рабочих и солдат еще теснее сплотиться вокруг исполкома. Бурными аплодисментами ответил Бакинский совет на слова своего руководителя.

На другой день Исполком Бакинского совета обратился с воззванием к рабочим и всему населению города. Он объявил, что совет решил взять в свои руки власть. Целью Исполнительного комитета является прежде всего всемерная поддержка нового рабоче-крестьянского правительства, борьба с разрухой и спекуляцией и водворение революционного порядка в городе.

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 67 за 1917 г.
[2] «Известия Бакинского Совета» № 169 за 1917 г.
[3] «Известия Бакинского Совета» № 175 за 1917 г.

«Совет заявляет вместе с тем, что он беспощадно расправится со всякими попытками контрреволюционных выступлений в нашем городе.

Призываем вас, граждане, к спокойствию и поддержке новых революционных органов власти.

Да здравствует революционный пролетариат и гарнизон Петербурга! Да здравствует новое революционное правительство во главе с Лениным!

Да здравствует власть Советов!»[1]

Большевики призывали рабочих и трудящихся объявить беспощадную борьбу кучке предателей и изменников, ушедших из совета. Меньшевики и эсеры вместо совета пытались создать новый центр,—они организовали комитет общественной безопасности. Этот комитет был главным штабом бакинской контрреволюции. Получив через меньшевика Фролова средства от капиталистов для антисоветской работы, комитет выпустил «Известия» и обратился с воззванием к населению, призывая его не подчиняться советской власти. По городу было распространено большое количество контрреволюционных листовок. Но твердая линия большевиков сломила это сопротивление. Потерпев поражение в массах, лидеры эсеров, дашнаков и меньшевиков возвратились в совет. Комитет общественной безопасности был распущен. Вслед за ним был ликвидирован комитет общественных организаций.

Тогда буржуазия перенесла свой центр во вновь избранную городскую думу и национальные советы. На выборах в думу 29 октября промысловые районы не участвовали. Большинство голосов получили буржуазные партии. Дума отказывалась признавать рабоче-крестьянское правительство и протестовала против захвата власти советом. В «трогательном» единении выступали в думе руководители азербайджанской и армянской буржуазии, предлагая создать власть из представителей городской думы и национальных советов. Меньшевики присоединились к этому предложению, и оно было принято думой. Из этих попыток создать вновь буржуазную власть в Баку ничего не получилось. Буржуазия оказалась бессильной отнять власть у совета легальным путем.

Однако и Бакинский совет не стал еще полновластным хозяином города. В руках городской думы попрежнему находились милиция, финансы, продовольственное дело и проч., а национальные советы имели собственные вооруженные силы. Внутри Совета рабочих и солдатских депутатов действовали эсеры, меньшевики, дашнаки, муссаватисты.

В декабре 1917 г. происходили перевыборы Бакинского совета. Массы рабочих поддерживали советскую власть. Эсеры, дашнаки и муссаватисты пытались приспособиться к этим настроениям. На предвыборных собраниях они выставляли себя сторонниками советской власти. Часть рабочих и солдат поверила им. В Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов наряду с большевиками были избраны эсеры, муссаватисты, дашнаки и меньшевики. Они вошли в совет вовсе не для поддержки диктатуры пролетариата,

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 76 за 1917 г.

а для того чтобы подрывать ее изнутри. Руководитель эсеров Саакян прямо сказал: «Мы должны итти во все учреждения, создаваемые большевиками, и там вести свою линию поведения».

Тов. Микоян отмечал: «Непрочное большинство в Бакинском совете, наличие в его среде националистических партий, как Дашнакцутюн и Муссават, и ряд других причин не дали возможности сделать Бакинский Совет настоящим и безраздельным хозяином Баку. Хотя власть была в руках Бакинского Совета, однако меньшевики и эсеры имели такую же, как и раньше, возможность борьбы и агитации против нас. С другой стороны, националистические партии—Дашнакцутюн и Муссават, имея неограниченную свободу в своих действиях, собирали, вооружали и организовывали свои силы для национальной резни между азербайджанцами-тюрками и армянами»[1].

Бакинский совет не мог пресечь контрреволюционную деятельность всех этих сил без упорной вооруженной схватки. Шаг за шагом укрепляя советскую власть в Баку, бакинские большевики готовились к предстоящим вооруженным столкновениям. Одновременно они вели энергичную борьбу за установление советской власти во всем Азербайджане и Закавказье.

Власть в уездах Азербайджана и после Октября находилась в руках местных помещиков. Они использовали свою власть прежде всего для того, чтобы заглушить классовую борьбу азербайджанского крестьянства. Весть о декрете советской власти о земле проникла в деревню. Крестьяне начинали понимать, что они обмануты местными и закавказскими органами власти. Доведенные до последней степени разорения и нищеты, они восстали против злостных угнетателей азербайджанского народа—беков и ханов.

В январе 1918 г. в Елисаветпольской губернии, где были гнезда наиболее крупных беков и ханов, движение быстро охватило крестьянские массы. Это была жестокая месть крестьян за свое вековое угнетение. Они поджигали помещичьи имения, вырезали бекские семьи, забирали их имущество. Агитацию среди крестьян за отобрание помещичьих земель вели большевики-«гумметисты». Но движение в целом носило стихийный характер.

Степан Шаумян в январе 1918 г. был в районах восстания. Он много беседовал с крестьянами, собрал сведения о помещичьем землевладении и крестьянском движении и опубликовал их впоследствии в печати. Шаумян указывал на необходимость придать движению большую сознательность и организованность, ставя задачей «конфискацию всех земель и передачу их в распоряжение крестьянских комитетов»[2].

31 января Шаумян обратился с воззванием к крестьянскому населению мусульманских провинций Закавказья.

«Братья-крестьяне! Настал час, когда вы окончательно должны сбросить с себя вековое иго помещиков-землевладельцев, ханов, беков, агаларов... От имени рабоче-крестьянского правительства

---

[1] «Бакинская организация большевиков в 17—18 г.», сборник «Из прошлого», 1923 г., стр. 32.

[2] «Кавказский Вестник СНК» № 1 от 31 января 1918 г.

я приветствую ваше пробуждение и вашу борьбу. Земля должна принадлежать народу, и того, что вы возьмете теперь, никто не в силах будет отнять у вас»[1].

Однако бакинский пролетариат не сумел возглавить этого движения и установить смычку с азербайджанским крестьянством. Азербайджанским помещикам удалось подавить крестьянские восстания и при поддержке всей закавказской контрреволюции переключить движение на межнациональную борьбу.

III

Закавказскую контрреволюцию возглавили грузинские национал-меньшевики. Пока в России существовало правительство помещиков и капиталистов, они призывали к его поддержке и отмежевывались от сепаратизма, но стоило только победить революционному правительству рабочих и крестьян, как закавказская буржуазия и ее прислужники стали на путь отделения от Советской России. Они образовали так называемый Закавказский комиссариат. Он представлял из себя блок всех буржуазных партий Закавказья, организованный для борьбы с советской властью. Товарищ Сталин писал: «Закавказский комиссариат с его татарскими беками, вроде Хан-Хойского и Хасмамедова, с одной стороны, и грузинскими дворянскими интеллигентами, вроде Жордания и Гегечкори, с другой, является живым воплощением этой антисоветской коалиции»[2].

Порвав с Советской Россией, Закавказский комиссариат всемерно помогал контрреволюционным силам Дона и Кубани—Каледину, Караулову и К° и заключил союз с иностранной буржуазией. Объявив борьбу интернациональной советской власти, он встал на путь активного национализма. Под крылышком Закавказского комиссариата укреплялись национальные советы. Подымал голову воинствующий национализм азербайджанской, армянской и грузинской буржуазии и помещиков. Закавказье катилось в бездну контрреволюции и междоусобных войн.

Бакинский пролетариат повел энергичную борьбу с закавказской антисоветской коалицией. «Революционный пролетарский Баку,—писал товарищ Сталин,—с первых же дней Октябрьской революции признавший Советскую власть и неустанно ведущий борьбу с Закавказским комиссариатом, не давал спать Закавказскому пролетариату, служа ему заразительным примером и живым маяком, освещающим путь к социализму»[3].

Борьба бакинских рабочих находила сочувствие в трудящихся массах Закавказья. Быстро росло влияние большевиков среди солдат Кавказской армии, в гарнизонах Тифлиса и других городов.

В декабре в Тифлисе заседал второй съезд Кавказской армии. Полгода назад, на первом съезде большевики представляли собой

---

[1] «Кавказский Вестник СНК» № 1 от 31 января 1918 г.
[2] «Правда» № 55 за 1918 г.
[3] *Сталин*, Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. «Правда» № 56 за 1918 г.

маленькую группу, с которой не хотели считаться. Теперь, на втором съезде армии, большевики были самой многочисленной фракцией. Ее возглавил Степан Шаумян. Съезд открыл эсер Донской. Его намечали председателем. Но не успел он кончить своей вступительной речи, как раздался спокойный и твердый голос Степана Шаумяна: «Над этим человеком тяготеет величайшее преступление предателя рабочего класса. Он вошел в заговор с Калединым и другими контрреволюционерами. Такой предатель в эту историческую минуту, когда решается вопрос быть или не быть советской власти в Закавказье, в нашей среде не может быть терпим ни одной минуты»[1]. Шаумяна поддержало левое крыло съезда, и Донской, бледный, как полотно, сошел с эстрады.

Степан Шаумян огласил на съезде ряд документов, полностью подтверждающих причастность закавказских властей к северокавказской контрреволюции. Съезд резко осудил политику Закавказского комиссариата и краевого совета Кавказской армии. Съезд высказался за немедленное создание советской власти в крае. Съезд избрал краевой совет Кавказской армии из 100 человек; 52 из них принадлежали к большевикам и сочувствующим им. Вместо эсера Донского председателем краевого совета был избран большевик Григорий Корганов. Новый краевой совет армии заявил Совету народных комиссаров, что будет всемерно поддерживать советскую власть и ее декреты о мире, о земле, о рабочем контроле.

Тов. Шаумян предлагал использовать эти силы в борьбе за установление советской власти в Закавказье. 6 декабря он сообщал в Петроград товарищу Сталину, что большинство гарнизона на стороне большевиков. Шаумян указывал, что с помощью войск и Бакинского совета можно свергнуть контрреволюционный Закавказский комиссариат.

Однако руководящая группа грузинских националуклонистов—Кавтарадзе, Окуджава, Мдивани и др.,—впоследствии открыто перешедшая в лагерь врага, уже тогда своими действиями помогала закавказской контрреволюции. Она выступала против вооруженной борьбы за советскую власть и отказалась использовать революционных солдат кавказского фронта для свержения антисоветской коалиции в Закавказье. Эта группа фактически сдала тифлисский арсенал меньшевикам и по их требованию распустила делегатское собрание тифлисского гарнизона. Из-за предательской тактики националуклонистов большевики Грузии не сумели использовать благоприятную революционную ситуацию для захвата власти. Опорные пункты в Тифлисе взяли в свои руки грузинские национал-меньшевики.

Но создание нового краевого совета Кавказской армии путало карты меньшевиков. Вот почему, как только делегаты съезда армии разъехались на места, меньшевики и эсеры, опираясь на поддержку Тифлисского совета, самочинно объявили себя краевым советом армии, захватили помещение и средства. Революционное

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 214 от 20 сентября 1925 г.

большинство совета армии продолжало твердо стоять на своем посту. Не имея необходимой опоры в Тифлисе, оно перенесло свое местопребывание в Баку, «пролетариат и гарнизон которого взял всю власть в свои руки и признал Совет народных комиссаров».

Эсеро-меньшевики не ограничились захватом краевого совета Кавказской армии. Предстояла демобилизация. Революционные солдаты Кавказской армии «должны были проехать через Тифлис, столицу антисоветской коалиции. Они могли составить в руках большевиков серьезную угрозу существованию Закавказского Комиссариата»[1]. Буржуазия с трепетом ждала, когда солдаты с оружием в руках двинутся с фронта; с другой стороны, она хотела использовать оружие Кавказской армии для вооружения своих национальных частей. Закавказский комиссариат и краевой центр решили разоружить солдат Кавказской армии.

На линию железной дороги в район станции Шамхор был выслан бронепоезд. Совместно с вооруженными бандами муссаватистов 7—10 января он напал на проходящие воинские эшелоны. Тысячи солдат были зверски расстреляны меньшевистско-муссаватскими бандами. Оказывая сопротивление внезапному предательскому нападению, оставляя горы трупов, эшелоны пробивались вперед по направлению к Баку.

Против Шамхорского расстрела поднялась волна негодования в массах трудящихся. «Именем Центрального Правительства Российской Республики,—писал Степан Шаумян,—я протестую против этого неслыханного злодеяния. Проливается невинная кровь солдат, которые в течение трех лет самоотверженно защищали границы Кавказа, оставив на поле битвы и в городах Армении десятки тысяч своих братьев, расхищается безжалостно оружие, принадлежащее Российской Республике. Виновники этого тяжкого преступления не могут остаться безнаказанными»[2]. С фактами в руках Шаумян разоблачил виновников кровавых событий—руководителей Закавказского комиссариата и краевого центра—грузинских меньшевиков Жордания, Рамишвили и К° и азербайджанских ханов и беков—Зиатханова, Рустамбекова, Усубекова и др.

Выехав в Тифлис, Степан Шаумян попал в район кровавых шамхорских событий. Железнодорожное сообщение было прервано, и поезд, которым он ехал, был задержан на станции Елисаветполь. Станция и город были заполнены вооруженными муссаватскими бандами, направлявшимися в сторону Шамхора и Дзегама. Кругом царила атмосфера крови, пороха и провокаций. Шаумяну заявили, будто эшелоны солдат предполагают напасть на город. Шаумян ответил, что ручается мирно, без всяких эксцессов провести воинские эшелоны до Баку. Он сделал попытку прорваться с этой целью к солдатам, но подошедший к станции паровоз с вагоном, который Шаумян думал использовать для поездки, был захвачен бандой муссаватистов.

В это время подошел рабочий-железнодорожник и посоветовал Шаумяну немедленно покинуть станцию. Шаумян направился

[1] *Сталин,* Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма, «Правда» № 55 за 1918 г.

[2] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 99.

в город. Елисаветполь был похож на военный лагерь. На границе армянской и азербайджанской части города сидели вооруженные люди. Часто происходила стрельба. С риском для жизни Шаумян проехал в армянскую часть города. Здесь он оставался несколько дней, устроил совещание с местными большевиками, выступал на собраниях, разоблачая контрреволюционную политику меньшевиков, муссаватистов и дашнаков.

Шаумян решил во что бы то ни стало прорваться в Тифлис. Но все дороги были закрыты. Оставался один возможный выход—пройти по южной горной цепи, через Елисаветпольский и Казахский уезды. Шаумян выбрал этот опасный, но единственный путь. Несколько человек, хорошо знающих местность, изъявили готовность сопровождать его. 13 января Шаумян двинулся в путь. Вся эта трудная дорога на лошадях и пешком продолжалась десять дней. Несколько раз Шаумян и его спутники подвергались обстрелу, но им удалось добраться до Тифлиса. Здесь Шаумян узнал о своем новом назначении.

16 декабря Совнарком обсуждал положение на Кавказе. Доклад сделал товарищ Сталин. По его предложению Совнарком решил назначить Степана Шаумяна чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. 18 декабря был подписан мандат:

Удостоверение.

Предъявитель настоящего мандата, член Центрального Комитета партии большевиков, Председатель Бакинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Степан Шаумян, назначен временным Чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа, впредь до образования краевой Советской власти на Кавказе.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*
Народный комиссар по делам национальностей *И. Джугашвили-Сталин.*

На том же заседании Совнарком решил выдать в распоряжение Степана Шаумяна 500 тыс. руб. Деньги и мандат Шаумяна были вручены известному кавказскому большевику боевику т. Камо. С большими трудностями он провез их через территорию, занятую белогвардейскими генералами, и доставил в Тифлис, передав их Шаумяну.

22 января Степан Шаумян приступил к исполнению обязанностей комиссара по делам Кавказа. 31 января 1918 г. вышел № 1 «Кавказского Вестника СНК» с декретами советской власти и воззванием к рабочим и крестьянам Кавказа. «Советская власть на Кавказе должна быть создана безотлагательно»,—писал Шаумян.—Только она «в тесном единении с российскими советскими центрами и Советом Народных Комиссаров положит конец контрреволюции на Кавказе и поведет рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма»[1].

Товарищ Сталин отмечал, что ход событий опрокинул все расчеты контрреволюционеров Закавказья. «Вернувшиеся с фронта

[1] «Кавказский Вестник СНК» № 1 от 31 января 1918 г.

закавказские солдаты разнесли по деревням аграрную революцию. Запылали усадьбы мусульманских и грузинских помещиков. Устои крепостнических остатков подверглись решительному штурму со стороны «обольшевизированных» солдат-крестьян... Идущая с севера революция и несущая рабочим новые завоевания естественно подымала закавказский пролетариат на новую борьбу. Даже рабочие сонного Тифлиса, опора меньшевистской контр-революции, стали отходить от Закавказского Комиссариата, высказываясь за Советскую власть»[1].

В таких условиях Закавказский комиссариат во главе с меньшевиками стал на путь белого террора. Гегечкори сделал специальный доклад «о могущих быть в городе эксцессах, в связи с объявлением С. Шаумяна чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа». Закавказский комиссариат предложил Шаумяну в 24 часа покинуть пределы Закавказья, угрожая арестом. Затем Закавказский комиссариат закрыл большевистские газеты «Кавказский Рабочий», «Брдзола», «Банвори Крив». Меньшевики опечатали их редакции, конторы и типографии. Несколько большевиков было арестовано, для грузинских большевиков наступили такие же дни, какие полгода назад, после июльских событий, пришлось пережить большевикам Петрограда.

Рабочие Тифлиса и всего Закавказья горячим протестом встретили репрессии Закавказского комиссариата. Около 2 тыс. рабочих тифлисских железнодорожных мастерских продолжительными аплодисментами приветствовали Степана Шаумяна. Выслушав его доклад, они единодушно признали, что политика закавказской власти есть «политика буржуазно-помещичьего соглашения, уже сметенная в России Октябрьской революцией и продолжавшая свое существование только в Закавказье»[2].

10 февраля в Александровском саду состоялся грандиозный митинг протеста против закрытия большевистских газет и арестов. Речи рабочих и солдат, полные ненависти к контрреволюционному Закавказскому комиссариату, встревожили меньшевиков. Митинг был окружен, и безоружная масса рабочих была зверски расстреляна меньшевистским отрядом. Как потом выяснилось, искали Шаумяна, но его там не было. Зато меньшевистские палачи обагрили свои руки кровью рабочих и солдат.

В тот же день, 10 февраля, под аккомпанемент ружей и пулеметов, трещавших в Александровском саду, торжественно открылся так называемый Закавказский сейм. Он состоял из членов разогнанного Учредительного собрания—меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, эсеров и кадетов и представлял собой сборище злейших врагов рабочих и крестьян. По указаниям сейма для подавления крестьянского движения посылались карательные экспедиции. Они безжалостно сжигали целые деревни и расстреливали тысячи крестьян. При попустительстве сейма во всем Закавказье разгорелась кровавая межнациональная борьба. Межнациональной бойней контрреволюционеры Закавказья хотели

[1] «Известия ВЦИК» № 72 за 1918 г.
«Кавказский Рабочий» № 21 за 1918 г.

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.

Петроградъ.
„18" Декабря 1917 г.
№ 305
87.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель настоящаго мандата, членъ Центральнаго Комитета Партіи Большевиковъ, Предсѣдатель Бакинскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Степанъ Шаумянъ назначенъ временнымъ чрезвычайнымъ Комиссаромъ по Дѣламъ Кавказа, впредь до образованія краевой Совѣтской власти на Кавказѣ.

Предсѣдатель Совѣта
Народныхъ Комиссаровъ Ульянов (Ленин)

Управляющій Дѣлами

Народный Комиссар по делам
национальностей
Г. Джугашвили-Сталин

Народный Комиссар по делам
национальностей
Г. Джугашвили-Сталин

задушить классовую борьбу трудящихся и укрепить свою диктатуру. С этой же целью они вступили в тесный союз с международным империализмом.

Товарищ Сталин отмечал, что аграрная революция на Кавказе показала оторванность закавказского «правительства» от «своих» масс. «Разбитые на-голову, «национальные правительства» «вынуждены» были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплоататорам мелких национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,—полоса, лишний раз разоблачившая контрреволюционный характер «национальных» и областных «правительств»[1].

Обе группы империалистических хищников—германо-турецкая и английская—всячески стремились захватить в свои руки Закавказье и особенно нефтяной Баку. Отделение Закавказья от России, развал Кавказского фронта, действия муссаватистов, дашнаков, эсеров и меньшевиков—агентов империалистических группировок—создавали благоприятные условия для осуществления их планов.

Турецкие империалисты действовали при помощи муссаватистов. Они предполагали подчинить себе Закавказье, Северный Кавказ и даже Туркестан, с тем чтобы их владения простирались до самого Афганистана. Турки стремились играть в Азии ту же роль, какую в Европе пыталась играть Германия. Они решили, что момент для осуществления их планов—самый подходящий.

Закавказский комиссариат заключил перемирие с турками, но он упорно отказывался признать Брест-литовский мирный договор, подписанный советской властью. Сейм решил самостоятельно заключить мир с Турцией. 1 марта в Трапезунде делегация сейма приступила к мирным переговорам. Переговоры продолжались целый месяц, но соглашение не состоялось. Турки начали наступать, захватив Ардаган, Карс и Батум, угрожая остальным пунктам Закавказья.

Руководители Закавказского сейма выступили с протестом. Они громко кричали, что не допустят превращения Закавказья в турецкую провинцию. Они заявляли, что отбросят турок от закавказской границы. Но все это осталось пустой декларацией. Муссаватисты отказались принять участие в этой войне, а меньшевики и дашнаки быстро пошли на позорную сделку с турецким империализмом. По требованию германских и турецких империалистов 9 апреля они провозгласили «независимость» Закавказья. Один из делегатов сейма прямо сказал, что это «есть переход в рабство к Турции». Турция немедленно признала такую «независимость». В Батуме возобновились мирные переговоры.

Уже тогда было ясно, на какой основе состоялось соглашение. Турецкие империалисты и закавказское правительство договорились ликвидировать свои разногласия, с тем чтобы организовать совместный поход против революционного Баку—оплота советской власти в Закавказье. С особенной радостью приветствовали это

[1] *Сталин,* Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 55.

соглашение муссаватисты. Перед отправкой закавказской делегации в Батум муссаватист Усубеков говорил о наступлении большевиков с Востока и что «нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться такому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила—Турция».

В день провозглашения «независимости» Закавказья один из членов сейма предсказал главное направление действий турецкого империализма и его «независимых» союзников. «Вы пойдете войной на Баку?»—спросил он, обращаясь к муссаватистам. В ответ раздалось: «Пойдем».—«Вы пойдете завоевывать Баку и этим совершите первый империалистический акт... но вы его не сможете совершить сами, и вам придется его совершить при помощи Турции, вы с помощью турецких войск пойдете завоевывать Баку...»[1]

Руководители Закавказского комиссариата и сейма шли на сделку не только с турецкими империалистами. Порвав с Советской Россией и объявив войну пролетарскому Баку, они отдавали Закавказье в кабалу такому хищнику, как Германия.

Германские империалисты хотели захватить Закавказье, Украину, Северный Кавказ, чтобы, создав вокруг Советской России враждебное кольцо, задушить советскую власть и превратить Россию в одну из колоний Германской империи. В Закавказье их привлекали огромные сырьевые ресурсы и прежде всего бакинская нефть. Наконец, Закавказье они рассматривали как базу для осуществления своих грандиозных замыслов на Востоке. «Нужно навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через Баку и Персию»,—говорил представитель немецкой военщины.

Намечая такие широкие цели, Германия, однако, не могла перебросить в Закавказье крупные военные силы. Она действовала поэтому несколько иными путями. Германские империалисты подталкивали к активным действиям в Закавказье свою союзницу—султанскую Турцию. При поддержке Германии Турция начала наступление на Закавказье. Наступление было успешным. В такой момент в Тифлис прибыла миссия германского верховного командования. Ее руководитель генерал фон Кресс обещал «защитить» Закавказье от дальнейших турецких вымогательств, требуя взамен этого передачи Германии эксплоатации железных дорог и объявления германского протектората над Закавказьем. Когда на Батумской мирной конференции переговоры зашли в тупик, грузинские меньшевики обратились за помощью к германским империалистам. Людендорф приветствовал обращение меньшевиков: «Это давало нам возможность получить доступ к кавказскому сырью независимо от Турции, а также контроль над железной дорогой, проходящей через Тифлис»,—говорил он.

«Посредничество» Германии закончилось впоследствии тем, что она превратила большую часть Закавказья в свою колонию.

---

[1] «Пролетарская Революция» № 11 за 1924 г.

Германия взяла под свое покровительство «демократическую» Грузию. В нее вошли войска императорской Германии. Грузинские меньшевики—Чхенкели, Гегечкори и др. поехали в Берлин, чтобы заверить германского императора в своей глубокой преданности.

В то же время активно действовал в Закавказье английский империализм. Англия боялась, что Германия и Турция захватят железнодорожную линию Батум—Баку, приберут к рукам колоссальные запасы Бакинского нефтяного района и близко подойдут к туркестанскому хлопку, а оттуда и к Индии. А между тем захват Кавказа и Средней Азии был заветной мечтой английских империалистов.

Борьба с советским Баку вошла в общий план интервенции Антанты против диктатуры пролетариата. В декабре 1917 г. договор Англии и Франции распределял между ними районы действий. Наряду с другими пунктами английскому империализму предоставлялось Каспийское море—Баку. Английские газеты писали, что нельзя ограничиться посылкой войск в Сибирь или Мурманск, необходимо подготовить крупные силы для использования их в Северной Персии и на Кавказе. «Возможно, это направление—важнейшее для союзников».

С начала 1918 г. Англия приступила к активным действиям. Она имела в Месопотамии до 90 тыс. солдат, но не решалась ослабить эту армию. Дело ограничилось отправкой в Закавказье английской военной миссии во главе с генералом Денстервилем. В его распоряжение была предоставлена небольшая группа офицеров и солдат, автомашины и несколько сот тысяч фунтов стерлингов золотом. 27 января Денстервиль двинулся в Персию, чтобы оттуда морским путем добраться до Баку.

11 февраля автомобили Денстервиля прибыли в Хамадан, 16-го—в Казвин, 18-го—в Энзели. Там Денстервиль натолкнулся на неожиданное препятствие. В Энзели стоял гарнизон большевистски настроенных русских войск и делами города управлял военно-революционный комитет. Двухтысячная толпа солдат окружила английских «гостей». Денстервилю пришлось явиться в ревком. Там ему запретили делать какие-либо попытки пробраться в советский Баку.

Английский генерал вначале все же полагал прорваться в Баку, но телеграфная и телефонная линия, суда, нефтепродукты—все это находилось в ведении ревкома. Порт тщательно охранялся. У берегов стояла канонерка, готовая в любую минуту открыть огонь. В таких условиях Денстервиль решил отступить. 20 февраля на рассвете англичане вывели свои автомобили и, крадучись, удрали из Энзели. 25 февраля они возвратились в Хамадан. Здесь, в древнем городе Персии, Денстервиль решил обосноваться, чтобы, укрепившись, сделать новую попытку прорваться в Закавказье.

Ожидая подкреплений из Багдада, Денстервиль связался с остатками русских войск, застрявшими в Персии. Генерал Баратов передал ему ценное военное имущество, запасы продовольствия и фуража, транспорт, телеграфное оборудование и пр. Денстервиль привлек к себе на службу русских офицеров, бежавших

из советского Баку, которые информировали его о бакинских событиях. Некоторых из офицеров он послал обратно в Баку со своими заданиями.

В марте 1918 г. положение английской экспедиции резко ухудшилось. Из Персии ушли последние русские войска. Оставался казачий отряд полковника Бичерахова, но и он намеревался возвратиться в Россию. А в это время Персия была охвачена движением «джангалийцев», направленным против англичан. У Денстервиля оставалась единственная надежда—задержать в Персии отряд Бичерахова. Это удалось. Между Денстервилем и Бичераховым был заключен секретный договор, который сам Денстервиль называл превосходным. Бичерахов соглашался не уходить из Персии и не предпринимать никаких операций без согласия англичан. Англичане же взамен этого обещали ему финансовую поддержку.

Бичерахов продался английским империалистам. Главная цель их состояла в подготовке наступления на советский Баку. Первая военная операция союзников состояла в расчистке пути от Казвина к Каспийскому морю.

IV

В то время как международный империализм и закавказская контрреволюция готовились к захвату пролетарского Баку, Бакинский совет неуклонно расширял и укреплял свою власть. Несмотря на значительное влияние других партий, Бакинским советом руководили большевики. В связи с отъездом т. Степана Шаумяна в Тифлис на заседании совета 13 января встал вопрос о председателе совета. Была названа одна кандидатура—Алеши Джапаридзе. Под гром аплодисментов Джапаридзе занял председательское место. В небольшой вступительной речи он сказал, что свои лучшие годы провел среди бакинского пролетариата, делил с ним и победы и поражения. Джапаридзе заверил совет, что приложит все силы, чтобы оправдать доверие бакинских рабочих.

Укрепляя и расширяя свою власть, Бакинский совет систематически ограничивал деятельность городской Думы. Совет взял на себя решение финансового вопроса. Он добился получения денег из центра и распределил их, назначив своих комиссаров во все бакинские банки.

Бакинский совет взял в свои руки продовольственное дело. Вначале была создана при совете продовольственная комиссия из 4 рабочих и 3 солдат, которая должна была контролировать работу существующих продовольственных организаций. Но руководители продовольственной управы фактически саботировали работу комиссии, потворствовали спекуляции, срывали твердую норму и таксы. Закавказские продовольственные организации переменили направление хлебных грузов, с тем чтобы «голодом заставить Бакинский совет признать закавказский комиссариат». В таких условиях совет решил, что нельзя ограничиваться одним контролем. 4 марта Джапаридзе заявил, что все продовольственное дело отныне переходит в руки совета.

Бакинский совет приступил к ликвидации старых судебных органов. Было разработано положение о Революционном трибунале. С пеной у рта эсеры и меньшевики выступали на заседании совета в защиту старого суда и против положения о трибунале. Они кричали, что попирается свобода, что не предусматриваются правовые нормы и пр. Но совет отверг предложение буржуазных защитников и утвердил положение о Революционном трибунале, разработанное большевиками. Одновременно Бакинский совет решил подчинить себе милицию. «Недопустимо, чтобы какая-либо вооруженная сила находилась в ведении другого органа»,—говорил Джапаридзе.

Бакинский совет занимался также вопросами экономического положения рабочих. В комиссии, созданной для окончательного редактирования коллективного договора, происходили ожесточенные споры, не приводившие ни к каким результатам. Бакинский совет решил заставить нефтепромышленников прекратить саботаж и признать коллективный договор. Совет опубликовал договор как обязательное постановление в той редакции, которая предлагалась рабочими, и объявил об установлении рабочего контроля над производством. Но и после этого нефтепромышленники продолжали саботировать решения совета. Верхушка буржуазных специалистов, засевшая в союзе инженеров и техников, всячески помогала своим хозяевам. Она заявила, что против декрета о контроле будет бороться всеми средствами, «вплоть до коллективного ухода всех инженеров и техников с объявлением бойкота лицам, не подчинившимся этой мере».

Уже тогда был поднят центральный вопрос экономической политики совета—вопрос о национализации нефтяной промышленности. Товарищ Фиолетов заявил, что «если промышленники не согласятся на наши требования, то тогда мы сами возьмем в свои руки управление промыслами». Однако осуществить национализацию в то время не представлялось возможным. Как и в других вопросах, Бакинский совет не мог быть полноправным хозяином в нефтяной промышленности, пока рядом с ним продолжали существовать городская дума, национальные советы и другие опорные пункты бакинской буржуазии, пока у Бакинского совета не было собственной вооруженной силы.

В борьбе за укрепление советской власти в Баку огромную роль играла большевистская печать. Газета «Бакинский Рабочий», боевой орган бакинских большевиков, пользовалась огромной любовью у бакинского пролетариата. С начала 1918 г. ответственным редактором газеты был Арсен Амирян.

Арсен Амирян родился в 1881 г. в Баку и провел здесь почти всю свою жизнь. Еще с гимназической скамьи Амирян—член подпольных политических кружков. Будучи студентом Киевского университета, активно работал в студенческом движении. В 1902 г. за участие в студенческих беспорядках Амирян был исключен из университета. С этого времени он целиком отдался общественно-литературной работе. В 1910 г. Арсен Амирян вступил в большевистскую партию и с тех пор оставался верным борцом ленинской партии. Амирян был талант-

ливым революционным журналистом. В годы мировой войны он поместил в армянской прессе ряд блестящих статей против шовинизма, в которых разоблачал империалистскую суть армянской буржуазии и вскрывал лакейскую природу армянской дашнакской интеллигенции.

Амирян редко выступал на собраниях и не был организатором и оратором. Его трибуной была газета. Амирян не любил витиеватых фраз и замысловатых предложений. Писал он энергичным, резким, простым языком. Его короткие фразы, полные глубокого смысла и внутреннего огня, неотразимо действовали на читателя. Он вел «Бакинский Рабочий» в духе большевистской непримиримости. С какой революционной страстью обрушивался Амирян на буржуазных националистов, на гнусных изменников и предателей—эсеров и меньшевиков! С какой несокрушимой силой он разоблачал руководителей Закавказского комиссариата и сейма! «Неистовый Арсен»,—говорили про него.

Большую роль играла и другая газета—«Известия Бакинского Совета». Ее редактором был Сурен Осепян, способный и хорошо подготовленный товарищ. Осепян родился в 1890 г. в Елисаветполе. Успешно окончив гимназию, он поступил в Московский университет. В период студенческой жизни Осепян—активный работник московской большевистской организации. В 1913 г.—сотрудник большевистской газеты «Правда» и журнала «Просвещение». В 1914 г. Осепян был мобилизован в армию и отправлен в Персию.

После Февральской революции Осепян возвратился в Елисаветполь, где активно работал в местной большевистской организации. В начале 1918 г. Бакинский совет назначил Осепяна редактором «Известий Бакинского Совета». Сурен Осепян по-большевистски руководил «Известиями». Не раз эсеры и меньшевики нападали на него за «большевистское направление газеты», но именно это было лучшей похвалой Осепяну.

Следуя указаниям большевистской партии, обе газеты с особой настойчивостью ставили вопрос о создании советских вооруженных сил. Без этого Бакинский совет не мог обладать всей полнотой власти и приступить к осуществлению социалистических мероприятий.

Еще в декабре 1917 г. вопрос о вооруженной силе Бакинского совета встал с особой остротой. Началась демобилизация. Солдаты, на которых опирались большевики в первые месяцы после Октября, расходились по домам, а Красная гвардия находилась еще в стадии организации. Однако в начале 1918 г. положение изменилось. После второго съезда Кавказской армии, в последних числах декабря 1917 г., военно-революционный комитет армии переехал в Баку. Он подчинил себе бакинский гарнизон и со всей энергией взялся за организацию Красной армии.

Председателем ВРК Кавказской армии был Г. Корганов. Он родился в 1886 г. в Тифлисе. Во время пребывания в Кутаисской гимназии Гриша Корганов познакомился с революционным марксизмом. За участие в демонстрации и забастовке учащихся

Корганова исключили из 8-го класса гимназии. Он переехал в Баку, сдал экстерном за среднюю школу, а затем поступил на историко-филологический факультет Московского университета, одновременно продолжая революционную деятельность. В 1911—1912 гг. Корганов отбывал воинскую повинность в артиллерийских частях царской армии, в 1912 г. вернулся на учебу. По окончании университета в 1914 г. Корганова вновь мобилизовали в армию и послали на кавказский фронт. Среди солдат Кавказской армии он вел революционную пропаганду, разъясняя истинные цели мировой бойни.

Как только совершилась Февральская революция, Корганов встал во главе революционных армейских организаций. В мае 1917 г. солдаты послали его делегатом в Тифлис на первый съезд Кавказской армии, где он руководил большевистской фракцией. Фракция была немногочисленна, ее травили и преследовали эсеры и меньшевики. Но Корганов смело разоблачал буржуазию и ее прислужников, требуя перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Корганов резко протестовал, когда эсеро-меньшевики, захватив в свои руки краевой совет, отстранили от участия в нем представителей революционной части армии. Через несколько месяцев положение изменилось. После второго съезда Кавказской армии председателем краевого совета был избран Григорий Корганов.

Со времени переезда в Баку Корганов отдавал все силы созданию Красной армии, обнаружив большие военные способности. Смелый боец и руководитель, всегда идущий в передовой линии, безгранично преданный делу коммунизма, большевик, скромный и внимательный товарищ—Григорий Корганов пользовался заслуженным авторитетом и уважением среди солдат. В вооруженной борьбе против турецко-муссаватистских банд Корганов руководил всеми боевыми операциями советских войск, непрерывно находясь на фронте.

Секретарем ВРК был большевик Иван Малыгин. Он был солдатом 113-го запасного полка, стоявшего в Пятигорске. В первые месяцы революции вместе с т. Анджиевским Малыгин был организатором и активным работником пятигорской большевистской организации и местного совета рабочих и солдатских депутатов. С лета 1917 г. Малыгин работал в Грозном, сплачивая вокруг большевиков трудящихся города нефти. В качестве делегата от г. Грозного он ездил в Петроград на всероссийское совещание представителей областных советов. Возвратившись, Малыгин сделал доклад о корниловском мятеже. Доклад был встречен продолжительными аплодисментами, и Грозненский совет принял большевистскую резолюцию, предложенную Малыгиным.

Малыгин участвовал в работах первого и второго съездов Кавказской армии. Речь Малыгина на первом съезде излагала основы большевистской тактики. Он разоблачил меньшевистский тезис «о революционности прогрессивной буржуазии» и призвал «к созданию власти, поставленной большинством, т. е. пролетариатом и крестьянством». На втором съезде Малыгина избрали

в ВРК Кавказской армии. Переехав в Баку, Малыгин проводил большую работу по организации Красной армии, одновременно сотрудничая в большевистской печати. Часто на страницах «Бакинского рабочего» можно было видеть статьи с скромной подписью: «Солдат Малыгин». Малыгин писал по разным вопросам, но больше всего о создании Красной армии. «Новый фронт гражданской войны,—писал Малыгин в «Бакинском Рабочем» от 20 февраля,—требует и новой армии—армии классовой. Основой этой армии должны быть городские рабочие, как наиболее организованные и сознательные, и те крестьяне из деревень, которые уже сознали безнадежность строить свое благополучие при господстве капитала... Нужна экстренная работа по организации социалистической армии»[1].

Красные советские части формировались заново, но часть старых солдат осталась служить в новых войсках. Один из солдат рассказывал, как на станцию Баладжары, где скопились эшелоны, возвращающиеся с фронта, приезжали представители Бакинского совета. «Быстро созвали летучий митинг, на котором нам сообщили, что в Баку установлена советская власть... И когда нам предложили вступить в ряды Красной гвардии, фронтовики стали единодушно записываться». «Мы все, только что вернувшиеся с фронта, испытавшие на себе мордобой и унижение со стороны николаевских золотопогонников, попали в совершенно другую обстановку, в обстановку, где все были не на словах, а на деле товарищами. Как будто читая наши мысли, Шаумян всегда напоминал нам: «Вы теперь не солдаты старой армии, а бойцы своей же рабоче-крестьянской армии»[2].

В короткий срок в Баку были сформированы новые воинские части: большевистская дружина, интернациональный полк, несколько батарей, конная сотня, отряды Красной гвардии. Для подготовки кадров командного состава была организована специальная инструкторская школа. Ее работой руководил большевик Солнцев. Солнцев был офицером. Он командовал ротой 28-й стрелковой дивизии. Солдаты этой роты рассказывали, как мало походил Солнцев на других офицеров. Всегда чутко и заботливо относившийся к солдатам, он был близок и дорог им. Когда разразилась революция, Солнцев твердо заявил: «Я с вами, товарищи, я за рабочих и крестьян», и стал в ряды большевиков. Солнцев остался верен данному слову.

В середине 1918 г. советские вооруженные силы Баку насчитывали уже 6 тыс. человек. Степан Шаумян отмечал, что «в течение каких-либо двух-трех месяцев Военно-революционный комитет Кавказской армии развернул самую энергичную работу... Когда мы объявили себя властью, то у нас не было ни одной винтовки, чтобы создать Красную гвардию и Красную армию. Только благодаря стараниям ВРК мы овладели военным аппаратом, и только это дало нам возможность представлять из себя силу».

Создавая Красную армию, Бакинский совет готовился к

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 40 от 20 февраля 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 214 от 20 сентября 1925 г.

решительным схваткам. Из всех городов Закавказья только Баку высоко держал красное знамя советов. Почти весь остальной край удалось захватить антисоветской коалиции. Контрреволюционеры оторвали Закавказье от Советской России и заключили тесный союз с германо-турецким империализмом. Тифлис—главный город края—находился в их руках. В таких условиях большевики Закавказья, руководимые Шаумяном, ставили своей важнейшей задачей укрепление советской власти в Баку. От этого зависели судьбы пролетарской революции во всем крае. Шаумян как чрезвычайный комиссар по делам Кавказа центр своей деятельности перенес в Баку. 14 февраля 1918 г. Ленин писал Степану Шаумяну:

«Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,—и мы победим.

Трудности необъятны; пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии. Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям»[1].

В конце февраля Шаумян возвратился в Баку. Ему пришлось скрываться от преследования грузинских меньшевиков. Он изменил свой внешний облик: обрился и оделся в солдатскую шинель. Вместе с воинскими эшелонами Шаумян приехал в Баку. Шаумян вошел в помещение Бакинского совета с группой солдат во время заседания исполкома. Караул красногвардейцев стоял на часах. Шаумян хотел пройти в кабинет Джапаридзе, где шло заседание. Но его не пустили. Он подошел ближе к красногвардейцам и спросил: «Так неужели вы меня не узнали? Ведь я же Шаумян». Шаумян действительно был неузнаваем.

Когда товарищ Шаумян вошел в комнату Джапаридзе, заседание подходило к концу. Было тесно от большого количества собравшихся. Шаумян вошел с двумя солдатами и встал около двери. Никто не обратил на него внимания. Джапаридзе сидел боком к двери и хотел голосовать внесенное предложение. В это время слово попросил Шаумян. Джапаридзе повернулся лицом в сторону Шаумяна и, узнав Шаумяна, подбежал и обнял его. Собрание на минуту заволновалось. Джапаридзе немедленно предоставил слово Шаумяну.

Рабочие и трудящиеся Баку радостно встретили возвращение Шаумяна. В его лице они приветствовали центральное советское правительство, выражая протест против контрреволюционной политики Закавказского комиссариата и сейма. 26 февраля Шаумян выступил на собрании Каспийской военной флотилии. Моряки приветствовали деятельность Совета народных комиссаров и обратились с призывом поддержать его власть «как единственную опору и защиту рабочего и крестьянского класса»[2].

2 марта на заседании Бакинского совета Шаумян сделал

---

[1] *Ленин*, т. XXII, стр. 254.

[2] «Бакинский Рабочий» № 50 от 6 (19) марта 1918 г.

доклад о политическом положении в Закавказье. Совет встретил Шаумяна продолжительными аплодисментами и избрал его почетным председателем Бакинского совета.

Бакинский совет постановил: «притти на помощь братскому рабочему классу и крестьянству всего Закавказья и вместе с ним свергнуть контрреволюционную и преступную власть сейма». Бакинский совет поставил задачей «превратить Баку в опорный пункт для борьбы за советскую власть в Закавказье». «Совет заявляет, что он не скрывает от себя всей трудности положения бакинского пролетариата в городе Баку, который является единственным пунктом в Закавказье, не признающим власти Закавказского сейма. Чтобы защитить Баку от покушения контрреволюционной власти, Бакинский совет р., с. и м. д. от разгрома, необходимо дальнейшее усиление и укрепление Советской власти, что может быть достигнуто, с одной стороны, проведением ряда декретов Совета народных комиссаров о рабочем контроле в Баку, о земле в Бакинской губернии и т. д. ...Необходимо создать реальную силу вокруг Совета и, опираясь на российскую революционную власть и на советы Северного Кавказа, оборонять себя и распространить свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья»[1].

Бакинские большевики понимали, что вооруженная схватка предстоит прежде всего в самом Баку, где муссаватисты и дашнаки непрерывно расширяли и укрепляли свои силы. Готовясь к этой борьбе, большевики разоблачали провокационную роль буржуазно-националистических партий и систематически вели интернациональную работу среди азербайджанцев и армян. В Балаханах на большом собрании рабочих всех национальностей с докладом выступил Микоян. Потребовав немедленного роспуска Закавказского комиссариата и передачи всей власти в крае советам, собрание заявило: «Мы, рабочие мусульмане, лезгины, грузины, армяне и русские, мы все братья, мы не поддадимся провокации имущих классов и националистов и не поднимем свои руки друг против друга». Такое же собрание с докладом Микояна состоялось в Сабунчах.

2 марта Бакинский совет поручил «Исполнительному комитету озаботиться особенно агитационной и организационной работой среди мусульманских рабочих и мусульманского крестьянства Бакинской губернии и во всем Закавказье, разъяснить им, что бакинский пролетариат считает своими братьями мусульман-рабочих и крестьян и за всеобщие идеалы братства всего трудового народа без различия национальностей»[2]. Алеша Джапаридзе впоследствии говорил: «Вся наша прежняя политика сводилась к тому, чтобы выиграть время, необходимое для организации крестьян. Мы знали, что нам придется вступить в схватку с контрреволюцией, и готовились к этому»[3].

В марте 1918 г. азербайджанская контрреволюция, возгла-

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 51 от 7 (20) марта 1918 г.
[2] *Там же.*
[3] «Известия Бакинского Совета» № 63 за 1918 г.

вляемая муссаватистами, перешла в наступление. 17 марта части Дикой дивизии были погружены на пароход «Эвелина», чтобы отправиться на помощь контрреволюции в уезды Азербайджана. Узнав о действиях Дикой дивизии, Исполком совета послал на пристань отряд. Вооруженные муссаватисты встретили его выстрелами. Несколько человек было убито и ранено. Расстрел советского отряда был наглым контрреволюционным вызовом. Бакинский совет предложил «Эвелине» немедленно сдать оружие. Части Дикой дивизии вынуждены были подчиниться.

Однако, несмотря на это, с утра 18 марта в мечетях начались митинги протеста против произведенного разоружения. Муссаватистские ораторы требовали возвращения оружия и, разжигая национальные страсти, натравливали азербайджанское население на Бакинский совет. Бакинский совет вступил в переговоры с представителями муссаватских организаций. Но еще во время переговоров муссаватисты открыли стрельбу по советским войскам и начали вооруженную борьбу на улицах Баку. Кварталы города покрылись окопами.

В ночь на 19 марта создался Комитет революционной обороны Баку. В него вошли: тт. Шаумян, Корганов, Джапаридзе и др. Комитет объявил себя высшим военно-политическим органом, объединяющим все советские организации Баку. Комитет выпустил воззвание к населению города. «Враги советской власти в Баку подняли голову,—писалось в воззвании,—Исполнительный комитет Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и военно-революционный комитет Кавказской армии объявляют всем товарищам и гражданам, что советская власть в Баку в опасности, и призывают всех с оружием в руках защищать ее от врагов народа... Мы призываем мусульман и армян, рабочих и демократические элементы всех национальностей не поддаваться провокации шовинистических элементов и в настоящий решительный момент бесстрашно, с оружием в руках стать под красное знамя Комитета революционной обороны Баку»[1].

Комитет революционной обороны имел в своем распоряжении большевистскую дружину, Красную гвардию, интернациональный полк и другие части. Матросы Каспийского военного флота также выступили за советскую власть. Армянский национальный совет вначале вел переговоры с муссаватистами о совместной борьбе против советской власти, но соглашение не состоялось. Масса армянских рабочих поддержала советскую власть, и дашнакские руководители вынуждены были присоединиться к ним. Большевики понимали, что участие дашнакских частей на стороне советской власти может отчасти придать борьбе национальный характер. Но у советской власти не было сил для того, чтобы самостоятельно разгромить муссаватскую контрреволюцию или выступить против объединенных муссаватско-дашнакских частей. Чтобы спасти и укрепить советскую власть в Баку, большевики вынуждены были использовать армянские национальные отряды.

---

[1] Единый партархив ЦК КП(б)Аз при институте им. Шаумяна, св. 18, д. 825, л. 1.

В течение трех дней, 18—20 марта, на улицах Баку шли ожесточенные военные действия. В советские отряды стреляли с крыш, из окон, из-за угла. Приходилось брать с боя каждый дом. Особенно геройски сражались большевистская дружина и отряды Красной гвардии. Одним из них руководил т. Микоян. Он увлек за собой небольшую группу красногвардейцев и с призывом «вперед» бросился к крепостным воротам. Смельчаков встретил жестокий ружейный огонь. В схватке с врагом один из красногвардейцев был убит, а т. Микоян ранен в ногу. Отряд отошел за каменную баррикаду у крепостных ворот. Но борьба продолжалась. Используя все силы—пехоту, артиллерию, авиацию, Комитет революционной обороны организовал решительное наступление на противника. Важнейшие объекты противника подверглись орудийному обстрелу.

Наступление советских отрядов и действие артиллерии внесли страх и растерянность в лагерь муссаватистов. Вначале они надеялись на помощь из ближайших селений и Дагестана. Но помощь не приходила, сопротивление муссаватских отрядов слабело. Тогда муссаватисты предложили начать переговоры о перемирии. Комитет революционной обороны предъявил им ультиматум: безоговорочно признать власть Бакинского совета, вывести из Баку Дикую дивизию и принять меры к открытию железнодорожного пути до Тифлиса и Петровска. Потерпев тяжелое поражение, муссаватисты приняли ультиматум. Борьба кончилась победой советской власти.

В мартовские дни большинство рабочих-азербайджанцев не поддержало муссаватскую контрреволюцию. Только в Сураханах муссаватистам удалось захватить власть. Против них был послан вооруженный отряд. Он состоял главным образом из дашнаков, которые начали притеснять рабочих-азербайджанцев. Тогда Комитет революционной обороны командировал туда т. Азизбекова. Он быстро восстановил революционный порядок и интернациональное единство среди рабочих. В Романах, Балаханах, где большинство рабочих были азербайджанцы, удалось совершенно предотвратить кровопролитие. Всюду нормально продолжалась работа. «Подавляющее большинство мусульманской демократии,—писал «Бакинский Рабочий»,—за националистами не пошло, а мусульманский пролетариат, сосредоточенный в Бакинском районе, решительно отвернулся от них...»[1]

Мартовская победа Бакинского совета окончательно упрочила советскую власть в Баку. В докладе на имя Совнаркома т. Шаумян писал: «Закавказье вступило в полосу активной вооруженной борьбы за советскую власть... Советская власть в Баку все время висела в воздухе вследствие сопротивления муссаватских националистических партий. Эти партии во главе с феодальной (бекской и ханской) интеллигенцией, укрепившись в Елисаветполе и Тифлисе, благодаря подлой и трусливой политике меньшевиков стали в последнее время очень агрессивными и в Баку. «Если иметь в виду их политические цели—отделение Закавказья

[1] «Бакинский Рабочий» № 63 от 12 апреля 1918 г.

от России и подчинение турецкому протекторату, ясно, что их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России... Мы должны были дать отпор. Мы воспользовались поводом— первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд и открыли наступление по всему фронту».

На заседании 8 апреля[1] Бакинский совет одобрил политику Комитета революционной обороны. Совет хорошо знал, что нельзя успокаиваться. С побежденным, но не уничтоженным врагом предстоят новые схватки, а «если не будет у нас реальной силы,— говорил Джапаридзе,—то какой бы хороший мир мы ни заключали, он будет лишь клочком бумаги»[2].

V

В результате мартовской победы Бакинский совет стал полновластным хозяином города. Он широко развернул свою революционную работу. Комитет революционной обороны продолжал существовать и после мартовских боев. Гнусные провокаторы распространяли среди населения слухи, будто в Баку предстоит национальная резня. В связи с этим начались массовые выезды из города. Комитет революционной обороны запретил свободный выезд из Баку мужчинам. «Куда вы бежите?—писал комитет.—Разве вы хотите бросить совершенно город Баку, имеющий громадное значение для всей российской промышленности?.. Комитет революционной обороны не может допустить такого позорного бегства, такого предательства»[3]. Решительными мерами комитет добился прекращения массовых выездов из города.

Комитет революционной обороны закрыл буржуазные газеты «Баку» и «Каспий» и газету меньшевиков «Наш голос». Комитет распустил Бакинскую городскую думу. Декрет комитета гласил: «Ввиду полного несоответствия нынешней городской думы воле и интересам г. Баку и ввиду проявленной думой неспособности нести сложное и ответственное дело городского самоуправления,— Бакинскую городскую думу распустить. Функции самоуправления передать совету р., с. и м. д., который учредит при себе специальный орган городского хозяйства.

Члены комитета Шаумян, Корганов».

Комитет обложил всех нефтепромышленников, банки, кредитные и торгово-промышленные общества и др. суммой в 50 млн. руб. «для организации Красной армии и в помощь пострадавшей бедноте во время последних событий». Капиталисты отказались внести требуемую сумму, тогда Бакинский совет решил арестовать наиболее крупных нефтепромышленников. Шаумян, Джапаридзе и Корганов от имени Комитета обороны выдали мандат Анастасу Микояну на производство арестов. Пять представителей нефтепромышленных фирм—Тагиановов, Гукасов и др.

---

[1] Далная и последующие даты даются по новому стилю.

[2] «Бакинский Рабочий» № 62 от 11 апреля 1918 г.

[3] Центральное архивное управление (ЦАУ) АзССР, ф. Балах.-Сабун. милиции, св. 5, д. 222, л. 55.

были арестованы. Это возымело должное действие. Пятидесятимиллионный налог был внесен полностью.

Комитет занялся реорганизацией вооруженных сил города. Бакинский совет принял предложение Шаумяна усилить борьбу против национализма, «в частности против армянского национализма, опирающегося в Баку на национальный совет и национальные воинские части. Армянский национальный совет должен быть упразднен, национальные полки расформированы и слиты с интернациональной советской Красной армией». Армянские национальные части были действительно реорганизованы. Национальному совету было запрещено производить реквизиции, обложения, аресты и выполнять другие функции власти. К сожалению, эта реорганизация не была проведена до конца. Армянские части фактически остались самостоятельной единицей, и это сыграло определенную роль в последующих событиях.

Окончательное укрепление советской власти в Баку выдвинуло вопрос о создании нового органа. 19 апреля Бакинский совет постановил сформировать Совет народных комиссаров Бакинской губернии, ответственный перед советом рабочих, солдатских и матросских депутатов. Большая борьба происходила вокруг состава Совнаркома. Дашнаки и эсеры всячески пытались пробраться в Совнарком. Они говорили, что являются сторонниками советов и возмущались, почему их отстраняют от власти. Но Бакинский совет отклонил претензии дашнаков и эсеров.

25 апреля Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов избрал Бакинский совет народных комиссаров. В него вошли лучшие руководители бакинского пролетариата. Председателем Совнаркома был избран Степан Шаумян, комиссаром военных и морских дел—Корганов, внутренних дел—Джапаридзе, народного хозяйства—Фиолетов, губернским комиссаром—Азизбеков, комиссаром труда—Зевин, народного просвещения—Колесникова. Состав Бакинского совнаркома, как писал «Бакинский Рабочий»,—«вполне гарантирует нас в том, что отныне будет вестись действительная политика рабоче-крестьянской революции, политика широких социальных преобразований, в корне изменяющих существующие взаимоотношения между трудящимися и эксплоататорами»[1].

Приступая к работе, Бакинский совнарком опубликовал декларацию, в которой подчеркивал, что Совнарком «будет отвечать каждую минуту и за каждый свой шаг перед советом рабочих, солдатских и матросских депутатов». Вместе с тем Совнарком обязался быть теснейшим образом связанным с всероссийской советской властью и проводить в жизнь все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства. Совнарком поставил задачей установить более тесное единение бакинских рабочих и крестьянской бедноты Азербайджана с рабочими и крестьянами всей России.

Укрепление советской власти в Баку давало возможность приступить к проведению социалистических преобразований. Декларация Совнаркома поставила вопрос о немедленном осуществлении

[1] «Бакинский Рабочий» № 76 от 27 апреля 1918 г.

намеченных мероприятий в области нефтяной промышленности, банков, городского хозяйства, водного транспорта. Декларация предлагала немедленно осуществить передачу всех помещичьих земель в руки крестьянства. Она призывала трудящихся к общей дружной работе.

«Только самая активная и организованная поддержка всего бакинского пролетариата сделает возможным проведение в жизнь необходимых мероприятий. Творческая работа масс, призванных к власти и самоуправлению, является единственной гарантией успеха и торжества советской политики. Требуйте от Совета Народных Комиссаров, от каждого из нас энергичной и неустанной работы, критикуйте каждый наш шаг, осуждайте, смещайте тех, кто окажется недостойным и негодным на высоком посту, но не возлагайте на нас всю ответственность за власть. Не относитесь к нам так, как вы относились и как вы должны были относиться к буржуазным властям. Власть Народных Комиссаров, так же как и власть Исполнительного Комитета и совета депутатов—есть ваша собственная выборная власть... Широкие массы рабочих и их выборные представители впервые начинают учиться трудному и сложному делу управления государством и устроения хозяйственной жизни страны. Ошибки и неудачи вполне естественны и неизбежны. Нужно только сознание общей ответственности и дружная общая работа вокруг совета во имя великих идеалов освобождения труда, провозглашенных Октябрьской рабоче-крестьянской революцией. В надежде на широкую поддержку рабочих масс и на их живую творческую самодеятельность Бакинский Совет Народных Комиссаров приступает к работе»[1].

Намечая широкую программу социалистических мероприятий, Бакинский совет и Совнарком со всей остротой ставили военный вопрос. Нельзя было ни минуты обольщаться мартовской победой. Гражданская война продолжалась. Сейчас же после мартовских боев пролетарский Баку оказался во вражеском кольце. Под Хурдаланами, в 10 километрах от Баку, остановились остатки Дикой дивизии, разбитой в Баку. Сюда же подошел крупный отряд дагестанских контрреволюционеров во главе с имамом Гоцинским и русскими офицерами. Узнав о боях в Баку, они шли на помощь муссаватистам. В первых числах апреля под Хурдаланами происходил упорный бой. Нужно было во что бы то ни стало отстоять только что победившую советскую власть.

Комитет революционной обороны призвал рабочих и красногвардейцев к оружию. «Контрреволюционные банды Дагестанского полка сосредоточились в Хурдаланах и наступают на город,—писал Комитет,—они жаждут крови и добычи. Они наступают с артиллерией, кавалерией и пехотой. Нам необходимо дать им отпор за городом—не допустить их до нас... товарищи и граждане! Около Баку решаются судьбы Закавказья. Наше поражение будет означать гибель революции в нашем крае и приведет к созданию средневековых ханств и к турецкому игу. Наша победа будет торжеством рабоче-крестьянской революции, будет гаран-

[1] «Бакинский Рабочий» № 79 за 1918 г.

тией свободы и культурного процветания Кавказа». Комитет революционной обороны бросил под Хурдаланы все наличные силы. После жаркой схватки банды Гоцинского и муссаватистов были разгромлены и отступили.

Потерпев поражение в Баку, муссаватисты вместе с грузинскими национал-меньшевиками стали собирать свои силы в Елисаветполе и Тифлисе, чтобы при помощи германо-турецких полчищ снова двинуться против советской власти. 1 апреля вопрос о мартовских событиях в Баку обсуждался на заседании Закавказского сейма. По поручению правительства Н. Рамишвили сообщил, что на линию железной дороги выслан броневик, которому дано распоряжение двинуться дальше и ждать инструкций. От имени мусульманской фракции произнес речь Сафикюрдский. Он выразил сожаление, что азербайджанской контрреволюции помешали в Шамхоре окончательно расправиться с русскими солдатами-большевиками. Он предлагал теперь срочно исправить ошибку и требовал, чтобы «немедленно были приняты меры для самообороны и ликвидации большевизма...» «В нашей истории много крови, она вся написана кровью, и мы будем еще вписывать туда кровавые буквы»[1]. К Сафикюрдскому присоединился руководитель муссаватистов Расул Заде. Отметив, что, «к сожалению», в силу особых условий город Баку всегда стоял за большевиков, он призвал всю контрреволюцию выступить против «натиска с севера». После таких требований Рамишвили вынужден был выступить от имени правительства со вторичным заявлением. «По многим причинам, которые вполне понятны сейму,— сказал он,—мы не нашли возможным распространяться о всем том, что предпринимается правительством в этом направлении»[2].

К этому заявлению комментарии были излишни.

Правда, и после этого грузинские национал-меньшевики продолжали кричать, что они соблюдают политику «нейтралитета». Жордания послал телеграмму в Баку, в которой сообщал, что ни правительство, ни краевой центр будто бы в движении против Баку участия не принимали. Меньшевики предложили Бакинскому совету принять из Тифлиса «мирную» делегацию во главе с Исидором Рамишвили. Но большевики и пролетарии Баку хорошо знали цену лицемерным заявлениям меньшевиков. В ответ на предложение о присылке мирной делегации Комитет революционной обороны Баку писал в Тифлис, что так называемая социал-демократическая фракция сейма «сама является виновником контрреволюционного пожара, начавшегося в Елисаветпольской губ. и перебросившегося в Баку». Делегация во главе с Рамишвили «хочет, очевидно, оказать новые услуги бекским и ханским бандам, вооруженным благодаря стараниям Закавказского комиссариата и идущим теперь против бакинской советской власти». «Бакинский пролетариат встретил бы мирную делегацию с чувством глубокого возмущения и презрения, а потому комитет революционной обороны Баку и его районов просит делегацию

---

[1] Стенографический отчет заседания Закавказского сейма 20 марта 1918 г.
[2] *Там же.*

не беспокоиться и не утруждать себя приездом»[1]. Комитет революционной обороны был прав. Предлагая принять «мирную» делегацию, меньшевики вместе с муссаватистами организовали контрреволюционный поход на советский Баку.

В течение марта—мая на заседаниях закавказского правительства неоднократно обсуждался вопрос о посылке войск против советского Баку. 15 апреля оно постановило «предложить министрам военных и внутренних дел принять все меры к скорейшей ликвидации бакинских событий путем захвата Баку». 17 апреля закавказское правительство предложило военному министру отдать распоряжение: всем войсковым частям, предназначенным для отправки в Баку, выехать 1 мая. Решено было также отправить и сформированные немецкие части, выдав им оружие; послать два аэроплана; министру финансов предложено было выдать в распоряжение начальника отряда дополнительно 300 тыс. руб., разрешенные постановлением правительства от 21 марта.

Контрреволюционному походу на Баку нужно было дать сокрушительный отпор. Во что бы то ни стало отстоять нефтяной Баку от посягательств английских и германо-турецких империалистов и сохранить его для Советской России, распространить советскую власть на остальной Азербайджан—такова была важнейшая задача большевиков и пролетариев Баку. Декларация Бакинского совнаркома писала: «Для окончательного торжества советской власти, для распространения этой власти на все Закавказье, также и для проведения в жизнь указанных выше мероприятий, необходимо продолжать победоносно начатую гражданскую войну, а для этого прежде всего иметь сильную Красную армию. Работа по созданию этой армии начата, нужно, чтобы она продолжалась со всей энергией и дальше»[2].

Другой важнейшей задачей советской власти было установление тесного союза с массами азербайджанского крестьянства. 31 марта в письме к Шаумяну и Джапаридзе товарищ Сталин дал исключительно важные указания бакинским большевикам. Товарищ Сталин указал, что если мусульмане требуют автономии, нужно дать ее. «Нужно немедля основать при Бакинском совдепе мусульманский отдел, широко развить мусульманскую литературу, нужно основать такой же армянский отдел и вообще вести политику сплачивания вокруг Совета мусульманско-армянских низов в их борьбе против своих верхов»[3].

Уже 18 апреля на заседании совета Шаумян отмечал перелом в настроениях трудящихся Азербайджана. Рабочие Сураханского района, который удалось захватить муссаватистам в мартовские дни, протестовали против контрреволюции, возглавляемой преступной партией «Муссават». Они заявили, что готовы с оружием в руках защищать советскую власть. Пятьсот рабочих азербайджанцев фабрики Тагиева, выражая полное признание

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 72 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 79 за 1918 г.
[3] Цитируется по статье Багирова «Путь борьбы и побед», «Правда» от 30 декабря 1935 г.

интернациональной власти Бакинского совнаркома, выражали «готовность отправить из своей среды боевых и сознательных товарищей в Красную армию для защиты нашей советской власти...»[1]

21 апреля на Биби-Эйбате состоялся митинг, посвященный мартовским событиям. Свыше 600 рабочих—азербайджанцев, армян и русских—собралось на него. Выступавшие товарищи призывали укреплять советскую власть. Рабочий-большевик Кази-Мамед говорил, что необходимо «объединиться вместе и бороться против общего врага—капитала всех национальностей». «Да здравствует единая рабоче-пролетарская нация!» Митинг единогласно одобрил действия советской власти и обещал оказать ей всяческую поддержку.

Особенно важно было привлечь на сторону советской власти крестьянство Азербайджана. Еще в январе 1918 г. т. Микоян писал о необходимости «отколоть татарское крестьянство от беков и объединить классовыми узами с соседним крестьянством. В этом интернациональном объединении и беспощадной классовой борьбе против «своих» же беков и агаларов—татарские крестьяне на практике, в жизни убедились бы, узнали и осознали бы, кто их действительно друг и кто их враг: «свой» ли помещик, безжалостно сосущий его кровь и борющийся против передачи своих земель крестьянам, или армянский крестьянин, русский рабочий, не только не эксплоатирующие его, а, наоборот, помогающие ему в борьбе против беков и силой своей дающие ему землю и волю»[2].

Советская власть осуществила самые насущные требования крестьян. Бакинский совнарком издал «декрет о социализации земли» в Закавказье и Дагестанской области. Все земли беков, ханов, помещиков, меликов, князей, их доверенных и нетрудовых арендаторов немедленно конфисковались и передавались в пользование трудового земледельческого населения. На основе декрета центрального Совнаркома навсегда отменялось «всякое право собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы». Земля изымалась из торгового оборота и обращалась во всенародное достояние. Усадьбы и постройки нетрудовых владельцев—помещиков и арендаторов—должны были отбираться и обращаться на общественные нужды в целях социального обеспечения и культурно-просветительных (под больницы, санатории, школы, народные дома и т. д.), а за удовлетворением этих нужд—предоставляться беднейшему земледельческому населению. Для проведения земельной реформы организовывались земельные комитеты.

Одновременно советская власть вела большую работу по организации крестьянства. Ее возглавил Мешади Азизбеков, назначенный заместителем наркома внутренних дел и губернским комиссаром. «Бакинский Рабочий» писал, что «назначенный на днях губернским комиссаром наш товарищ Мешади Азизбеков со свойственной ему энергией принялся за организацию крестьян в мусульманских деревнях. В течение нескольких дней он объездил уже целый ряд селений, в которых он, выступая от имени совет-

[1] «Бакинский Рабочий» № 75 за 1918 г.
[2] «Известия Бакинского Совета» № 9 за 1918 г.

ской власти, призывал порабощенную мусульманскую массу к борьбе со своими классовыми противниками и к дружной работе с российской демократией. Кипучая деятельность товарища Азизбекова дала уже большие результаты. В Исполнительный комитет поступают один за другим приговоры сельских обществ, признающих власть советов»[1].

Резолюции крестьян принимались на многолюдных митингах, большею частью в присутствии самого т. Азизбекова. Собрание крестьян селения Фатьма заявило, что оно «признает власть Исполнительного комитета—защитника крестьян и всего трудового народа». Собрание крестьян селения Мардакьяны признало советскую власть в центре и на местах и просило принять „уверения в полном подчинении совету. 332 подписи крестьян на азербайджанском и русском языках скрепили эту резолюцию.

Дело не ограничилось признанием советской власти. Под руководством Мешади Азизбекова началась большая работа по организации советов крестьянских депутатов и по созыву крестьянского съезда. Были опубликованы инструкции о работе крестьянских советов и указания, «что должен знать и представить делегат крестьян от каждого села на съезде крестьянских депутатов». Уполномоченный Комиссариата внутренних дел, посетивший окрестные азербайджанские селения, сообщил, что в них советская власть уже налицо. «Советы крестьянских депутатов пользуются громадным авторитетом. Широкие слои крестьянской голытьбы всколыхнулись»[2].

26 мая после большой подготовительной работы открылся съезд советов крестьянских депутатов Бакинского уезда. Он вылился в мощное братание двух революционных сил—пролетариата и крестьянской бедноты. «Впервые на Кавказе,—писал «Бакинский Рабочий»,—крестьянство, наиболее забитое и закабаленное, собирается и организуется свободно, чтобы отстоять свои классовые трудовые интересы. Этот день, что бы ни случилось впоследствии, будет памятен мусульманскому крестьянству»[3].

От имени Совнаркома съезд приветствовал Степан Шаумян. Он заявил, что горячим желанием большевиков было иметь представительство крестьян, чтобы приобщить их к власти. Шаумян выразил надежду, что вскоре по всей губернии «будет одно правительство—правительство рабочих и крестьян». Шаумян призывал крестьян «объединиться для защиты советской власти вместе с рабочими и армянскими крестьянами. Как единая семья, как единая армия, вы вооруженной силой должны защищать рабоче-крестьянское правительство против беков и ханов и против их защитницы—Турции»[4].

Съезд отметил, что «Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, став во главе трудящихся масс Закавказья по пути осуществления задач российской рабоче-крестьянской революции, прокладывает дорогу для рабочих и крестьян всех

[1] «Бакинский Рабочий» № 68 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 90 за 1918 г.
[3] «Бакинский Рабочий» № 97 за 1918 г.
[4] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 165.

национальностей Закавказья для борьбы с контрреволюционерами и угнетателями всех наций... Съезд крестьянских депутатов, со своей стороны, обещает употребить все усилия для прочной организации советской власти на местах»[1].

Съезд избрал исполнительный комитет совета крестьянских депутатов. В него вошло 15 человек, из них 11 большевиков-«гумметистов». Председателем исполкома крестьянских депутатов был избран Мешади Азизбеков. Представители совета крестьянских депутатов вошли в состав Исполнительного комитета Бакинского совета.

Прежде чем разъехаться на места, представители крестьян собрались вместе с представителями рабочих. Открывая объединенное заседание Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и съезда крестьян Бакинского уезда, Джапаридзе сказал, что этот день будет знаменательным днем союза рабочих и крестьян, который приведет к созданию на всем Кавказе единого Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Объединенное заседание выразило «свое негодование против заседающей в Тифлисском сейме презренной кучки беков и ханов и их лакеев-меньшевиков и армянских националистов—дашнакцаканов» и объявило врагами народа всех, кто голосовал за отделение Закавказья от России. «Составляя неделимую власть великой Российской Федеративной Республики, мы тесно связываем свою судьбу с судьбой революционной России»[2].

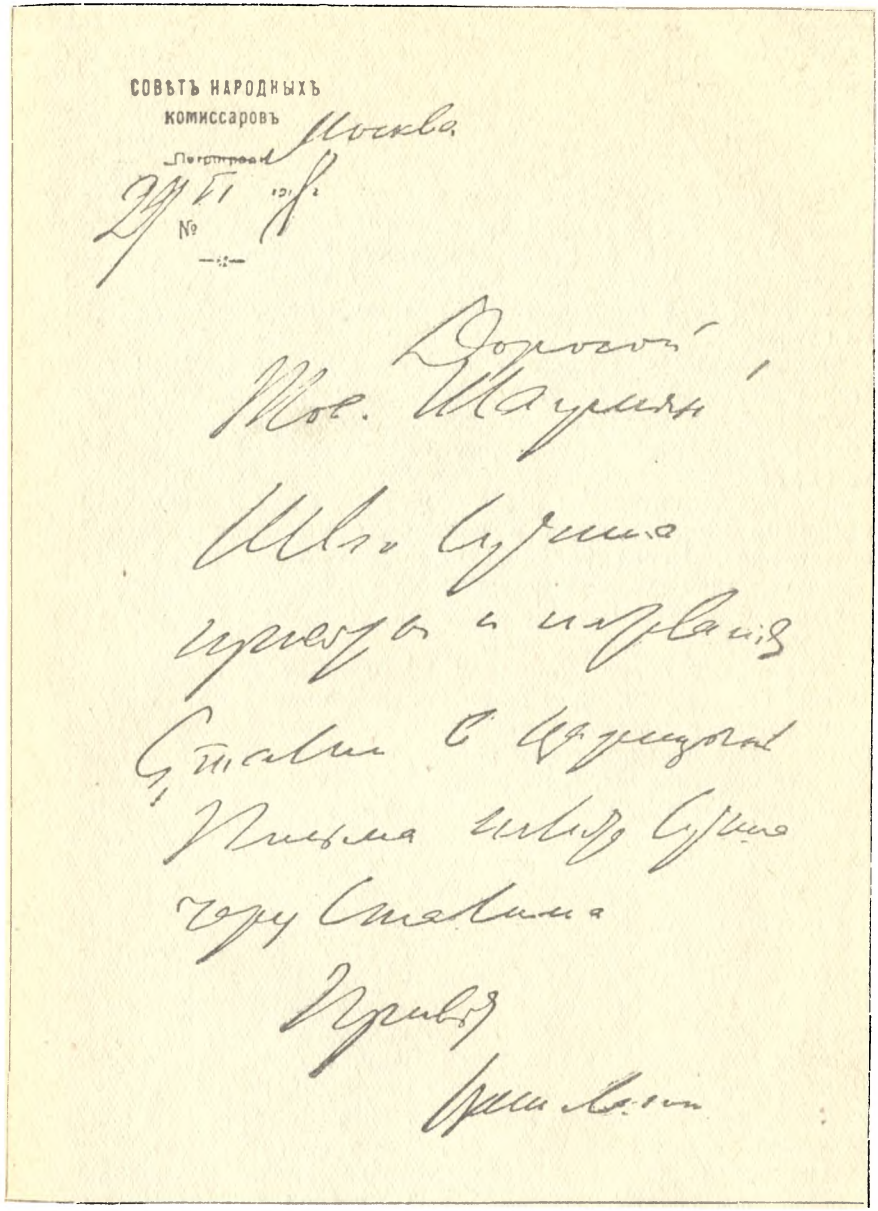
Наряду с крестьянами Бакинского уезда организовывались крестьяне других уездов Азербайджана. «Бакинский Рабочий» сообщал, что советы крестьянских депутатов созданы в 71 селении Кубинского уезда, в 67 селениях Ленкоранского, в 27—Джеватского уезда и пр. Еще до Бакинского съезда такие же съезды собрались в Шемахинском, Ленкоранском и Сальянском уездах. Шемахинский съезд представлял 280 тыс. крестьянского населения. Товарищ из Шемахи рассказывал, что съезд прошел организованно, сами крестьяне принимали горячее участие в его работе. На съезде не было ни одного кулака, и делегаты обсуждали вопросы о том, как отстранить их вообще от участия на различных сходках и съездах. Крестьяне постановили, что кулаки не имеют права участвовать в сельских делах.

VI

Борьбой бакинских большевиков непосредственно руководил товарищ Сталин. В тревожные боевые дни, когда советский Баку был окружен врагами, в уездах Азербайджана действовали контрреволюционные банды и интервенты наступали на город, бакинские большевики получали письма и телеграммы товарища Сталина. Он ободрял бакинских товарищей в трудной и важной работе. Он давал им четкие конкретные указания.

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 99 за 1918 г.
«Бакинский Рабочий» № 100 за 1918 г.


СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
КОМИССАРОВЪ
Москва.
№

Дорогой
Тов. Шаумян!
Шлю лучшие
приветы и пожелания
Сталин в Царицыне
Письма шлите лучше
через Сталина
Привет
Ваш Ленин

Письмо В. И. Ленина Степану Шаумяну:

«Дорогой тов. Шаумян!
Шлю лучшие приветы и пожелания. Сталин в Царицыне. Письма шлите лучше через Сталина.

Привет!

Ваш Ленин».

24 мая товарищ Сталин сообщил Шаумяну, что требования бакинских большевиков удовлетворены. Товарищ Сталин предлагал выслать хлопок в Москву на адрес Совнархоза, а также почаще информировать через Ташкент и Астрахань о делах Закавказья.

Приехав в Царицын, товарищ Сталин стал еще ближе к бакинским делам. Отсюда он организовывал помощь Баку хлебом и руководил военной и хозяйственной политикой советской власти.

29 июня Ленин писал Шаумяну: «Шлю лучшие приветы и пожелания. Сталин в Царицыне. Письма шлите лучше через Сталина. Привет. Ваш Ленин»[1].

Следуя указаниям Ленина и Сталина, советская власть в Баку развернула большую работу во всех областях социалистического строительства. Наркомат внутренних дел под руководством Алеши Джапаридзе уничтожил управление градоначальства, губернское правление и другие остатки старых учреждений, сохранившиеся до мартовских дней 1918 г., и реорганизовал аппарат внутреннего управления. Комиссариат уволил весь личный состав бакинской городской милиции. При наборе новых кадров Джапаридзе предлагал предъявлять «самые строгие требования ко вновь принимаемым лицам, как призванным быть на страже революционного порядка в столь ответственное время».

26 мая Бакинский совнарком опубликовал декрет о суде. Старый судебный аппарат упразднялся, организовывались местный и окружной народные суды. Дела по борьбе с мародерством, хищничеством, саботажем, злоупотреблениями по службе, спекуляцией и контрреволюцией передавались в революционный трибунал.

Специальный декрет был опубликован о борьбе со взяточничеством и злоупотреблениями должностных лиц. «Старая язва взяточничества и злоупотреблений должностных лиц,—говорилось в нем,—проникает местами в новые общественные учреждения, пользуясь переходным моментом. Преступный элемент, под личиной сторонников Советской власти, продолжает свою разрушительную работу и дискредитирует новые органы рабочей власти. Бакинский Сов. Нар. Ком. настоящим заявляет, что он будет жестоко карать всех, уличаемых во взяточничестве и служебных злоупотреблениях, и призывает оказать ему широкое содействие в борьбе против этой общественной язвы»[2].

Большая деятельность была развита в области народного просвещения. Советская власть взялась за реорганизацию школы, приступила к изменению программ и учебников и к проверке педагогического состава. Впервые была поставлена задача дошкольного воспитания и внешкольного образования. В тяжелых условиях, окруженная со всех сторон врагами, советская власть заботилась о создании детских домов и площадок для детей бедноты, организовывала народные университеты и стремилась поставить искусство на службу народу. «Отныне все деятели театра и кинематографа призываются к бдительности,—писал нарком просвещения.—Отныне понесут суровую кару все те, которые

---

[1] Центр. музей В. И. Ленина.

[2] «Бакинский Рабочий» № 82 за 1918 г.

будут ставить картины, направленные против рабочего народа, и пьесы, пропитанные шовинистическим духом»[1].

Просветительная работа советской власти в Баку наталкивалась на упорное сопротивление буржуазной интеллигенции. Часть учителей открыто саботировала все мероприятия комиссариата просвещения. Но Бакинский совнарком энергично поддерживал своего наркома т. Колесникову. На заседании Бакинского совета 21 мая т. Шаумян заявил: «Я полагаю, что т.т. рабочие должны заявить: «Если вы ползали перед царскими чиновниками, то извольте считаться теперь с представительницей воли его величества пролетариата. Чем больше затруднений встретит т. Колесникова со стороны этой компании, тем большую поддержку должны вы ей оказать»[2].

Много внимания уделяла советская власть нуждам рабочих. При комиссариате труда, возглавляемом т. Зевиным, создавался временный суд по трудовым делам. Комиссариат предлагал также организовать медико-санитарные и технические комиссии. Тов. Зевин указывал, что «медико-санитарные комиссии произведут осмотр квартир и казарм рабочих на промыслах и заводах с целью придания им возможной в настоящих условиях гигиенической обстановки». Перед техническими комиссиями стоит задача— «введение элементарных технических улучшений в промышленности, что в первую очередь уменьшит процент увечности рабочих и улучшит условия труда»[3].

Бакинский совет занимался квартирным вопросом. В конце апреля объединенное заседание Реквизиционной комиссии Бакинского совета и представителей ВРК Кавказской армии обсуждало вопрос «о снабжении семей солдат Красной армии и бедного населения квартирами». Было постановлено собрать точные сведения о размере квартир и числе жильцов в городе для равномерного распределения жилищной площади. «Учитывая бедственное положение в особенности мусульманского населения и семей солдат, решено немедленно реквизировать в первую очередь большие дома в центре города, населив их беднотой, не имеющей квартир»[4].

Впоследствии был принят «Декрет об отмене частной собственности на городские недвижимости». Согласно декрету все городские земли и строения объявлялись достоянием всего народа и переходили в распоряжение Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Баку. Органы власти могли до одной трети доходов от городских недвижимостей употреблять на общие нужды городского хозяйства. 10% отчислялось в общегосударственный фонд на новое жилищное строительство.

Советская власть в Баку провела также национализацию банков. Эта работа проходила при участии т. Микояна. Сохранился следующий мандат на его имя: «Предъявителю сего

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 99, 1918.

[2] *Степан Шаумян*, Статьи и речи, стр. 162.

[3] Единый партархив ЦК КП(б)Аз. при институте им. Шаумяна, св. 10, д. 80, л. 329—330.

[4] Единый партархив ЦК КП(б)Аз. при институте им. Шаумяна, св. 2, д. 30, л. 115.

Микояну Анастасу предписывается Бакинским Советом Народных Комиссаров занять к 12 ч. дня 29/16 Апреля входы и выходы в Русском для внешней (торговли) банке и в частности в кладовой, где хранятся сейфы, и ждать приезда представителей Совета Народных Комиссаров. Председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров С. Шаумян»[1].

С такими же мандатами были посланы товарищи и в остальные банки. Затем представители Совнаркома объездили банки, наложили печати и провели необходимый учет. Все ценности, хранившиеся в сейфах, были конфискованы в пользу пролетарского государства.

Большая работа была проделана в области промышленности. Вслед за образованием Бакинского совнаркома организовался Бакинский совет народного хозяйства. В него вошли представители совета, профсоюзов и промыслово-заводских комиссий, а также инженеры и техники. Председателем Совнархоза был избран т. Фиолетов. Здесь развернулись большие способности и неутомимая энергия Фиолетова и пригодился многолетний опыт его работы в профессиональных организациях.

Бакинский совнархоз проводил свою работу в условиях ожесточенного сопротивления и саботажа верхушки буржуазных специалистов, захватившей в свои руки союз инженеров и техников. Выполняя волю своих хозяев, они всячески подрывали работу Совнархоза, оглашали декларации, предъявляли требования, ультиматумы, уходили с постов... В противовес этой кучке прислужников капитала большевики организовали союз инженеров и техников, стоящих на точке зрения советской власти. На первом собрании нового союза тт. Джапаридзе и Фиолетов горячо приветствовали это начинание. Инженеры и техники заверяли их, что новый союз явится залогом единения бакинских рабочих с тружениками-интеллигентами.

Несмотря на трудные условия работы, Бакинский совнархоз под руководством Фиолетова неуклонно проводил свою политику во всех отраслях промышленности. Совнархоз осуществил национализацию рыбных промыслов, принадлежащих крупным азербайджанским и армянским капиталистам—Тагиеву, Маилову и др. Совнархоз организовал большие заготовки хлопка. Товарищ Сталин предлагал выслать в Москву на адрес Выссовнархоза хлопок, в котором остро нуждалась текстильная промышленность центра. Бакинский совнархоз энергично выполнял это сталинское задание. 9 мая был опубликован декрет Бакинского совнаркома о воспрещении всяких сделок на хлопок (купля, продажа, залог и пр.). 30 мая т. Фиолетов доложил Совнаркому, что Совнархоз взял на учет 350 тыс. пудов хлопка. Такое же количество заготовлялось на Мугани. Теперь нужно было срочно организовать вывоз хлопка из Баку. Совнарком постановил: «Все дело по учету, закупке и отправке хлопка сосредоточить в Совнархозе, поручив ему ускорить отправку хлопка в Москву»[2]. 11 июня на

[1] *Сурен Шаумян,* Бакинская коммуна, стр. 107.

[2] Единый партархив ЦК КП(б)Аз. при институте им. Шаумяна, св. 2, д. 30, л. 39.

заседании Бакинского совнаркома Фиолетов сообщил, что в Москву отправлено уже 153 тыс. пудов хлопка, а 200 тыс. пудов будет вывезено в ближайшие дни.

Особенно большое значение имела работа Бакинского совнархоза в деле национализации нефтяной промышленности. Инициаторами и вдохновителями национализации нефтяной промышленности были Ленин и Сталин. Еще в сентябре 1917 г. Ленин писал: «Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей—вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», *уже* организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, *уже* ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберегать народный труд и увеличивать производство топлива»[1]. Ленин предлагал «объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства»[2].

Бакинские большевики хорошо понимали общегосударственное значение бакинской нефти. Грозненские нефтяные промыслы и Донецкий угольный бассейн к этому времени были захвачены контрреволюционными бандами. Баку оставался единственным источником топлива для всей страны. В середине апреля в Баку прибыла делегация Высшего совета народного хозяйства. Товарищи рассказали о тяжелом экономическом положении страны и, в частности, о топливном кризисе. Представитель петроградских рабочих заявил, что питерские пролетарии смотрят на бакинских рабочих с надеждой и призывают их к сознательному отношению к той громадной ответственности, которая лежит на них.

Больше нефти Советской России—такова была важнейшая задача советской власти в Баку. «От количества нефти, отправляемой из Баку, зависит участь России,—писал Бакинский совнарком.—Без топлива, без нашего мазута, без наших смазочных масел нельзя пустить в ход московских и иваново-вознесенских фабрик, питерских и поволжских заводов, нельзя снабдить ситцами, гвоздями, сельскохозяйственными орудиями деревни, нельзя перебросить хлеб из урожайной местности в голодную, нельзя заставить правильно работать железные дороги, нельзя во-время и с надлежащей скоростью передвигать нашу революционную Красную армию для защиты республики»[3].

А между тем нефтепромышленники систематически разрушали нефтяное производство. Преданная им верхушка буржуазных специалистов вела подпольную подрывную работу против рабочего контроля. Добыча нефти снижалась; за 5 месяцев 1918 г.

[1] *Ленин*, т. XXI, стр. 169.
[2] *Там же*, стр. 170.
[3] «Вестник Бакинского СНК» № 1—2, 1918.

она сократилась в 2½ раза. Вывоз нефти срывался. В то время как вся страна остро нуждалась в топливе, в Баку образовались огромные нефтяные запасы. В мае они составили 18 млн. пудов. Было ясно, что бакинские нефтепромышленники не хотят дать нефть Советской России.

В таких условиях оставалось одно—отобрать нефтяную промышленность у капиталистов и передать ее в руки пролетарского государства. 28 мая товарищ Сталин в телеграмме на имя тт. Шаумяна, Джапаридзе и Фиолетова сообщил, что Совет народных комиссаров утвердил национализацию нефтяной промышленности. Получив телеграмму товарища Сталина, бакинские большевики начали действовать. 2 июня был опубликован декрет Бакинского совнаркома о национализации нефтяной промышленности. «Бакинская нефтяная промышленность,—писал Совнарком,—объявлена достоянием Российской республики Советов. Отныне единственным хозяином всех промыслов, заводов, мастерских, всего оборудования становится весь народ в лице рабоче-крестьянской Советской власти. В нефтяной промышленности нет более капиталистов, нет больше частных владельцев».

Декрет Совнаркома был встречен бакинским пролетариатом с огромным энтузиазмом. «Свершилось то, что всегда являлось мечтой и боевым лозунгом бакинского пролетариата,—писал «Бакинский Рабочий»,—волей его величества бакинского пролетариата огромные богатства, созданные народным трудом, отняты у паразитов общественного дела и переданы трудовому народу в лице его Республики советов; нанесен непоправимый удар капиталистическому господству бакинской буржуазии»[1].

Декрет о национализации явился полной неожиданностью для нефтепромышленников. Совсем недавно они были убеждены, что «у большевиков нехватит ни решимости, ни сил провести эту меру», а тут вдруг «декрет о национализации». Экстренное заседание комитета бакинских нефтепромышленников решило обратиться в Совнарком с протестом против декрета. В Петроград, в Главное правление нефтепромышленных фирм полетели срочные телеграммы. Нефтепромышленники ловко использовали оппортунистическую линию некоторых работников Наркомфина и ВСНХ. Эти люди послали в Баку ряд телеграмм, в которых писали о необходимости отложить национализацию до представления сметы и закрытия навигации. Основываясь на этих телеграммах, нефтепромышленники заявляли, будто объявленная в Баку национализация не поддерживается центральной советской властью. Но они получили должный отпор.

Опираясь на указания Ленина и Сталина, бакинские большевики повели решительную борьбу за осуществление своего декрета. В ответ на протесты промышленников на заседании Совнархоза т. Фиолетов говорил, что о денационализации нефтяной промышленности не может быть и речи. 14 июня Шаумян послал телеграмму в Совнарком: «Вчера 13 июня получили телеграмму Выснархознефть от 4 июня о том, что применение нацио-

[1] «Бакинский Рабочий» от 2 июня 1918 г.

нализации откладывается. Заявляю решительный протест против такой политики. Выснархознефть очевидно не ведает, что творит. Национализация нефтяной промышленности и торгового флота, несмотря на голод, вызвала энтузиазм и повысила добычу нефти и вывоз»[1]. На заседании совета Шаумян призывал бакинских рабочих «строго стоять за проведение национализации в интересах народа и российской промышленности».

Ленин и Сталин поддержали стойкую борьбу бакинских товарищей. 20 июня Совнарком РСФСР утвердил декрет о национализации нефтяной промышленности.

Так же решительно действовали бакинские большевики в вопросе о национализации Каспийского торгового флота. Дать нефть Советской России можно было только тогда, когда и здесь единственными хозяевами сделались бы рабочие. Сейчас же вслед за декретом о национализации нефтяной промышленности, 6 июня, Бакинский совнарком издал декрет о национализации Каспийского торгового флота. «Второй решительный шаг»—так называлась статья товарища Микояна, помещенная в «Известиях совета» по этому вопросу.

В вопросе о национализации Каспийского торгового флота повторилось то же, что было при национализации нефтяной промышленности. Судовладельцы протестовали против декрета Совнаркома, упорно сопротивлялись всем мероприятиям власти, посылали телеграммы в Москву и пр. Большевикам опять пришлось выдержать бой с той же группой из центра. В телеграммах Ленину и Сталину Шаумян писал: «Телеграмму о принятии Совнаркомом декрета о национализации нефтепромышленности и об отмене двух телеграмм Главконефти получили,—писал Шаумян.—Она внесла успокоение. Теперь начинается такая же история с национализацией Каспийского флота. Телеграмма, полученная сегодня за подписью Махровского, обнаруживает неосведомленность и непонимание. Покорнейшая просьба во-время приостановить, чтобы не мешали нам работать»[2].

Снова Ленин и Сталин поддержали бакинских товарищей. 8 июня товарищ Сталин писал Шаумяну: «В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму. Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами... Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу»[3].

Объявив национализацию нефтяной промышленности и торгового флота, бакинские большевики энергично взялись за перестройку их на новых, социалистических началах.

Выступая в день национализации нефтяной промышленности, т. Шаумян говорил: «Я счастлив, товарищи, поздравить вас с объявлением Баку трудовой коммуной. Роль и значение неф-

---

[1] Центральный Архив Октябрьской Революции (ЦАОР), ф. 130, оп. 12, д. 6, л. 6—7.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 109, л. 56.

[3] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, стр. 40—41, Воениздат, 1937.

тяной промышленности для исхода всей русской революции, новые отношения труда к капиталу, созданные национализацией, выдвигают следующие задачи для революционного пролетариата Бакинской трудовой коммуны. Коренное изменение психики рабочего в связи с революцией в экономическом строении общества. Новому социалистическому строю должен соответствовать социалистический образ мыслей, чувств и психологии. Мелкособственническое отношение к окружающему должно уступить место началу общественному, государственному». Шаумян выразил надежду, что «с поддержкой рабочих и крестьян всего Закавказья, с поддержкой всего российского пролетариата Бакинская трудовая коммуна укрепится здесь, в Баку, и явится освободительницей всего трудового народа Закавказья»[1].

7 июня Шаумян сообщал Ленину о социалистических мероприятиях, проведенных в Баку. «За последнюю неделю, одновременно с лихорадочной подготовкой похода на Елизаветполь, мы были заняты подготовкой ряда декретов. Мы издали в воскресенье 2 июня декрет о национализации нефтяных предприятий. Вчера издали декрет о национализации торгового флота. Издан нами также декрет о реформе судебных учреждений. Приготовлен декрет об уничтожении нищенства, подготовляются декреты о национализации банков и домов. Внутреннее положение наше таково, что все эти мероприятия мы смогли бы безболезненно и даже блестяще провести в жизнь. Несмотря на тяжелое положение рабочих в отношении продовольствия (более двух месяцев рабочие форменно голодают), мы чувствуем себя очень прочно. Но посмотрим, каково будет наше военное положение в ближайшие дни. Если мы победим, Баку превратится в образцовую трудовую коммуну»[2].

На основе декрета о национализации Бакинский совнархоз разработал и опубликовал «Положение об управлении национализированными нефтяными и буровыми предприятиями Бакинского района». В административно-хозяйственном отношении все нефтяные промысла делились на 7 групп. На предприятиях оставалась старая администрация, но она в большинстве случаев была враждебно настроена к советской власти. Некоторые управляющие нефтепромышленных фирм, став теперь членами коллегии по управлению предприятиями, сохранили старые связи с бывшими владельцами предприятий и правлениями фирм и в угоду им организовывали саботаж и вредительство в нефтяной промышленности. Борьба с ними принимала резкие формы. 18 июля директор правления Нобель—Лесснер и директор правления Российского нефтепромышленного общества Саркисян были высланы из Баку «в связи с сопротивлением в деле проведения национализации нефтяной промышленности».

В таких условиях работа промыслово-заводских комиссий приобретала особенно большое значение. На основе инструкции Совнархоза промыслово-заводские комиссии имели наблюдение за тем, чтобы «деятельность администрации предприятия соответствовала

---

[1] *Степан Шаумян*, Статьи и речи, стр. 186.
[2] ЦАОР, ф. М. П., дело 215.

бы задачам и планам СНХ», следили за расходованием средств, приемом и увольнением, сохранностью имущества, просматривали отчеты, книги, переписку предприятия.

В самом Бакинском совнархозе открытое сопротивление национализации оказывала группа инженеров и техников. В знак протеста против национализации она отказалась от всякой работы в СНХ и заявила, что остается там «с целью информации». На самом деле она осталась в СНХ для того, чтобы подрывать национализацию изнутри и добиться возвращения предприятий их прежним владельцам. Такую же политику проводили эсеры, меньшевики, дашнаки, муссаватисты. Они пытались использовать тяжелое продовольственное положение рабочих для борьбы с советской властью. Они стремились вызывать забастовки на национализированных предприятиях и ослабить трудовую дисциплину, чтобы сорвать вывоз нефти в Советскую Россию и восстановить на промыслах и заводах Баку капиталистическую эксплоатацию.

Бакинские большевики разоблачали саботажников и дезорганизаторов. Тов. Микоян писал, что стачка теперь «приобретает реакционный, вредный характер, потому что сейчас она направлена не против капиталистов—врагов рабочего класса, а против организованного пролетариата, против власти его Совета»[1].

Как важнейшую задачу дня большевики выдвинули вопрос о трудовой дисциплине и поднятии производительности труда на национализированных предприятиях. В воззвании к рабочим т. Фиолетов писал: «Товарищи, будем помнить, огненными буквами выжжем в своем мозгу следующие правила, которые большинство из вас давно уже признало самым важным для дела революции: необходимо ввести в свою среду трудовую железную дисциплину, каждый остается на своем месте, каждый беспрекословно подчиняется распоряжениям избранных товарищей и лиц, поставленных этими товарищами, каждый делает в рабочие часы свое дело, мало заметное на первый взгляд, но которое составляет звено в великой цепи укрепления завоеваний революции».

Совнархоз предлагал промыслово-заводским комиссиям «принимать все меры к тому, чтобы поднять производительность труда на принадлежащих Советской республике предприятиях». Промыслово-заводские комиссии должны были наблюдать за ходом производства, дисциплиной среди рабочих. Одновременно промыслово-заводским комиссиям предлагалось не подменять администрацию, «распоряжения которой немедленно и точно должны выполняться рабочими и служащими».

Твердая политика бакинских большевиков и советской власти в нефтяной промышленности привела к положительным результатам. В условиях упорного сопротивления нефтепромышленников и высшего технического персонала, тяжелого финансового и продовольственного кризиса и ожесточенной гражданской войны неуклонно развивалась и крепла бакинская советская нефтяная про-

[1] «Известия Бакинского Совета» № 105 за 1918 г.

мышленность. Росла добыча нефти. До национализации, в мае было добыто лишь 11,4 млн. пудов нефти. После национализации, в июне—17,89 млн. пудов нефти.

Еще более разительных успехов добилась советская власть в деле вывоза нефти. Этой работой непосредственно руководил товарищ Сталин. Находясь в Царицыне, он обеспечивал провоз нефти до Волге и по железной дороге в центр страны. 26 июня Сталин писал в Наркомпрод, что в Москву вышло три маршрутных поезда с 84 цистернами бензина. 29 июня Сталин сообщал, что все амбары в Астрахани полны нефтяных продуктов, которых больше некуда девать. Сталин просил срочно освободить баржи, имеющиеся в Саратове и Самаре, иначе вывоз из Баку прекратится.

Принимая меры к разгрузке Астрахани от нефти, Сталин предлагал всемерно увеличивать вывоз нефти из Баку. Железнодорожное сообщение с Баку было прервано, флот должен был взять на себя перевозку грузов, обычно доставляемых железной дорогой. Бакинские большевики и советская власть обратились к морякам Каспийского флота с призывом мобилизовать все силы для усиления вывоза нефти. «Российский красный пролетариат,—писал т. Микоян,—измученный голодом, гордый своим коммунистическим сознанием, сознанием своего высокого долга самоотверженного борца за пролетарский коммунизм, смотрит на нас, как на единую надежду. Взоры всех наших российских товарищей обращены на нас, на богатую нефтепромышленность Бакинского района... Великой задаче—незамедлительному вывозу запаса нефти—должно быть подчинено все»[1].

На заседании Бакинского совнаркома т. Фиолетов заявил, что предполагается ежедневно вывозить из Баку по 1 млн. пудов нефти. Бакинские рабочие под руководством большевиков с честью справились с этой задачей. В то время как в апреле было вывезено 5 млн. пудов нефти, в мае—11 млн. пудов, в июне вывозилось 28,3 млн. пудов, в июле—30 млн. пудов. Бакинские рабочие выполняли свой пролетарский долг перед героическим российским пролетариатом, стиснутым в огненном кольце интервенции и блокады. Десятки миллионов пудов бакинской нефти оживляли промышленность и транспорт Советской России в самое трудное, самое тяжелое время.

VII

Советская власть в Баку осуществляла свои социалистические мероприятия в обстановке тяжелого продовольственного кризиса и напряженной гражданской войны. На протяжении 1917—1918 гг. продовольственное положение города непрерывно ухудшалось. 21 марта организовалась продовольственная директория, замененная впоследствии Народным комиссариатом продовольствия. «Бакинский совет,—писала директория,—принял на себя огромную

[1] «Известия Бакинского Совета» № 107 за 1918 г.

задачу удержать нефтеносный район, имеющий огромное значение в хозяйственной жизни Российской советской республики, в своей власти. Продовольственная директория со своей стороны прилагает все усилия всеми средствами сделать возможное, чтобы облегчить положение голодающего населения».

Продовольственная директория стремилась обеспечить подвоз хлеба с Северного Кавказа. Там было закуплено большое количество хлеба, но действия дагестанской и северокавказской контрреволюции мешали выполнению этой задачи. Железнодорожное сообщение было расстроено. Тогда решили доставлять хлеб через Кизляр до Шендриковской и Брянской пристаней (севернее Петровска), а оттуда пароходами до Баку. На пристанях были построены необходимые сооружения. Но и этот путь был крайне неудобен. От Кизляра до берега моря—60 верст. Хлеб перевозился на этом расстоянии лошадьми. Шендриковская пристань была в мелком месте, пароходы останавливались далеко от берега, и хлеб подвозился к ним на лодках. Таким способом удавалось грузить в день 2—3 тысячи пудов хлеба, причем вследствие ветров иногда в течение нескольких дней погрузки не было вовсе.

В связи с этим продовольственный кризис в Баку в течение всего мая резко обострялся. Пользуясь этим, враг пытался натравить голодающих рабочих на советскую власть. Лакеи буржуазии, эсеры и меньшевики, костлявой рукой голода стремились задушить пролетарскую диктатуру. Бакинские большевики разъясняли создавшееся положение и призывали рабочих не поддаваться на провокацию врага. «Товарищи,—писал Бакинский совнарком,—продовольственные затруднения продолжаются. Несмотря на все старания советов рабочих и солдатских депутатов и их исполнительных органов, закупленный в громадном количестве хлеб доставляется в ничтожных количествах. Товарищи, на этой почве, на почве голода, недовольство и возмущение проникают в ваши души. Еще и еще раз мы призываем вас не приходить в отчаяние. Голод—хорошая почва для провокации. Не поддавайтесь, товарищи, агитации наших врагов»[1].

15 мая конференция промыслово-заводских комитетов обсуждала продовольственный вопрос. Меньшевики и эсеры пытались превратить ее в суд над большевистской партией. Но они были разоблачены. По предложению Алеши Джапаридзе конференция отметила, что Бакинский совет принимает все меры, чтобы добиться хлеба для населения. Она обратилась с призывом «не приходить в отчаяние и не поддаваться агитации врагов Советской власти, которые хотят использовать голодное настроение рабочих и поселить раздор в пролетарской семье»[2].

Подводя итоги этой конференции, Микоян писал: «Состоялся суд. Суд народный, суд рабочий. На скамьях подсудимых сидели не те, которых обливали грязью, против которых травили голодные массы. Судились не Советская власть и самоотверженные носители

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 44 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 89 за 1918 г.

ее, не покладая рук работающие по укреплению власти рабочих. Не те, которые в такой короткий срок подвели прочный фундамент под Советскую власть, отразили нападение диких банд на нее извне, сломили упорное сопротивление капиталистов изнутри, и, закрепив за собой политическую власть и силу в районе, переходят к уничтожению экономического господства эксплоататорских классов... Не Советская власть и борцы пролетарского коммунизма судились. Нет, на скамьях подсудимых народным судом были посажены ожившие мертвецы «обвинители» Советской власти; клеветники и лжецы, как преступники, пригвождены к позорному столбу. Лицемерие было разоблачено. Правда восстановлена»[1].

В эти тяжелые дни борьбы за хлеб на помощь пролетарскому Баку пришел товарищ Сталин. 11 июня в Баку была получена телеграмма: «Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Северном Кавказе. Линия Хасав—Юрт—Петровск будет исправлена во что бы то ни стало. В помощь для Баку отправлено и будет отправляться регулярно все. Сегодня выезжает нарочный из Царицына с письмом к Шаумяну. Хлеб пошлем во что бы то ни стало. Просим укрепить фронт Аджикабул и не падать духом. Сталин»[2].

В тот же день, реализуя обещание Сталина, Серго Орджоникидзе из Владикавказа сообщал в Баку: «Завтра отправляем десять тысяч пудов хлеба водой. Сделано распоряжение о немедленной отправке маршрутных поездов из Ставропольской губернии и Терской области. Привет бакинским товарищам, ведущим героическую борьбу против насильников и изменников пролетариата. С. Орджоникидзе»[3].

Товарищ Сталин, организуя из Царицына продовольственную помощь в первую очередь Москве и Петрограду, уделял большое количество хлеба Баку. Одновременно под руководством товарища Сталина было приступлено к строительству железной дороги от станции Кизляр до пристани Старо-Теречной. Строили ее при содействии рабочих Владикавказской железной дороги, бакинских и царицынских организаций. Ее окончание могло бы значительно улучшить продовольственное положение Баку.

Большие запасы хлеба советский Баку мог получить и из азербайджанской деревни. В уездах Азербайджана, особенно на Мугани, был очень высокий урожай, но убирать хлеб было некому. Советская власть предпринимала меры по организации уборки хлеба. Товарищи, посланные в уезды, организовывали для этой работы местное русское и мусульманское население. С этой же целью из Баку отправлялись артели рабочих и посылался необходимый сельскохозяйственный инвентарь. В некоторых местах дело шло успешно. Но в большинстве случаев дело было организовано плохо: рабочих рук и инвентаря нехватало, и урожай погибал.

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 92 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 110 за 1918 г.
[3] *Там же.*

В июне и июле продовольственное положение в Баку продолжало ухудшаться. Советская Россия, сама испытывая острый голод, не могла оказать большой помощи. Из уездов Азербайджана хлеб почти не поступал. Рабочие питались главным образом орехами и подсолнухом. Такому положению прежде всего способствовала большая засоренность бакинских продовольственных организаций. Наркомом продовольствия был левый эсер Цибульский. В продовольственном аппарате засели меньшевики и эсеры, которые сознательно срывали дело снабжения населения. Хищения и злоупотребления приняли колоссальные размеры. Широко развивалась спекуляция. Сознательно обостряя продовольственный кризис, эсеры и меньшевики продолжали вести свою провокационную кампанию.

Большое разложение в ряды голодающих рабочих внесла кампания за групповые закупки хлеба. Разрешение групповых закупок означало срыв хлебной монополии и дезорганизацию всего продовольственного дела. Большевики повели решительную борьбу против этого. Тт. Шаумян, Джапаридзе и другие категорически возражали против групповых закупок. Но значительная часть изголодавшихся рабочих поддалась на эсеро-меньшевистскую удочку. Дважды конференция промыслово-заводских комитетов обсуждала этот вопрос и дважды высказалась за разрешение групповых закупок. Только после долгих усилий удалось провести ряд ограничений, которые поставили все закупочные операции под контроль комиссариата продовольствия.

Разоблачая поведение эсеров и меньшевиков, большевики продолжали отстаивать принципы советской продовольственной политики. С новой силой они развернули борьбу за хлеб. Большевики послали на этот фронт своего лучшего организатора. 20 июня вместо Цибульского наркомом продовольствия был назначен Алеша Джапаридзе. Оставшись председателем Бакинского совета и наркомом внутренних дел, неутомимый Алеша развернул энергичную работу. Агитаторы, закупщики, рабочие артели были командированы в Ленкоранский и Джеватский уезды, на Северный Кавказ, в Поволжье и другие районы России. Вооруженные отряды были посланы для расчистки железнодорожного пути.

По просьбе Джапаридзе его заместителем Бакинский совнарком утвердил большевика Костандьяна. Инженер по специальности, он с первых дней революции ушел с головой в активную политическую борьбу. Костандьян работал в Балаханах и был тесно связан с массой промысловых рабочих. Назначенный районным комиссаром по продовольствию, он сумел хорошо поставить это дело на промыслах.

Однако, несмотря на все это, продовольственное положение не улучшалось. Сменилось руководство продовольственным делом. Но в продовольственном аппарате в Баку и на местах оставались эсеро-меньшевистские саботажники и вредители. Джапаридзе говорил, что «приходится смотреть подозрительно на каждого работника организации, и если бы была возможность заменить их новыми, то это было бы гораздо лучше». У советской власти в Баку не было сил и времени провести радикальную чистку

продовольственного аппарата. С другой стороны, наиболее тяжелый период продовольственного кризиса совпал с ухудшением положения на фронте.

С первых дней своего существования советская власть в Баку вступила в полосу гражданской войны. «Мы находимся в состоянии непрерывной войны,—писал Степан Шаумян Совнаркому.—Вчера было получено сообщение, что из Елисаветполя двинулись новые два эшелона мусульманских войск во главе с грузинским князем Магаловым... Кольцо сжимается вокруг Баку, и, вероятно, на-днях будут иметь место новые бои».

В таких условиях укрепление военного положения Баку было важнейшей задачей советской власти. Всеми военными делами ведал Военно-революционный комитет Кавказской армии. Тов. Корганов, председатель этого комитета и нарком по военно-морским делам, непосредственно руководил организацией Красной Армии и ее боевыми операциями. Здесь же в ВРК работали тт. Малыгин, Богданов, Берг и др. В тылу большую работу проводил т. Авакьян, назначенный комендантом города.

Наиболее прочной опорой советской власти были отряды Красной гвардии. Но силы Красной гвардии были недостаточны. Бакинский совнарком и ВРК Кавказской армии ставили вопрос перед центральным советским правительством о присылке военных частей в Баку. Однако Советская Россия не могла оказать немедленно помощи. Поэтому временно, до прихода помощи из центра, надо было использовать армянские национальные части.

Много солдат старой армии—армян, возвратившихся с западного фронта, застряло в Баку, не имея возможности уехать на родину. Все они влились в национальные части. После мартовских боев эти части были реорганизованы и сведены в красные советские батальоны. Батальоны объединялись в бригады. Командный состав в значительной части состоял из дашнакских офицеров, но во все крупные подразделения были назначены комиссары-большевики. Тов. Микоян был назначен комиссаром 3-й бригады. На фронте, в дни ожесточенной борьбы он развернул огромную работу.

Комиссаром одного из бронепоездов был большевик Самсон Канделаки. Старый подпольщик, он самоотверженно боролся за советскую власть, впоследствии сидел в тюрьме вместе с бакинскими комиссарами и в 1919 г. геройски погиб за диктатуру пролетариата.

Враг наступал на Баку с трех сторон: на юге, в Ленкоранском уезде, оперировали многочисленные шайки муссаватистов и персидских разбойников—шахсеванов. Они врывались в муганские села и беспощадно вырезали все население. Сюда были направлены крупные силы советских войск. Им удалось разгромить врага в Ленкорани и в ближайших селениях, но в более отдаленных пунктах борьба затянулась.

1 мая в Ленкорани собрался большой митинг. Присутствовало более 2 тыс. человек. Собравшиеся единогласно постановили «признать власть советов как в центре Баку, так и организующуюся советскую власть г. Ленкорани, которую всемерно

поддерживать и распоряжениям ее подчиняться. Принести глубокую благодарность Бакинскому совету р., с. и м. д. за оказанную нам военную помощь, благодаря которой была прогнана разбойничья контрреволюционная банда, хозяйничавшая до сих пор в Ленкорани... Выражаем глубокое возмущение действиями контрреволюционной партии «Муссават», на которую возлагаем всю ответственность за все ужасы елисаветпольских, бакинских, ленкоранских и прочих кровопролитий»[1].

На севере советские войска действовали против дагестанской контрреволюции, отрезавшей Баку от хлебных районов. Здесь прежде всего надо было занять Петровск. «Мы должны были отправить сегодня силы для завоевания Петровска, который задерживает продовольственные грузы для Баку»,—писал Шаумян в Совнарком 19 апреля. В середине апреля отряды красногвардейцев были собраны на площади Свободы. Им разъяснили, что предстоит важная военная операция, и предложили получить в ВРК винтовки, патроны и обмундирование. Через несколько дней красногвардейцы собрались на Петровскую пристань. Пристань была переполнена народом. Много бакинских рабочих пришло провожать Красную гвардию и другие бакинские части в их первый поход. Корганов обратился к красногвардейцам с речью. Под крики «ура» ушла в море канонерская лодка «Ардаган» и пять судов с красногвардейцами и воинскими частями.

Недалеко от Петровска советские войска высадились. Неожиданным ударом с суши и моря они обрушились на противника, и Петровск был взят. В боях за город особенно отличились красногвардейцы, показав образцы мужества и героизма. Под ожесточенным огнем противника они первые вошли в город. Как сообщал начальник отряда, «большая часть сознательной туземной демократии Дагестана и Чечни откололась от контрреволюционных главарей Дагестана». Потерпев поражение, контрреволюционеры сдали другой важный пункт—Дербент. Влияние Бакинского совнаркома отныне было распространено и на Дагестанскую область. Бакинский совнарком назначил сюда комиссаром Виктора Нанейшвили.

Одновременно советская власть распространила свое влияние на Кубинский уезд Азербайджана. Здесь действовали отряды под руководством бакинского большевика Георгия Стуруа. Они сначала заняли Хачмас и отсюда направили силы в Кубу. Население горячо приветствовало приход советской власти. В Кубе действовал отряд Красной гвардии во главе с Мир Джафар Багировым. Комиссар Бакинского совнаркома сообщал т. Шаумяну, что 23 апреля в Кубе на площади он вместе с т. Багировым торжественно провозгласил установление советской власти. Акт признания советов был подписан представителями народа. 115 крестьян были освобождены из кубинской тюрьмы. Главари контрреволюции бежали.

Крупные военные действия развертывались на центральном фронте. Контрреволюционная армия состояла здесь из объединен-

[1] «Бакинский Рабочий» № 79 за 1918 г.

ных муссаватско-меньшевистских сил, организованных по постановлению закавказского правительства. Это были: татарский конный полк, грузинский учебный батальон и другие части под командованием Магалова. Они захватили важнейший пункт в 120 километрах от Баку—Аджикабул. Вокруг Аджикабула шла упорная борьба. Только 20 апреля после четырехчасового боя муссаватско-меньшевистские банды отступили по направлению к Тифлису, подвергнув зверскому разгрому оставленную станцию.

Взятие Аджикабула открывало возможность для дальнейшего продвижения советских войск по линии железной дороги к Елисаветполю. Это нужно было использовать. Отстоять советскую власть в Баку и распространить ее на весь Азербайджан можно было решительным разгромом противника. Только активное наступление могло обеспечить победу. Чтобы освободить крестьян Азербайджана от ига помещиков и капиталистов и поднять знамя освобождения во всем Закавказье, Красная армия двинулась к Елисаветполю.

Бакинский совнарком обратился с воззванием ко всем народностям Закавказья: «Мусульманские беки и ханы, грузинские князья и дворяне и прислужники армянской буржуазии, заседавшие в сейме, погубили Закавказье. Они пошли против своих крестьян и рабочих и продали наш край туркам и германцам. При помощи турецких пашей и германских генералов они хотят отнять у крестьян бекские и княжеские земли и идут войной против бакинских рабочих... Мы, бакинские рабочие, призываем всех рабочих и крестьян Закавказья стать под наше красное знамя, выступить с оружием в руках против своих предателей—ханов и беков, против грузинских князей и дворян, против армянской буржуазии и националистов. Мы призываем вас с оружием в руках изгнать из нашей страны турецкие и немецкие банды. Настоящую свободу, и классовую и национальную, будут иметь рабочие и крестьяне, когда они создадут свою советскую рабоче-крестьянскую власть во всем Закавказье»[1].

Григорий Корганов в приказе по Кавказской Красной армии писал: «Товарищи солдаты Кавказской Красной армии! Взоры всех трудящихся—рабочих и крестьян Закавказья обращены на бакинский пролетариат и его Красную армию и флот... Бакинскую Красную Армию ждут как избавителя. К вам примкнут все, кто имеет оружие в своих руках. Вы будете сильны, товарищи-солдаты не только численностью, но и теперь вы значительно сильнее ваших врагов силой своего сознания и революционного духа, тем, что вы являетесь армией, защищающей трудовой народ, а не интересы помещиков и капиталистов. И знайте, товарищи-солдаты, если вы в борьбе будете щадить и оберегать жизнь и хозяйство крестьян—мусульман, армян и грузин, если вы поможете им силой оружия свергнуть своих помещиков и овладеть их землями, тогда никакие полчища пашей, беков и дворян не будут вам страшны. Так смело же вперед, на бой

[1] «Известия Бакинского Совета» № 132 за 1918 г.

кровавый, но «святой и правый». С вами вместе пойдут и старшие ваши товарищи по революции. Вперед к победе!»[1]

Действия Красной армии вначале были очень успешны. Она быстро продвинулась вперед. К началу июня значительная часть территории Азербайджана была освобождена от власти капиталистов и помещиков. 12 июня Красная армия заняла Кюрдамир.

Отступая под напором советских войск, муссаватисты заставляли мирных жителей покидать селения и уходить с ними. В то время как пролетарский Баку голодал, созревший хлеб оставался неубранным. Комиссарам-большевикам пришлось принимать срочные меры, чтобы спасти положение. Тов. Микоян организовал уборку урожая в Шемахинском и Геокчайском уездах. С этой целью он предложил объявить обязательную трудовую повинность и просил бакинские организации выслать необходимые сельскохозяйственные орудия.

Одновременно важно было повести разъяснительную работу среди азербайджанских крестьян, обманутых муссаватистами. Большую деятельность в этом направлении развернули агитаторы Военно-революционного комитета. Условия для работы агитаторов были самые тяжелые. Ханы и беки принуждали многих жителей-азербайджанцев бежать и прятаться. Дашнакские отряды часто чинили насилия и преступления над населением, разжигая национальную рознь между азербайджанцами и армянами. Агитаторы-большевики подвергались нападению бекских шаек. Но несмотря на все это, они бесстрашно шли из селения в селение, организуя крестьянские массы вокруг советской власти.

Под влиянием агитаторов-мусульман жители азербайджанских селений, терроризированные муссаватистами, выходили из своих убежищ, собирались и устраивали сельские сходы. Они единодушно признавали советскую власть, выражали готовность оказать ей всяческое содействие. С помощью агитаторов крестьяне организовывали свои сельские советы. 21 июня в «Бакинском Рабочем» было помещено сообщение об организации советов крестьянских депутатов в прифронтовой полосе. Крестьяне деревень Араб-Мехти-беклы, Араб-Серван и др. единогласно постановили признать советскую власть, избрать совет крестьянских депутатов и просить Бакинский совет о всесторонней поддержке. Крестьяне деревень Чигни, Ахуны и др. заявили: «Признаем нашу собственную советскую власть и будем стараться всеми средствами укрепить ее. Просим поддержки со стороны наших братьев-товарищей крестьянских депутатов Бакинского совета»[2].

Тов. Солнцев, назначенный комиссаром Кюрдамира и его районов, созвал совещание депутатов сел Шарбеглы, Рахайлы и Арапшары. Делегаты заявили, что «крестьяне очнулись от кошмара, наводимого беками, агаларами и ханами, якобы, это война национальная, а раз это не так, это борьба всех национальностей против буржуазии, беков, агаларов и ханов, то всецело подчи-

[1] «Бакинский Рабочий» № 106 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 128 за 1918 г.

няются советской власти, готовы всячески оказать Советам помощь и войти в ряды Красной армии»[1]. Они просили отправить в их села агитаторов для восстановления порядка, образования крестьянских советов и сельской милиции. Крестьяне жаловались на солдат «дикой дивизии», которые насильно отбирали у них хлеб и скот.

Тов. Солнцев объяснил крестьянам, что большевики—«истинные друзья бедного класса, они ведут войну с беками, ханами и агаларами, чтобы отнять у них все те земли, которые принадлежат им, и передать трудовому населению, а для равномерного распределения земли крестьяне должны образовать крестьянские советы из своих же бедных крестьян»[2]. Тов. Солнцев предложил крестьянам, если они знают о местонахождении беков и ханов, задержать их как злостных врагов трудового народа. Он командировал вместе с делегатами членов фронтовой революционной коллегии по окрестным селам для организации крестьянских советов и сельской милиции.

Успехи Красной армии и рост крестьянского движения сильно встревожили муссаватистов. Было ясно, что одних меньшевистско-муссаватских сил для разгрома советского Баку и подавления крестьянского движения недостаточно. Еще во время Трапезундской конференции муссаватисты заключили секретное соглашение с турецкими империалистами о совместных действиях в Закавказье. 25 мая Закавказское правительство распалось. Были провозглашены «независимые» республики Грузии, Армении, Азербайджана. «От кого независимо правительство Гегечкори?—писал Ленин.—От Советской Республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо...»[3]

И действительно, полными хозяевами «независимого» Закавказья стали германские и турецкие империалисты.

Когда так называемое азербайджанское правительство находилось еще на чужой территории—в Тифлисе, в Елисаветполь прибыл со своим штабом командующий турецкой армией на Кавказе Нури-паша. Нури-паша быстро вошел в свою роль и стал распоряжаться, как в завоеванной стране. Он предъявил национальному совету список новых членов азербайджанского правительства. 17 июня совет безоговорочно принял список Нури-паши и по его же требованию объявил себя распущенным.

VIII

Турецкие империалисты и муссаватисты начали свою совместную деятельность с восстановления «прав» помещиков, нарушенных в дни революции. 22 июня азербайджанское правительство постановило: «Учиненные до сего времени захваты земель как частновладельческих, так и казенных устранить...

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 131 за 1918 г.
[2] *Там же.*
[3] *Ленин*, т. XXIII, стр. 12.

Представить в ближайший срок доклад о реорганизации или упразднении земельных комитетов».

Одновременно «союзники» приступили к активным военным действиям против советского Баку. Для борьбы с наступающей Красной армией срочно перебрасывались турецкие войска; чтобы разгромить советскую власть, меньшевистская Грузия услужливо пропустила их через свою территорию. По договору от 4 июня она разрешила «производство Оттоманской армией всякого рода военных перевозок, транспорта и пр. по главным стратегическим железным дорогам республики». С этого времени переброска турецких войск началась усиленным темпом.

Вместе с Турцией против советского Баку выступили германские империалисты. Нагло нарушая недавно подписанный Брестский мирный договор, германский империализм стремился захватить советскую территорию. Превратив в свою колонию Грузию, он протягивал теперь свои грязные лапы к нефтяным богатствам Азербайджана. Не располагая большими военными силами в Закавказье, германские империалисты действовали при помощи турецких войск и муссаватистско-меньшевистских отрядов. Во главе регулярной турецкой армии стояли немецкие инструктора.

В связи с начавшимся наступлением германо-турецких войск товарищ Сталин сообщил из Царицына в Москву 1 июля: «Бакинский район действительно угрожаем. Турецкие войска во главе с немецкими офицерами ведут настоящую войну с бакинскими частями. Надо думать, что так называемое соглашение с немцами является ширмой для наступления на Баку. Нечего и говорить, что вся буржуазия за турок... Положение Баку и финал Тихорецкой портят всю картину. Мы принимаем срочные меры, о которых сообщит вам отправляемый к вам нарочный. Надеемся, что справимся. Сталин»[1].

Бакинский совет заявлял о своей решимости бороться с новым противником. «Заслушав доклад товарища Шаумяна о положении в Закавказье и стремлении германских хищников захватить Баку с целью в частности вывоза отсюда нефти, Совет рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов одобряет всецело революционную программу бакинского Совета народных комиссаров, заявляет еще раз о готовности бакинского пролетариата и Советской Красной Армии бороться до конца с наступающими германо-турецкими бандами, отстаивать свою свободу и независимость и свою неразрывную связь с великой Российской Советской Республикой». Совет заявил: «Мы не дадим германским хищникам ни одной капли нефти, добытой народным трудом».

В конце июня советские войска впервые столкнулись на фронте с германо-турецкими частями. Однако, несмотря на появление такого врага, Красная армия продолжала успешно развивать свои операции. Сообщая, что в Тифлис и Поти прибыли германские войска, которые будут посланы на Баку, Шаумян писал: «Настроение в наших войсках бодрое, порядок образцовый, флот будет геройски отстаивать советскую власть; настроение

[1] *Сурен Шаумян,* Бакинская коммуна, стр. 38.

у рабочих, несмотря на почти трехмесячный голод, очень повышенное, будут сражаться до последней возможности. Живыми не сдадимся и немецким хищникам никакой нефти не оставим,— говорят рабочие»[1].

Первые поражения советские войска понесли не от германо-турецких частей, а вследствие измены и предательства в собственных рядах. 7-й батальон, выполняя важное задание командования, переправлялся через болото. Неожиданно неприятель открыл огонь по батальону. В такой тяжелый момент одна из рот отказалась подчиниться приказу и, оставив на произвол судьбы товарищей, трусливо покинула позиции. Охваченные перекрестным огнем противника, преданные изнутри, советские части вынуждены были отступить. Погибло 60 красноармейцев.

Такое предательство вызвало волну возмущения. Вся рота была отозвана с фронта и посажена под арест на остров Нарген. Корганов обратился с приказом к армии: «Впредь всякого, кто откажется исполнять боевой приказ, либо расстреливать на месте, либо силой оружия заставлять итти к передовой выступающей цепи... В Красной армии не может быть ни поджигателей, ни мародеров, ни насильников. В Красной армии должны быть уничтожены жалкие трусы, предатели революции». Бакинский совет, обсуждая этот вопрос, «выразил негодование преступникам и полное доверие военному комиссариату и штабу... Совет предлагает и впредь военному комиссариату бороться с предателями самыми репрессивными мерами»[2].

27—30 июня в Геокчайском районе происходил упорный четырехдневный бой с большими турецкими силами генерала Назим-паши. Он начался удачно для советских войск. Красноармейцы героически отражали натиск противника, но под давлением превосходных сил должны были отступить. Поражение на правом фланге вынудило отойти центральную кюрдамирскую группу. В некоторых частях под влиянием вражеской агитации началась дезорганизация и дезертирство.

Большевики принимали все меры к восстановлению положения на фронте. В июне была проведена мобилизация всех бывших офицеров и солдат, прошедших курс учебных команд всех родов оружия. Затем был объявлен призыв всех граждан, родившихся в 1893—1897 гг. Наркомат военных дел, согласно указаниям Совнаркома, предлагал освободить от мобилизации строго ограниченное число рабочих, «принимая во внимание только оборону и вывоз нефти».

Авакьян как комендант города обратился с воззванием к населению: «Мобилизация, объявленная советской властью в час роковой схватки бакинского пролетариата с контрреволюцией, надвигающейся со всех сторон на советский Баку, должна пройти образцово... Цели закрепления советской власти, революционной свободы, порядка повелительно требуют, чтобы органы советской власти не колеблясь боролись всемерно против позорного

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 6, л. 6—7.
[2] «Известия Бакинского Совета» № 122 за 1918 г.

мародерства, дезертирства, саботажников и изменников народного дела»[1].

Большевики проводили большую работу в эти тяжелые дни. Начальником связи армии был т. Берг. Преодолевая громадные трудности, он организовал проводку телеграфной линии между селениями Маразы и Шемахой. Оставалось протянуть линию на полторы версты, когда советские части стали отступать из этого района. Местное население оказывало сопротивление наступавшим турецко-муссаватским бандам. Жители селения Маразы успешно боролись с неприятелем, несмотря на то, что дашнак Амазасп, руководивший частью войск, отказался помочь им. Узнав об этом, Берг немедленно пришел на помощь крестьянам, достал пулемет и стал сам пулеметным огнем рассеивать наступавшие муссаватские банды.

В разгар турецкого наступления советская власть в Баку получила письмо из Персии от полковника Бичерахова. Л. Бичерахов предлагал свои услуги в борьбе с турками. Корганов выдвинул перед ним ряд условий: признание советской власти, полное подчинение всем ее распоряжениям, проезд на фронт, минуя Баку, через ст. Алят и пр. Бичерахов ответил Бакинскому совнаркому, что все условия, предложенные Коргановым, принимает и всякое выступление против советской власти считает предательством.

Бакинские большевики долго колебались, согласиться ли на предложение Бичерахова. О его договоре с англичанами никто не знал, но большевики догадывались о возможности такой связи. «Мы боялись,—говорил Степан Шаумян,—что если этот образцовый отряд просто состоит на службе у английского правительства, то, появившись в Баку, он может после заявления о признании Советской власти изменить политику...»[2] Однако положение на фронте было тяжелое. Бичерахов всячески клялся в верности советской власти, его отряд был хорошо вооружен, представляя серьезную военную силу,—все это побудило советскую власть в Баку согласиться на предложение Бичерахова. Отряд Бичерахова был включен в состав Кавказской Красной армии. В начале июля он прибыл на фронт. Опасения бакинских большевиков впоследствии оправдались. Выждав подходящий момент, Бичерахов изменил советской власти.

Только первые дни после своего прихода отряд Бичерахова принимал участие в боях против турок. Это не улучшило положения на фронте. Отступление Красной армии продолжалось. В течение трех дней, 7—9 июля, шли бои за Кюрдамир. После ожесточенных атак турок советские войска оставили этот важнейший пункт. В то же время шла борьба вокруг Шемахи. Советские войска сами перешли в наступление на этом участке, но после взятия Кюрдамира турки перебросили сюда главные силы, и Красная армия вынуждена была отступить.

Отступление советских войск проходило в очень тяжелых усло-

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 131 за 1918 г.
[2] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 204.

виях. Стояла нестерпимая жара. Нехватало продовольствия, воды. Лечебная помощь отсутствовала. Среди солдат началась эпидемия. Измученные длительными переходами и боями, войска не получали свежих пополнений.

Такое положение ловко использовали агенты империалистов—дашнаки, эсеры и меньшевики. Они сознательно разваливали фронт, искусственно вызывали недовольство в солдатской среде, содействовали массовому дезертирству. В целом ряде операций, как рассказывал Сурен Шаумян, «дашнаки уводили войска, когда этого совершенно не требовалось, сознательно распускали слухи о том, что у противника большие силы, что у них имеются газы, авиация и т. д. ...Дашнаки действовали предательски, поставив себе целью вынудить наше правительство пригласить варягов—англичан»[1].

Работая в пользу английских империалистов, дашнаки одновременно вели предательские переговоры с турками. Эти переговоры начались еще в июне. Турецкое командование предлагало армянскому национальному совету заключить мир для совместной борьбы с советской властью. Вскоре выяснилось, что из Тифлиса в Баку едет специальная мирная делегация Тифлисского армянского национального совета и турок. Советская власть неизменно отклоняла всякие попытки переговоров с противником, и эта делегация не была пропущена.

В тяжелые дни борьбы с многочисленными врагами рабочие и крестьяне Азербайджана и Закавказья обращали свои взоры на север, к Советской России. Только с помощью великого русского народа, который первый поднял знамя освобождения трудящихся, они могли отстоять свою независимость от покушений империалистов и, укрепив советскую власть, построить новое общество. Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов совместно с крестьянскими депутатами заявил, что «рабочие и крестьяне всего Закавказья ни в коем случае не примирятся с отделением Закавказья от революционной России».

Бакинские рабочие призывали к решительной борьбе с изменниками и предателями, продавшими Закавказье империалистам. «В нашей борьбе за свободу Кавказа, за советскую власть,—писала газета «Известия Совета»,—русские рабочие и крестьяне будут с нами. С их помощью мы раздавим наших врагов, помещиков и буржуазию, и прогоним наших поработителей—турок и германцев»[2].

В связи с ухудшением положения на фронте бакинские большевики просили помощи из центра. «Положение на фронте ухудшается,—писал Шаумян Ленину 13 июля.—Одних наших сил недостаточно. Необходима солидная военная помощь из России. Я телеграфировал в Астрахань и Царицын Сталину, распорядитесь вы»[3].

---

[1] *Сурен Шаумян*, Бакинская коммуна, стр. 37.
[2] «Известия Бакинского Совета» № 132 за 1918 г.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 25, л. 245.

Центральное советское правительство—Ленин и Сталин принимали все меры к тому, чтобы отстоять Баку от нападения германо-турецких и английских империалистов. Рабочие и крестьяне России оказывали братскую помощь трудящимся Азербайджана. В течение июня—июля Советская Россия направила в Баку много оружия, снаряжения, денег. 22 мая Совнарком РСФСР постановил выдать 100 млн. руб. на нужды бакинской нефтяной промышленности. 23 июня из Москвы прибыли бронированные автомобили. 20 июля в Баку приехал отряд т. Петрова.

Отряд был снят с украинского фронта. Он состоял из одного эскадрона конницы (100—120 сабель), одной батареи из 6 орудий, одной роты моряков Балтийского и Черноморского флотов и команды конных разведчиков. Это было большое подкрепление бакинским советским частям. Хорошо вооруженный отряд Петрова сыграл большую роль в обороне города.

Одновременно центральное советское правительство потребовало от Германии соблюдения Брестского договора и прекращения наступления на советский Баку. Советский посол в Берлине вел переговоры по этому вопросу с германским правительством. 7 июля Ленин писал Сталину в Царицын о необходимости непрерывно сноситься с Шаумяном и держать его в курсе берлинских переговоров. Получив телеграмму Ленина, Сталин немедленно направил письмо Шаумяну, сообщив ему о действиях советского правительства.

Переговоры продолжались в июне и в августе, и товарищ Сталин неоднократно сносился по этим вопросам с наркомом по иностранным делам. Сначала немцы отговаривались тем, что будто в районе Баку действуют какие-то банды, а не регулярные германо-турецкие войска, затем они обещали прекратить военные действия против Баку. Однако на деле наступление продолжалось. Прикрываясь криками о «миролюбии», немецкие империалисты вместе со своими союзниками стремились, задушив советскую власть в Баку, захватить богатейший нефтяной район. Они перебрасывали для этого на Кавказ большие средства и силы.

К концу июля положение на фронте стало угрожающим. Фронт подошел к самому Баку. Остатки войск кюрдамирского и шемахинского направления сосредоточились в Баладжарах. Бичерахов решил, что наступил удобный момент для открытого предательства. 29 июля, перейдя на правый фланг, он бросил фронт и ушел со своим отрядом на станцию Сумгаит, чтобы оттуда итти на Северный Кавказ.

Гнусные предатели действовали также и в тылу. С первых же дней установления советской власти в Баку дашнаки, эсеры и меньшевики всеми средствами стремились к ее свержению. Прикрываясь лживыми фразами о признании советской власти, вели тайные переговоры с английскими империалистами. Они посылали своих представителей в Персию, к генералу Денстервилю, чтобы сговориться о совместных действиях против советской власти. Денстервиль рассказывал, что еще 23 апреля к нему в Хамадан «приехал армянский доктор из Баку с вестями от тамошнего армянского национального совета, просившего

нашей помощи, советуя нам немедленно же двинуться в эту часть света»[1].

Связь была установлена не только с армянским национальным советом. «Связь с Баку,—пишет Денстервиль,—у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров, и наши друзья— социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени coup d'état, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан. Для того, чтобы воспользоваться удобным моментом, могущим представиться каждый день, мне все еще нехватало сил[2]. Я неоднократно вел переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо более соответствует нашим целям... Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные связи с с.-р., и они знают, что могут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки»[3].

Дело не ограничилось одними переговорами. В первых числах июня был раскрыт заговор против советской власти. Его возглавили эсеры Иванов и Кириченко. На бланках канонерской лодки «Ардаган» они разослали повестки по заводам и войсковым частям с приглашением от имени Каспийской флотилии явиться на митинг. Повестки оказались грубой фальшивкой. Никакого митинга Каспийский флот не собирал. Заговорщики были арестованы. У них были обнаружены заготовленные приказы о роспуске Бакинского совета и аресте Шаумяна, воззвание к армии и письмо к английскому консулу.

Заговорщики предлагали красноармейцам и морякам «искренне и с великой радостью, встретить англичан, которые на-днях прибывают в Баку». Английского консула они «покорнейше просили» оповестить «командующего английскими силами, что город Баку и вся территория Бакинской губернии может быть использована английским командованием для военных операций против турецких банд». Впоследствии было установлено, что главным организатором заговора был некий Джунковский. Он успел скрыться, но в его бумагах были найдены карточки некоторых дипломатических представителей.

Нити июньского заговора тянулись к английским империалистам и их эсеровским агентам. Однако более широкий круг заговорщиков вскрыть так и не удалось. Провалившись с заговором, эсеры, дашнаки и меньшевики стали действовать другими методами. Еще в мае в Баку приехал английский агент Джигитян, начальник контрразведки Бичерахова. В гостинице «Метрополь» с его участием состоялось совещание представителей дашнаков, эсеров и меньшевиков, на котором был разработан план контрреволюционной работы. Было решено всеми способами содействовать разложению тыла и фронта, чтобы создать благоприятную обстановку для приглашения в Баку англичан. После этого совещания контрреволюционная деятельность дашнаков,

---

[1] *Денстервиль*, Британский империализм в Баку и Персии, стр. 101.
[2] *Там же*, стр. 159.
[3] *Там же*, стр. 163—164.

эсеров и меньшевиков приняла особенно большие размеры. Выполняя задания английских империалистов, они разваливали фронт и срывали продовольственное снабжение города. Всей этой подрывной работой руководил английский консул в Баку—Мак-Донель.

В начале июля английские империалисты и их агенты приступили к активным действиям. Выступление английских империалистов в Баку было частью интервенции Антанты против Страны советов. Как раз к этому времени интервенция приняла особенно большие размеры. Англо-французские империалисты захватили север, организовали восстание чехословаков и ряд контрреволюционных мятежей в центре страны. Одновременно они начали наступление на юге.

Положение в самом Баку благоприятствовало этому. Армия отступала, голод достиг невиданных размеров, на этой почве среди отдельных слоев рабочих росло недовольство. Агенты английского капитала решили, что пора пожать плоды собственной работы и выполнить заказ хозяев. По городу, на промыслах, на заводах, в казармах и судах поползли зловещие провокационные слухи, будто советская власть не справляется с трудностями, а помощь из Советской России не приходит. Баку накануне падения. В Баку голод. Единственными «спасителями» Баку от турок и голода дашнаки, эсеры и меньшевики выставляли англичан.

На Волге и Северном Кавказе провокаторы распространяли слухи, будто советская власть в Баку уже вошла в соглашение с англичанами и их войска высадились в Баку. Бакинский совет и Совнарком 23 июня опубликовали по этому поводу письмо совдепам Петровска, Екатеринодара, Астрахани, Царицына и Саратова: «В опровержение этих провокационных слухов заявляю, что никаких английских частей в Баку нет. Никакого соглашения у Бакинской Советской власти с англичанами о совместной обороне Баку нет и быть не может. Империалистические стремления, откуда бы они ни исходили, будут встречать всегда самый решительный отпор со стороны бакинского пролетариата и Кавказской Советской Красной армии. Председатель Бакинского совета народных комиссаров и чрезвычайный комиссар по делам Кавказа С. Шаумян. Председатель Бакинского совдепа А. Джапаридзе»[1].

Агитация за приглашение англичан вносила дезорганизацию в ряды бакинского пролетариата. На ловкий маневр предателей поддалась часть измученных, усталых рабочих и солдат Баку. Прочное гнездо свили себе эсеры в Каспийском военном флоте. В начале 1918 г. была проведена реорганизация флота, основные кадры моряков были демобилизованы. Во флот влились добровольцы, главным образом из мелкобуржуазных слоев населения. Агитация эсеров среди них находила особенно благоприятную почву. Отдельные комитеты Каспийской флотилии высказались за приглашение англичан.

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 120 за 1918 г.

16 июля состоялось расширенное заседание Бакинского совета. По докладу т. Шаумяна о политическом положении Закавказья и России разгорелись бурные прения. Поддержанные моряками и частью рабочих, лидеры дашнаков, эсеров и меньшевиков поставили вопрос о приглашении англичан. Весь буржуазный блок объединился на этой позиции. И только большевики резко выступили против. Степан Шаумян вскрыл суть интервенции, начатой в России германскими и англо-французскими империалистами, и поставил это в связь с событиями в Баку. «Наша партия, во главе с нашим правительством,—заявил он,—ведет борьбу за независимость и свободу России при самых адских, тяжелых и рискованных условиях. Политика же приглашения союзников ставит крест над независимой Россией. Она начинает раздел между германскими империалистами, с одной стороны, и английскими, французскими и японскими—с другой»[1].

Отметив, какое огромное значение имеет Баку для России, т. Шаумян призывал защищать его всеми силами. Он указал, какую помощь оказывает и будет оказывать бакинскому пролетариату центральное советское правительство оружием, снаряжением, воинскими частями и пр. Он сослался при этом на сообщения, получаемые от товарища Сталина. Шаумян на-днях вернулся с фронта, с передовых позиций, где подробно знакомился с состоянием частей. На заседании совета т. Шаумян заявил, что положение фронта вовсе не безнадежно, есть все возможности отстоять Баку, даже если помощь от Советской России запоздает. Тов. Шаумян верил в героических бакинских рабочих: «Бакинский пролетариат,—сказал он,—найдет в себе силы, чтобы выделить несколько тысяч человек для войска, которое двинется на подмогу нашим товарищам, находящимся на фронте»[2].

Заседание совета 16 июля незначительным большинством голосов приняло резолюцию большевиков. Но потом началось переголосование, которое не дало никаких результатов. Бакинский совет отложил решение вопроса и создал комиссию для ознакомления с положением на фронте. После заседания совета бакинские большевики продолжали твердо стоять на занятых позициях: за беспощадную борьбу с обеими группами империалистов и их прислужниками.

На другой день, 17 июля, на заседании Бакинского совнаркома Шаумян сообщил, что во время его последней поездки на фронт в штаб перебежал железнодорожный служащий с письмом от тифлисского национального армянского совета, из которого можно заключить, что едет мирная делегация для переговоров с местным армянским национальным советом. Тов. Шаумян заявил, что «такая дипломатия ни в коем случае не может быть допустима. Цель их одна—внести деморализацию среди наших войск, для того чтобы покончить с советской властью здесь в

---

[1] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 210.
[2] *Там же,* стр. 215.

Баку»[1]. Совнарком решил делегацию в Баку не пропускать, армянский национальный совет объявить распущенным и все его имущество передать в собственность Бакинского совдепа.

Бакинский совнарком обратился с воззванием к рабочим и красноармейцам: «Усталые, измучившиеся наши войска, не получая смены и подкреплений, отступают на правом фланге. Но неужели это должно вызвать в нас отчаяние? Неужели мы дойдем до того, что сложим оружие и впустим врага в наш город?.. Но в наши ряды проникла, товарищи, другая язва. В наших рядах действуют другие враги, действуют подло, предательски, под видом друзей. Давно уже английское золото работает в Баку. Сейчас, в минуту смертельной опасности, которую переживаем мы, английские империалисты нашли сторонников внутри нас, среди целых партий... Бакинский совнарком, подчиняясь рабоче-крестьянскому правительству, в полном единении со всем революционным пролетариатом и крестьянской беднотой нашей великой страны, призывает бакинский пролетариат положить конец предательской агитации за англичан и, сплотившись вокруг своего революционного совета, готовить силы для отпора врагу и защиты нашей свободы и независимости»[2].

Среди передовых рабочих и солдат Баку этот призыв нашел горячую поддержку. Рабочие химического завода «Фейгель» протестовали против действий «гнусных приспешников англо-французского империализма и мерзких агентов буржуазии, истинных врагов пролетариата, решившихся на тягчайшее преступление против рабочих Бакинского района и всей Российской социалистической революции»[3]. Собрание красноармейцев 19-го батальона заклеймило «позором всех тех, кто своими криками о приглашении варягов—англичан в Баку вонзает нож в спину нам, сражающимся здесь на революционных позициях... Несмотря на то, что нам приходится сражаться в самых ужасных условиях, мы все же продолжаем стоять на платформе защиты советской власти, на платформе защиты прав трудящихся и наши взоры, наши надежды устремляем только на Советскую Россию»[4]. Сводный отряд из Дербента 22 июля заявил: «Мы, рабочие и крестьяне в серых шинелях, завоевали власть трудящимся массам кровью и жизнью. И мы будем до последней капли крови отстаивать эту власть и не допустим, чтобы враги рабоче-крестьянской власти пригласили английских империалистов с целью восстановления ига капитала»[5].

Передовые рабочие и солдаты выражали резкий протест против предательских действий не только правых эсеров, меньшевиков и дашнаков, но и «левых» эсеров. Со времени мятежа «левых» эсеров в Москве группка бакинских «левых» эсеров окончательно перешла в лагерь контрреволюции. Она всячески защищала гнус-

---

[1] Единый партархив ЦК КП(б)Аз при институте Шаумяна, ф. «26-ти», св. 5, д. 71.
[2] «Известия Бакинского Совета» № 145 за 1918 г.
[3] «Бакинский Рабочий» № 146 за 1918 г.
[4] «Известия Бакинского Совета» № 150 за 1918 г.
[5] «Бакинский Рабочий» № 144 за 1918 г.

ную банду убийц, поднявших мятеж. Рабочие бывшей фирмы Манташева, Адамова и др. в Сабунчах заявляли: «Будем защищать Советскую Россию против всяких контрреволюционеров, а теперь так называемых «левых» эсеров. Да здравствует единственно истинная пролетарская партия коммунистов-большевиков»[1].

IX

В момент, когда решалась судьба советской власти в Баку, бакинские большевики, окруженные со всех сторон врагами, обратились за помощью и поддержкой к своим руководителям— Ленину и Сталину. Шаумян послал телеграмму товарищу Сталину о создавшейся обстановке и спрашивал, как быть. Он получил твердый ответ от имени советского правительства.

20 июля товарищ Сталин писал: «По последним сведениям, народнические фракции Бакинского совдепа добиваются призвания варягов—англичан якобы против турецких захватчиков.

Принимая во внимание, какая была помощь со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, приготовляют почву для оккупации Баку и его районов. Вместе с тем несомненна попытка народнических партий кустарным способом разрешить вопрос международной политики в то время, когда пятый Всероссийский съезд советов определенно высказался за независимую политику Российской советской республики, независимую как от немцев, так и англичан.

Тактика народнических партий является грубым нарушением воли народов России в угоду кучки англо-французских империалистов.

Именем Всероссийского Ц. И. К. и Совета Народных Комиссаров я требую от всего Бакинского совета, от армии и флота полного подчинения организованной воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решений V съезда советов, я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала вплоть до ареста членов соответствующих миссий.

По уполномочию Совета народных комиссаров Народный комиссар *И. Сталин*»[2].

На другой день, 22 июля, Ленин сообщил в Баку Шаумяну: «Могу только поддержать вполне телеграмму Сталина против народнической фракции Бакинского совдепа и относительно воли пятого съезда советов. Предсовнаркома *Ленин*»[3].

23 июля телеграмму в Баку от имени ВЦИК отправил Свердлов: «...Подтверждаем телеграмму Сталина, категорически требуем безусловного подчинения Бакинского Совета, всех рабочих, армии и флота решениям съезда и указаниям Всероссийского Центрального

---

[1] «Известия Бакинского Совета» № 137 за 1918 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 143 за 1918 г.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 115, л. 96.

Исполнительного Комитета и Совнаркома. Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Я. Свердлов*»[1].

Бакинские большевики горячо одобряли полученные телеграммы. «Равнение на север»—писал «Бакинский Рабочий».—«Народный комиссар Сталин от имени Центрального Исполнительного комитета и Всероссийского Совета Народных Комиссаров, во исполнение решения V съезда Советов требует от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики... Наши взоры обращены не на юг, а на наш родной север, откуда к нам ежедневно приходят в помощь оружием, а в последние дни и людьми»[2].

25 июля под председательством т. Джапаридзе состоялось чрезвычайное заседание Бакинского совета совместно с районными советами, судовыми комитетами и другими организациями. Присутствовало 500 человек. Первое сообщение сделал т. Шаумян. В связи с вопросом о приглашении англичан он огласил телеграмму товарища Сталина и решения V Всероссийского съезда советов. Шаумян заявил, что раз советский Баку—часть Федеративной Российской Республики, то эти указания обязательны для Бакинского совета. Поэтому вопрос о приглашении англичан нужно считать решенным и снять с обсуждения совета. Вместо него он предложил обсудить меры по укреплению фронта.

Большинством 257 против 208 голосов совет отверг предложение Шаумяна. Он решил обсудить сообщение комиссии, ездившей на фронт, которое свелось к тому же злополучному вопросу—об англичанах. Докладчик подробно изложил мнение полковника Бичерахова и начальника штаба дашнака Аветисова. Бичерахов и Аветисов заявили, что имеющимися силами обойтись нельзя и надо пригласить англичан. Начались прения.

Представители эсеров, меньшевиков и дашнаков снова повели гнусную провокационную агитацию. Смело и решительно выступили против них тт. Джапаридзе, Азизбеков, Зевин и другие большевики. «Мы говорим на двух языках и поэтому не понимаем друг друга,—сказал Азизбеков.—Одни говорят на языке Федеративной Советской республики, а наши противники—на языке Учредительного собрания».

Две резолюции были внесены на заседание совета. Большевики предложили: принять ряд конкретных мер по укреплению боеспособности армии, объявить новую мобилизацию и обратиться за помощью к Советской России. «Бакинский Совет постановляет отстаивать Баку своими революционными силами и силами революционной России и положить конец всякой растлевающей и дезорганизующей агитации за приглашение англичан». Резолюция эсеров предлагала: пригласить англичан и передать власть в Баку коалиционному правительству.

При напряженном внимании всего зала Алеша Джапаридзе огласил результаты голосования: 259—за резолюцию эсеров, 236—за резолюцию большевиков —на 23 голоса меньше. Это вызвало

---

[1] *Сурен Шаумян*, Бакинская коммуна, стр. 47.
[2] «Бакинский Рабочий» № 143 за 1918 г.

КАРТА ЗАКАВКАЗЬЯ в 1918 г.

Флажки обозначают центры советской власти.

бурю восторгов в лагере изменников и предателей. После выступления Шаумяна состоялись заседания фракций. Настроение было повышенное. На улице у подъезда собралась огромная толпа, ожидавшая решения совета.

Было уже 12 часов 40 минут ночи, когда заседание совета возобновилось. Степан Шаумян от имени большевистской фракции заявил категорический протест против принятой резолюции: «Воспользовавшись нашей неудачей, при этих условиях, вы, приняв эту резолюцию, порвали всякую связь между вами, ставшими на предательскую точку зрения, и нами. Мы снимаем ответственность за преступную политику, которую вы начинаете, и отказываемся от постов народных комиссаров»[1].

Огласив заявление фракции, Шаумян сел на свое место, затем снова встал и, подойдя к трибуне, добавил: «Что касается меня, как уполномоченного от центральной власти, то я доведу до сведения правительства, что правые советские фракции, воспользовавшись замешательством в Баку, совершили акт черной неблагодарности и предательства по отношению к революционной России»[2].

В конце заседания Шаумян и Джапаридзе заявили, что, уходя из правительства, большевики остаются в совете, чтобы с еще большей энергией бороться и против интервентов и против предательской позиции, на которую встало большинство совета.

Линия бакинских большевиков на решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами, линия борьбы с английскими агентами была одобрена Лениным и Сталиным. Выступая на заседании ВЦИК через три дня после заседания Бакинского совета, Ленин указывал, «что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход. Им удалось получить в Бакинском совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии... Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии.

Вы все хорошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман,—на самом деле это есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность. Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить

---

[1] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 286.
[2] *Там же,* стр. 287.

державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т. е. отдаться англо-германскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами—единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны»[1].

Заседание Бакинского совета 25 июля еще больше окрылило прислужников империализма. Враги советской власти злорадствовали по поводу поражения большевиков. В заявлении Шаумяна об отставке они видели ликвидацию столь ненавистной им советской власти. Но большевики скоро поняли ошибочность этого шага. Даже после митингов и заседания совета нужно было, оставаясь у власти, бороться до последней возможности. 27 июля собралась общебакинская партийная конференция. Она «вопреки постановлению фракции совета решила власти без борьбы не сдавать, спешно организовать оборону Баку под руководством Совнаркома, объявить всеобщую мобилизацию, призвать рабочих на защиту города и советской власти и т. д.»[2]

Советская власть в Баку старалась теперь наверстать упущенное. Исполком Бакинского совета поручил Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией принять все меры против лиц, ведущих контрреволюционную агитацию. Он постановил «довести до сведения населения города Баку, что Исполнительный комитет в полном своем составе попрежнему продолжает стоять на страже рабоче-крестьянской советской власти и всякая попытка, направленная против Совета, будет беспощадно подавлена Советом». Исполнительный комитет обратился ко всем войсковым частям, матросам и солдатам, призывая «дать должный отпор осмелившимся поднять голову в такой критический момент врагам Совета и достойно встретить надвигающегося на нас обнаглевшего врага»[3].

28 июля Бакинский совет народных комиссаров объявил мобилизацию за 10 лет (родившихся с 1892 до 1883 г. включительно). «Товарищи и граждане,—писал Бакинский совнарком,—враг у ворот города. Мы ведем войну с регулярными турецкими войсками и многочисленными бандами елисаветпольских ханов и беков. Наша первая добровольческая Красная армия имела геройские бои с противником, но, обессиленная и уставшая от тяжелых условий войны, она отступила и приблизилась к городу. За ней следуют войска противника. Нашей уставшей армии необ-

---

[1] *Ленин*, т. XXIII, стр. 153—156.

[2] *Микоян*, Бакинская организация большевиков в 1917—1919 гг., Сб. «Из прошлого», 1923 г., стр. 35.

[3] «Известия Бакинского Совета» № 149 за 1918 г.

ходима немедленная помощь. Если мы не исполним нашего долга, город будет взят турками. Революционной России будет нанесен тягчайший удар. ...Бакинский Совет Народных комиссаров объявляет новую мобилизацию за 10 лет родившихся в 1892 г. по 1883 год включительно. Позор и презрение тем, кто не явится на этот призыв»[1]. Совнарком указывал, что никакие иноземцы не могут спасти пролетарский Баку. «Будем надеяться прежде всего на самих себя, затем на революционную Россию, на наше рабоче-крестьянское правительство»[2]. В тот же день Бакинский совнарком объявил в городе военное положение.

С пламенным призывом к массам обращалась в эти дни большевистская печать. Огромными буквами на первой странице «Известий» было напечатано: «Гоните прочь, клеймите презрением подкупленных иудушек, подлых холопов буржуазии, наемников англичан, предателей народа!.. Да здравствует союз с рабочими и крестьянами России и всего мира!»

К оружию, товарищи! На борьбу против турецко-муссаватских банд. К оружию! За свободу и независимость бакинского пролетариата и всех трудящихся России! К оружию! За сохранение завоеваний славной Октябрьской революции![3]

Арсен Амирян на страницах «Бакинского Рабочего» призывал к борьбе с изменой и предательством изнутри. «Мы опутаны предателями,—писал он,—меньшевики, эсеры, дашнакцаканы—вот где кроется слабость нашего фронта и нашего тыла... И прежде чем победить наших противников на внешнем фронте, нам нужно справиться с этими предателями в тылу»[4]. В статье «О причинах наших неудач» Амирян говорит, что «наша ошибка заключается в том, что мы во-время не сумели осуществить диктатуру, ту самую диктатуру сознательного пролетариата, через которую только мы можем осуществить наши задачи. Эта диктатура сейчас—повелительное требование момента»[5].

Передовая часть бакинских рабочих и солдат до конца поддерживала советскую власть и приветствовала объявленную мобилизацию. Митинги рабочих-азербайджанцев, организованные Гуммет ом в разных частях города, на которых выступали Мешади Азизбеков, Сардаров и др., приняли большевистские резолюции. «Приглашение англичан в Баку означает несомненно гибель Бакинского совета и политических завоеваний всего рабочего класса,—говорилось в них. ...Считая Бакинский район неразрывной частью Российской федеративной республики и считая свою судьбу тесно связанной с судьбой всего пролетариата России, мы, рабочие, отвергаем всякую коалиционную власть, означающую разрыв с остальной Россией, и готовы защищать Бакинский совет». Собрание красноармейцев бронированного поезда № 3 решило «ни под каким видом не допускать вторжения в пределы

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 148 за 1918 г.
[2] *Там же.*
[3] «Известия Бакинского Совета» № 172 за 1918 г.
[4] «Бакинский Рабочий» № 139 за 1918 г.
[5] «Бакинский Рабочий» № 146 за 1918 г.

Российской Советской республики империалистов всех стран и наций, в частности англичан»[1].

28 июля большевики провели демонстрацию вооруженных сил, верных советской власти. Они хотели «показать бакинскому пролетариату, заметавшемуся и заколебавшемуся от выпавших на его долю испытаний, силу и вооруженную мощь революционной Красной армии» *(Шаумян)*. По улицам города прошли пехотные части, инструкторская школа, моряки, отряд т. Петрова. Демонстранты несли лозунги: «Позор трусам, уклоняющимся от мобилизации!», «Все для фронта!», «Баку только для Советской России!», «Долой предателей, которые хотят отдать Баку англичанам!», «Долой германо-турецких и англо-французских империалистов!» Большевики призывали всех, кто может держать винтовку, немедленно итти на фронт. Тов. Корганов выражал уверенность, что, «несмотря на серьезность положения, победа будет за нами».

Вечером 28 июля части гарнизона собрались в Маиловском театре. Шаумян приветствовал солдат Кавказской Красной армии. Он указал на значение объявленной мобилизации. Бакинские рабочие, говорил он, «борются не только за свой город и свой дом, но и за всю Россию. Эта историческая миссия должна наполнять гордостью бакинских рабочих и призвать их к славной борьбе до конца—победить или умереть с честью». Тов. Петров выразил благодарность Шаумяну за его неустанную, большую и неоценимую работу. Он напомнил, что два сына Шаумяна, юноши еще, бесстрашно борются в рядах Красной армии. Собрание призывало решительно бороться с германо-турецким и англо-французским империализмом и образцово провести мобилизацию, объявленную Бакинским совнаркомом.

Однако это решение получило одобрение лишь меньшинства армии. Армянские национальные части, находясь под влиянием дашнаков, стояли за приглашение англичан. После заседания совета 25 июля, несмотря на большую работу большевистской партии и советской власти, дезорганизация в тылу и на фронте продолжалась. Эсеры, дашнаки, меньшевики срывали объявленную мобилизацию.

Еще 23 июля Шаумян сообщал в Москву Ленину, что армянские части «деморализованы благодаря трусости части командного состава и английской агитации. Необходимы свежие силы из России и политически надежный командный состав...»[2] 27 июля Шаумян послал новую телеграмму Ленину и Сталину: «Положение на фронте ухудшается с каждым днем. В Шемахинском направлении наши войска отступили до Баку и переформировываются по линии железной дороги... Атмосфера в городе крайне напряженная. Запахло гражданской войной. Английская помощь под большим сомнением, но резолюция за их приглашение окончательно деморализовала армию и дезорганизовала тыл, увеличив опасность сдачи города. Спасти Баку для России, необходима скорая помощь войсками из России. Настоятельно прошу принять

[1] «Бакинский Рабочий» № 147 за 1918 г.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 25, л. 257.

все меры для немедленной переброски регулярных воинских частей»[1].

Центральное советское правительство предпринимало все возможное, чтобы спасти советский Баку. В Баку направлялось большое количество оружия. Как раз в эти тяжелые дни, в последних числах июля, из России прибыли 5 шхун, на которых было 3 броневтомобиля, 80 орудий, 160 пулеметов, тысяча ружей, 20 тыс. патронов, обмундирование и пр. С огромными препятствиями этот груз переправлялся по железной дороге до Саратова, а оттуда водным путем до Баку. Груз сопровождала группа товарищей из бакинской большевистской дружины, в которую входили Сурен и Леон Шаумян и др., а также вооруженный отряд красноармейцев из центра. Но советской власти в Баку нужно было не только оружие. Нужны были надежные воинские части, способные подавить предательство внутри города и разгромить наседавшего на Баку врага. Однако Советская Россия, охваченная огненным кольцом интервенции и блокады, не могла перебросить в Баку больших военных сил.

Положение Российской советской республики было крайне тяжелым. На нее наступала не только внутренняя контрреволюция, но и объединенные силы международного империализма. Немецкие полчища захватили всю Украину, часть Северного Кавказа, Крым, превратив их в колонии германского империализма. Япония начала интервенцию на Дальнем Востоке. Английские империалисты захватили Мурманск, Архангельск. Восставшие по заданию англо-французских империалистов чехословаки заняли Сибирь, Урал, часть Поволжья, угрожая центру страны. Северный Кавказ был в руках контрреволюции. На Дону и Кубани хозяйничал немецкий ставленник Краснов.

Ожесточенная борьба шла за Царицын, который под руководством товарища Сталина героически оборонялся от наседавшего со всех сторон врага. Целая сеть контрреволюционных восстаний вспыхнула в тылу—в Ярославле, Муроме и других городах, «лево»-эсеровский мятеж в Москве, индивидуальный террор против лучших руководителей партии и правительства, гнусный антисоветский заговор эсеров, предателей—Бухарина, Троцкого, Зиновьева. В борьбе с советской властью враг использовал тяжелое хозяйственное и продовольственное положение страны.

29 июля Ленин ответил Шаумяну: «Всякие действия дашнаков против решения V съезда Советов и центральной советской власти будут рассматриваться как восстание и как измена. Насчет посылки войск примем меры, но обещать наверное не можем. *Ленин*»[2]. Одновременно Ленин просил Астрахань сообщить по радио: верно ли, что в Баку Совнарком подал в отставку, а если неверно, то сколько времени рассчитывает продержаться власть большевиков в Баку.

30 июля в газетах появилась переписка, показавшая непреклонную решимость большевиков бороться до конца. Общее

---

[1] ЦАОР, ф. 130, д. 6, л. л. 16—18.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 115, л. 101-а.

собрание 1 и 3-й роты 8-го Красного кавказского батальона обсуждало вопрос «о критическом положении власти советов в Баку, якобы уже не существующей». Собрание командировало двух делегатов в Бакинский совет с запросом, действительно ли существует власть совета и как дальше поступать в интересах этой власти. Ответ Шаумяна солдатам был помещен в «Бакинском Рабочем»: «Власть совета существует и будет существовать. Всякие внутренние контрреволюционные выступления... будут беспощадно подавляться... Если вы, товарищи, будете держаться, все будет хорошо. Все наши заботы направлены к усилению фронта. Спасибо за поддержку и заботы за советскую власть»[1].

В тот же день положение советской власти в Баку резко ухудшилось. Противник вплотную подошел к городу. Большевистские части и отряд т. Петрова продолжали героически оборонять Баку, но дашнакские национальные части отказались выступить против врага и, следуя примеру Бичерахова, оголили фронт. Более трех тысяч армянских солдат под предлогом отсутствия у них обмундирования ушло с фронта. Начальник штаба дашнак Аветисов требовал немедленно выкинуть белый флаг и начать мирные переговоры. Совещание дашнаков—руководителей армянских воинских частей присоединилось к его требованию. Партия дашнаков уже наметила состав мирной делегации.

Большевики объявили решительную борьбу предательству дашнаков. Высказавшись против каких бы то ни было мирных переговоров, Бакинский совет народных комиссаров призвал всех рабочих стать под ружье и защищать город до последней возможности. Совнарком потребовал от начальников армянских частей немедленно вывести свои войска на фронт.

В последний раз обратился с призывом «Бакинский Рабочий». «Под ружье»—так называлась статья. «Пробил час, когда дело не может уже терпеть промедления. Пробил час, когда все честные революционеры должны немедленно стать под ружье, чтобы отстоять революционную честь бакинского пролетариата... Товарищи! Перед кем хотите вы капитулировать? Тяжело это сказать. Под ружье, все честные пролетарии!»[2]

31 июля противник продолжал наступать, но сил на фронте не прибавлялось. Из обещанных дашнаками войск прибыло только 300 человек, да и те не принимали участия в боях. Отряд т. Петрова, героически сражавшийся на левом фланге, под давлением противника 31 июля отступил к городу, потеряв свыше двух третей своего состава. Начальник штаба отряда Петрова сообщил в Совнарком, что одними своими силами отряд держаться не в состоянии. Представители армянского национального совета подтвердили решение выкинуть белый флаг и сдаться на милость победителей. Начальник штаба армии Аветисов сообщил, что падение города неизбежно через несколько часов.

Он угрожал сам послать мирную делегацию к туркам, если Совнарком будет попрежнему упорствовать. Военные комиссары

[1] «Бакинский Рабочий» № 148 за 1918 г.
[2] *Там же.*

при штабе армии—тт. Микоян, Ганин и Габышев сообщили, что Аветисов, угрожая применением вооруженной силы, требует от них выйти с белым флагом к противнику и предложить ему перемирие. Комиссары на это ответили, что скорее пойдут на расстрел, чем на такой позор. Шаумян от имени Совета народных комиссаров одобрил их линию.

Предательство дашнаков имело целью добиться падения советской власти в Баку и передачи города в руки английских империалистов. Шаумян вызвал в Совнарком представителей дашнаков и потребовал от них объяснения их действий. Тогда дашнак Гюльхандарьян раскрыл карты: «Чего не сдаете власть? Мы без вас справимся»,—нагло заявил он. Разговаривать было не о чем. Вся политика дашнаков сводилась к тому, чтобы свергнуть советскую власть и при помощи английских империалистов установить диктатуру буржуазии.

Шаумян писал, что Бакинский совет народных комиссаров стоял перед фактом двойного предательства: «Он не мог пойти на соглашение с английским империализмом так же, как не мог пойти на мирные переговоры с германо-турецким империализмом. Он мог апеллировать только к пролетариату, подняв его на ноги, но было очевидно, что, при таком поведении правых партий и командного состава армии уже—поздно, что это не спасет уже Баку от вторжения неприятеля»[1].

31 июля на экстренном заседании Бакинского совета Совнарком во главе со Степаном Шаумяном сложил свои полномочия.

Объясняя бакинским рабочим этот шаг, Степан Шаумян писал: «Совет народных комиссаров предпочел не открывать гражданской войны в минуту вторжения врага в город, а прибегнуть к парламентскому приему отказа от власти, чтобы те, которые могут мириться с турками или приглашать в Баку англичан, взяли на себя ответственность за дальнейшее. Мы не могли быть ни в числе тех, которые сдаются на милость турецких пашей, спасают свою шкуру, выдавая большевиков и российские войска на растерзание турецких банд, и ни в числе тех, которые, несмотря на лицемерные фразы о патриотизме, готовы сдать Баку англичанам. Мы решились спасти имеющиеся революционные войска, верные Российской Советской власти, чтобы, дождавшись идущих из Астрахани войск, вместе с ними объявить войну на два фронта—турецкому и английскому империализму—и отстоять Баку для революционной Советской России»[2].

Товарищ Сталин писал, что «в августе 1918 г., когда турецкие войска подошли вплотную к Баку, а эсеро-меньшевистские члены Бакинского Совета вопреки большевикам увлекли за собой большинство Совета и призвали на помощь английских империалистов, бакинские большевики во главе с Шаумяном и Джапаридзе, оставшись в меньшинстве, сняли с себя полномочия и очистили поле для политических противников»[3].

---

[1] *Степан Шаумян*, Статьи и речи, стр. 138.

[2] *Там же*, стр. 139—140.

[3] *Сталин*, К расстрелу 26 Бакинских товарищей агентами английского империализма, «Известия ВЦИК» от 23 апреля 1919 г.

Советская власть в Баку пала под натиском германо-турецких и английских империалистов. Она безусловно могла полностью разгромить внутреннюю контрреволюцию, но у нее не было сил справиться с одновременным натиском двух империалистических группировок. Империалисты действовали не только вооруженной силой. Измена, предательство, подкуп, шпионаж—все было пущено в ход. Они засылали своих агентов и шпионов в тыл, они вербовали их на месте. Потерпевшая поражение в открытой борьбе с советской властью буржуазия всех наций, буржуазные партии всех оттенков—муссаватисты и дашнаки, эсеры и меньшевики—продавали нефтяной Баку, Азербайджан, как и всю Советскую страну, любому империалистическому разбойнику, чтобы с помощью его восстановить диктатуру буржуазии.

За короткий срок своего существования советская власть в Баку проделала громадную работу во всех областях социалистического строительства—в промышленности, на транспорте, в области просвещения, труда, судебной и пр. Национализировав нефтяную промышленность и торговый флот, бакинские пролетарии дали десятки миллионов пудов нефти Советской стране в тяжелые дни кризиса и разрухи.

Эта работа была сделана в обстановке острого продовольственного положения и ожесточенной гражданской войны. Бакинские большевики хорошо понимали значение Баку как крупнейшего промышленного центра. Они знали, что борьба за советский Баку—это борьба за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата в Азербайджане, Закавказье, во всей стране. В исключительно сложных условиях бакинские большевики мужественно защищались от наседавшего со всех сторон врага и делали все, чтобы спасти Баку для Советской страны.

Не имея достаточных собственных вооруженных сил, большевики проводили гибкую тактику. Они помнили указания Ленина в письме Шаумяну от 14 февраля 1918 г. о необходимости соединить твердость и решительность с дипломатией и уменьем использовать конфликты и противоречия в лагере противника. Бакинские большевики использовали армянские национальные части в борьбе за советскую власть в дни мартовских боев и германо-турецкого наступления на Баку. «Мы никогда не были доктринерами,—справедливо указывал Шаумян.—В этом направлении мы будем итти на некоторые уступки до некоторого предела, до тех пор, пока мы сможем отстаивать Баку и Закавказье во имя Советской революции»[1].

Применяя эту правильную тактику, большевики не имели времени быстро создать свою вооруженную силу, чтобы противопоставить ее дашнакским частям. В количественном отношении армянские национальные части составляли большую силу. Матросы Каспийского флота находились под влиянием эсеров. Вот почему предательство дашнаков, эсеров, меньшевиков, Бичерахова смогло сыграть такую большую роль в падении советской власти в Баку.

---

[1] *Степан Шаумян.* Статьи и речи, стр. 229.

Подрывная вредительская деятельность контрреволюционных партий не была своевременно вскрыта и пресечена революционными мероприятиями пролетарской диктатуры. Агитацией за приглашение англичан врагу удалось дезорганизовать значительную часть бакинского пролетариата.

«Рабочие дрогнули,—писал Микоян.—Не было хлеба: Баку уже был отрезан от Сев. Кавказа казачьими бандами. Голод гулял по рабочим кварталам. Баку был отрезан от источника доброкачественной воды. Под стенами города скапливалось все больше и больше контрреволюционных полчищ. Гул артиллерийского огня заглушал притихшие заводские гудки. Страх возможной расправы контрреволюции подтачивал силы рабочих. Пользуясь легальностью, эсеровско-меньшевистские прохвосты безнаказанно отравляли сознание рабочих мыслью о том, что стоит нам захотеть, и несчетное количество «культурных» английских войск придет на помощь своим «братьям-союзникам» против турок, спасет город»[1].

Пролетарский Баку оказался оторванным от азербайджанской деревни. Бакинские большевики добились известных успехов в работе среди азербайджанских крестьян. Однако установить прочную смычку с основными массами крестьянства так и не удалось. Тов. Микоян отмечал: «Волны аграрной революции не смогли прорвать национал-шовинистическую плотину, воздвигнутую буржуазией и помещиками между деревней и пролетарским Баку. Баку оказался без должной связи и влияния на тюркскую деревню. Бакинский пролетариат не сумел тогда установить смычку с тюркским крестьянством и вырвать из рук азербайджанских помещиков знамя национального освобождения»[2].

Азербайджанская буржуазия и помещики выдвинули вопрос об автономии Азербайджана. Их «автономия» означала восстановление господства беков и ханов и превращение страны в колонию германо-турецкого империализма. «До сих пор,—писал Шаумян, обращаясь к азербайджанским крестьянам,—ваши беки и ханы обманывали вас. Они хотят еще раз обмануть. Они через свои комитеты создают мусульманские войска и хотят объявить новое мусульманское государство в Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерниях. Против свободы и самостоятельности мусульман новое рабоче-крестьянское правительство ничего не имеет. Наоборот, оно дает право всем народам устраивать свою судьбу свободно, как сами хотят, но ваши ханы и беки обманут вас, восстановят старинные ханства и будут душить вас по-прежнему»[3].

Товарищ Сталин указывал, что на окраинах необходимы «специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей—слить с последней. Но это невозможно без автономии

---

[1] *Микоян,* 26 бакинских комиссаров, «Правда» от 20 сентября 1933 г.
[2] *Там же.*
[3] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 89.

этих окраин... не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс, т. е. необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть»[1]. В письме Шаумяну и Джапаридзе 18 (31) марта 1918 г. товарищ Сталин специально выдвинул вопрос об автономии для мусульман Азербайджана.

«Это указание,—писал т. Микоян,—осталось невыполненным в Баку. Между тем только таким путем можно было расстроить ряды азербайджанской и закавказской контрреволюции, вырвать из рук врагов знамя национального освобождения. Только «взяв у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, превратив ее из буржуазной в советскую» *(Сталин)*, бакинский пролетариат смог бы установить союз пролетарского Баку с крестьянским Азербайджаном, упрочить и отстоять пролетарскую диктатуру в Баку»[2].

X

1 августа в Баку сформировалось контрреволюционное правительство. Оно составилось из представителей Исполнительного комитета Каспийской флотилии и эсеро-меньшевистского временного исполнительного комитета и сокращенно называлось «диктатурой Центрокаспия». В него вошли гнусные предатели бакинских рабочих—меньшевики, эсеры и дашнаки—Айолло, Садовский, Уманский, Мелик Ельчян и др. Бакинский совет был распущен. Бичерахов назначен главнокомандующим. Газеты «Бакинский Рабочий» и «Известия» закрыты.

Создание контрреволюционного правительства в Баку из эсеров, меньшевиков и дашнаков было частью единого плана удушения советской власти в России, который осуществляли летом 1918 г. империалисты и их союзники. Товарищ Ленин писал: «Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке—мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»[3].

Агенты английских империалистов начали свою деятельность с попытки расправиться с большевиками. После сдачи власти—31 июля Бакинский комитет партии решил эвакуировать основные силы в советскую Астрахань. Отряд Петрова и другие части, оставшиеся верными советской власти, стали стягиваться к Петровской площади, примыкавшей к морю. Сюда же подошли торговые суда. Приняв на борт ответственных работников, их семьи, часть войск и имущество советской власти, суда ушли в море, взяв курс на Астрахань. Но не успели они пройти и четырех миль,

---

[1] *Сталин*, Обращение Наркомнаца, «Правда» № 67 от 9 апреля (27 марта) 1918 г.
[2] *Микоян*, 26 бакинских комиссаров, «Правда» от 20 сентября 1933 г.
[3] *Ленин*, т. XXIII, стр. 156.

как их догнала канонерская лодка «Ардаган». Представители «Центрокаспия» предложили всем судам вернуться, угрожая в случае неподчинения открыть огонь. Сопротивляться было невозможно, и, посоветовавшись между собой, товарищи решили подчиниться. Большевистские суда возвратились к Петровской площади.

В это же время произошел первый арест Степана Шаумяна. С подошедшего катера представители «Центрокаспия» потребовали выдачи Шаумяна. После угрозы потопить пароход Шаумян вынужден был подчиниться и подняться на судно «Астрабад».

Весть об аресте Шаумяна дошла до рабочих. Начались протесты. Джапаридзе поднял на ноги отряд т. Петрова. Красноармейцы и рабочие потребовали немедленного освобождения Шаумяна. «Центрокаспию» пришлось уступить, и Шаумян был освобожден.

Большевики расположились на Петровской площади военным лагерем. Здесь были войска всех родов оружия. Они стояли наготове на случай всяких неожиданностей. Вся примыкавшая к площади часть города также находилась под властью большевиков. На площадь и пароходы была собрана почти вся партийная организация. Происходили заседания Бакинского комитета и партийной конференции.

5 августа турки ворвались в город со стороны Волчьих ворот. Положение было критическое. «Центрокаспий» растерялся, дашнакские части отступали в панике. Тогда Шаумян предложил отряду Петрова оказать помощь городу. Быстро выкатили орудия с пароходов и открыли огонь по наступавшим турецким войскам. В этой борьбе участвовали не только бойцы, но и члены Совнаркома: они выкатывали на площадь ящики со снарядами, подносили снаряды к орудиям. Ожесточенный огонь батарей Петрова оказал такое сильное действие, что турки в панике отступили. Преследуемые конницей Петрова и пехотой, они откатились на целый переход. Благодаря помощи большевиков и отряда Петрова противник не смог занять город.

Большевики призывали рабочих поддержать отряд Петрова и вступить в его ряды. Снова и снова они указывали рабочим, откуда надо ждать помощи. Шаумян писал, что Баку «будет спасен не белым флагом действительно трусливых Аветисовых и Амазаспов, разложивших Красную армию, и не мифической помощью англичан и их прислужников, а войсками рабоче-крестьянской России, идущей к нам на выручку... Только они вместе с пролетариатом будут отстаивать Баку для Советской России, против и германо-турецких и английских империалистов. Отряд военного комиссара от центральной власти, т. Петрова, уже ведет такую борьбу. Товарищи рабочие! Идите под знамена отряда тов. Петрова, под знамена дорогой нам рабоче-крестьянской России, откуда он прислан... Да здравствует нераздельный от России и независимый от империалистов город Баку!»[1]

---

[1] *Степан Шаумян*, Статьи и речи, стр. 234.

Лагерь на площади и отряд Петрова представляли значительную силу. «Шаумяновская цитадель»,—говорили про нее эсеро-меньшевики. «Диктатура Центрокаспия» не могла быть полноправной властью, пока существовала такая цитадель. Но для разгрома ее у «Центрокаспия» не было сил. «Диктаторы» вынуждены были даже вступить в переговоры с большевиками. Единственная их надежда была на приход английских империалистов, чтобы с их помощью укрепить диктатуру буржуазии.

Прислужники английского капитала, они в первый же день своего господства сообщили своим хозяевам, что задание выполнено и путь на Баку открыт. Денстервиль с радостью пишет, что наконец-то «в Баку разразился долгожданный переворот: большевистское правительство было свергнуто и заменено новой группой... Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки, как, согласно выработанному уже плану, послало к нам гонцов с просьбой о помощи»[1]. Денстервиль не имел сколько-нибудь значительных сил для отправки в Баку. Он послал туда только небольшой отряд с полковником Стоксом во главе.

В тихие августовские ночи рабочие и красноармейцы охраняли батареи на Петровской площади. А недалеко, на Приморском бульваре собиралась публика другого лагеря. Толпы буржуазных обывателей всматривались в морскую даль, ожидая своих спасителей—англичан. 4 августа первый отряд англичан прибыл в Баку. Эсеры, дашнаки и меньшевики торжественно встретили «гостей», но широкие массы населения, как признает сам Денстервиль, были «горько разочарованы при виде двух—трех офицеров и горсточки английских солдат, тогда как их необузданное воображение рисовало им картину бесчисленного множества кораблей, прибывающих в гавань и высаживающих на берег целые армии англичан...»[2]

8 августа «диктатура Центрокаспия» устроила торжественный прием в честь представителей английского командования. «Уважаемые гости и союзники,—говорили «диктаторы»,—у нас и у вас общие цели». Совсем недавно лидеры меньшевиков, эсеров и дашнаков кричали о том, что они приглашают англичан, чтобы сохранить Баку для России. Но на торжественном приеме англичан они уже не заикались об этом. Теперь они прямо говорили о необходимости продолжать империалистическую бойню.

— Мы должны связаться с Англией и Францией и вновь объявить войну срединным империям,—заявил Мелик Ельчян.

17 августа прибыли остальные части английских войск во главе с генералом Денстервилем. Эсеро-меньшевики уверяли, что англичане высадят в Баку 25—30 тыс. солдат, массу артиллерии, военного снаряжения и пр. Но англичан прибыло всего только 800—900 человек. С такими силами англичане не рассчитывали удержать город. Зато они хорошо использовали свое пребывание в Баку, фактически став хозяевами в городе.

---

[1] *Денстервиль*, Британский империализм в Баку и Персии, стр. 183—184.
[2] *Там же*, стр. 184.

Англичане прибирали к рукам Каспийский флот. Захватив несколько судов, они на самом крупном из них, «Крюгере», поместили свой штаб. Еще не вступив на бакинскую землю, они уже заботились, как пишет Денстервиль, «о достаточном количестве перевозочных средств на случай эвакуации Баку».

Англичане выкачивали из Баку нефть. В тогдашних условиях, когда Батумский порт, нефтепровод, железная дорога находились в руках германо-турок, вывоз нефти не мог принять больших размеров. Но все же нефть вывозилась. Она отправлялась главным образом в Персию на нужды английской армии. 21 августа английский штаб требовал от «Центрокаспия» отправить в Энзели для потребностей Великобритании 15 тыс. пудов машинного масла, 600 тыс. пудов мазута, 300 тыс. пудов бензина и др. Такие же требования предъявляли англичане 29 августа, 2 и 13 сентября.

Англичане повели беспощадную войну с бакинскими большевиками. Если до их прихода «Центрокаспий» вынужден был считаться с большевистским лагерем и даже вести с ним переговоры, то теперь положение изменилось. Денстервиль пишет, что «Центрокаспий», «будучи ошеломлен своей неожиданной удачей, чуть было не испортил все дело, ввязавшись в недельные препирательства с Шаумяном и Петровым, и только наше появление на сцене придало ему решимость...»[1] Опираясь на штыки английских империалистов, «диктаторы» перешли в наступление. Советским войскам предложили разоружиться. В газетах подняли клеветническую кампанию против большевиков. Членов Бакинского совнаркома обвиняли в уголовных преступлениях.

Большевики решили разоблачить эту травлю в печати, но газета «Бакинский Рабочий» была закрыта. Типографии у большевиков не было. Тогда Бакинский комитет поручил т. Микояну захватить одну из бакинских типографий и там отпечатать газету. Материал для очередного номера «Бакинского Рабочего» был готов. Ночью 10 августа отряд большевиков, в который входили Сурен Шаумян и другие товарищи, во главе с Микояном направился в типографию общества «Кооперация», бывшую Куинджи. Сломав замки у черного хода, отряд проник в типографию. С помощью нескольких большевиков-наборщиков приступили к работе. Газета выходила под вооруженной охраной рабочих: у ворот дома и на перекрестках ближайших улиц были установлены посты. Недалеко в полной готовности дежурил броневик.

Власти, видимо, узнали о захвате типографии. Когда 200 экземпляров газеты было уже напечатано, прекратилась подача тока, типографские машины остановились. Но товарищи не растерялись. Они стали руками вертеть колесо машины, и к рассвету газета была отпечатана. Подъехал грузовик, на него нагрузили отпечатанные номера «Бакинского Рабочего», а также несколько наборных касс, небольшой станок и другие печатные принадлежности.

Так вышел «Бакинский Рабочий». Это был последний номер

---

[1] *Денстервиль*, Британский империализм в Баку и Персии, стр. 183—184.

большевистской газеты, который увидели бакинские рабочие в 1918 г. В этом номере были последние статьи Степана Шаумяна.

Полные гнева и ненависти к прислужникам буржуазии, статьи разоблачали их подлую политику. «Физиономия новой власти»— так называлась статья Шаумяна. Шаумян указывал, что за десять дней своего господства дашнаки, эсеры и меньшевики полностью разоблачили себя как изменников советской власти, предавших ее английским империалистам и Бичерахову. Шаумян вскрывал провокационные приемы клеветы и обмана, к которым прибегали их лидеры. Он называл их политическими шарлатанами и бесчестными клеветниками. «Да, господа,—писал он,—в тяжелую историческую минуту вы могли путем предательства и обмана сбить с толку рабочие массы, но продержаться клеветой и обманом вы долго не сможете. И чем преступнее ваш обман в настоящем, тем строже будет суд рабочих над вами в будущем. Клеймо бесчестных клеветников, во всяком случае, не смоете с ваших лбов... Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мною. Это—нетрудное дело. Это, может быть, удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете!»[1]

10 августа конференция бакинских большевиков обсуждала создавшееся положение. В первые дни после падения советской власти Шаумян и другие товарищи предполагали, собрав все имеющиеся силы и установив связь с моряками, сделать попытку снова захватить город в свои руки. Но в связи с приходом англичан соотношение сил изменилось. На конференции 10 августа было вынесено две резолюции. Первая исходила из того, что для одновременной борьбы с английским и германо-турецким империализмом сил нет, только новые войска из Советской России могут спасти положение. И резолюция требовала поэтому эвакуации советских сил в Астрахань с тем, чтобы, получив подкрепление, вернуться в Баку. Вторая резолюция считала ошибкой отстранение от власти без всякого сопротивления, предлагала остаться, использовать начавшийся в рабочих массах перелом и, дождавшись подкреплений из Петровска, начать борьбу за власть. Большинством 22 голосов против 8 была принята первая резолюция.

После конференции большевики начали готовиться к эвакуации. Приняв меры к привлечению на свою сторону военных судов, они одновременно повели переговоры с «Центрокаспием» о беспрепятственном пропуске из Баку. «Центрокаспий» требовал, чтобы все оружие, броневики, снаряжение было оставлено в Баку. Но Шаумян и большинство товарищей не разрешили отдавать военное имущество Советской республики англичанам и их союзникам. Тем не менее согласие на отъезд было получено. Как потом выяснилось, со стороны «Центрокаспия» это был заранее обдуман-

---

[1] *Степан Шаумян*, Статьи и речи, стр. 143—144.

ный провокационный шаг. Не имея возможности разгромить советский лагерь в Баку, они разрешили большевикам эвакуироваться, чтобы расправиться с ними в море.

Эвакуируя свои вооруженные силы, бакинские большевики оставили на работе в Баку группу партийных работников во главе с Анастасом Микояном. К бакинским рабочим было выпущено воззвание, разъяснявшее отношение большевиков к происходящим событиям и объяснявшее причину эвакуации.

Воззвание указывало, что с тех пор, как бакинский пролетариат, поставленный в тяжелые условия изменой Бичерахова и дашнаков и введенный в заблуждение наемниками английского империализма, призвал в Баку английские войска, «пролетарская, социалистическая оборона Баку превратилась в войну двух империалистических коалиций. Революционного фронта в Баку уже нет, а есть фронт империалистический. Бьются две силы, одинаково враждебные Российской Рабоче-Крестьянской Советской власти... Политические и военные представители российской советской власти не могут оставаться в Баку и быть пособниками английских империалистов, быть соучастниками предательства, совершенного под влиянием правых эсеров, меньшевиков и дашнаков... Пока мы не имеем достаточно войск, чтобы дать отпор наседающим туркам, а теперь уже и германцам, с одной стороны, и английским хищникам с другой, они не могут оставаться в Баку.

С болью в сердце, с проклятием на устах, они, приехавшие сюда, чтобы сражаться и умирать вместе с бакинскими рабочими за Советскую власть, вынуждены покинуть Баку. Но, покидая этот город, потеря которого может иметь роковое значение для всей Советской России, они не теряют надежды, что бакинские рабочие и матросы Каспийской флотилии поймут, на какое предательство толкнули их правые эсеры. Они надеются, что рабоче-крестьянская Россия еще придет в Баку. Бакинский пролетариат вновь свяжется с рабоче-крестьянской Россией и вновь станет под знамя Советской Социалистической Республики»[1].

14 августа под руководством Корганова двинулись в путь. Раздалась команда, и 16 пароходов, один за другим, отчалили от пристаней и медленно ушли в море. В море начался шторм. Большинство судов были нефтеналивные, с покатой палубой и низкими бортами. На них находились артиллерия, обозы, лошади... Шторм ежеминутно грозил снести такой необычный груз в море. У острова Жилого пришлось остановиться, чтобы переждать непогоду. Весь день 15 августа шторм продолжал свирепствовать, и только 16-го, когда буря начала стихать, пароходы могли двинуться в путь.

Но на горизонте появились суда Каспийского военного флота— «Ардаган», «Геок-Тепе» и «Астрабад». Подойдя на расстояние пушечного выстрела, они выслали баркас с представителями «Центрокаспия». С баркаса сообщили, что «Центрокаспий» предлагает всем вернуться в Баку и разоружиться, а Шаумяну, Джапаридзе,

---

[1] *Степан Шаумян,* Статьи и речи, стр. 243--244.

Корганову и Фиолетову немедленно перейти на борт «Гоок-Тепе». Предложение «Центрокаспия» было отвергнуто. Часа через полтора баркас еще раз подошел к пароходам, и оттуда заявили, что в случае неподчинения будет открыт огонь. Тогда Шаумян, Джапаридзе, Петров, Фиолетов и др. на баркасе «Лейля» объехали пароходы и сообщили о предъявленном ультиматуме. Они призывали стойко держаться и не принимать ультиматума «диктаторов». Все единодушно одобрили это решение.

Получив отказ, «Центрокаспий» начал действовать. С военных судов раздались редкие выстрелы. Затем огонь участился. Выстрелы направлялись в первую очередь на пароход «Иван Колесников», так как предполагалось, что именно там находятся ответственные товарищи. Два снаряда попали в пароход. Два человека оказались убитыми, восемь красноармейцев ранеными. На пароходе началась паника. Она усилилась еще больше, когда снаряды попали в машинное отделение. Многие стали бросаться в море в надежде доплыть до берега. Не все умели плавать и тонули, не получая помощи. Женщины и дети были посажены в лодки и отправлены в сторону острова Жилого, но неприятельские выстрелы и здесь настигали их. Во время начавшейся паники несколько человек пытались выкинуть белый флаг и сдаться. На пароходе «Иван Колесников» Корганов, Сурен и Леон Шаумян и др. решительно подавляли такие попытки и сняли с мачты уже поднятую белую простыню. Но положение становилось все более безнадежным. Чтобы затруднить попадание снарядов, Корганов отдал приказ сняться с якорей и двигаться в разные стороны. Но команды пароходов растерялись, многие бросили свои места. Пароходы носились по воле волн. Это еще больше ухудшало положение.

У отряда Петрова была полевая артиллерия, но с палуб нефтеналивных судов, да еще на такое расстояние, невозможно было стрелять. Еще меньше могли быть пригодны для этой цели остальные средства. «Центрокаспий» безнаказанно расстреливал сотни людей, не могущих оказать сопротивления. В таких условиях не оставалось ничего другого, как подчиниться. Пароходы возвратились в город, успев часть имевшихся снарядов и патронов, замков от орудий и пр. бросить в море.

В это же время была сделана еще одна попытка прорваться в Астрахань. Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и др. на баркасе «Лейля» ушли в море. Ослепительные лучи прожекторов с судов «Центрокаспия» шарили по морю, чтобы не пропустить никого. Но баркасу удалось пройти незамеченным. Однако вскоре команда баркаса взбунтовалась. Матросы заявили, что в Баку остались их семьи и в Астрахань они не пойдут. Уговоры не помогли. Комиссарам пришлось вернуться в Баку и вместе с другими высадиться на берег.

Высадка на берег производилась 17 августа. 16 пароходов по очереди подводились к Петровской пристани. Их встречали вооруженные отряды дашнаков, эсеров и меньшевиков. Отрядами руководил эсер Васин, разгуливавший по пристани с нагайкой в руках. Как хищники, набрасывались отряды на прибыв-

ших, всячески издеваясь над ними, отбирали оружие, продовольствие, вещи. Обобранных и разоруженных красноармейцев снова посадили на пароходы и через несколько дней отпустили в Астрахань. Иначе поступили с ответственными товарищами. 35 человек, в том числе Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Сурен Шаумян и др., были арестованы. Их поместили в Шемахинскую тюрьму, потом перевели на Баилов.

Почти месяц сидели бакинские комиссары в тюрьме. «Режим был тяжелый,—рассказывал Сурен Шаумян.—Мы голодали, и если бы не товарищи на свободе, мы умерли бы с голоду». Следствие по делу бакинских комиссаров было поручено царскому следователю Жукову. В Чрезвычайную комиссию приходили провокаторы и жулики, предлагавшие свои услуги по обвинению бакинских комиссаров в уголовных делах. Их всех направляли к Жукову.

Однажды Жуков явился в тюрьму и вызвал Шаумяна в контору. Следователь пытался допросить Шаумяна об его отношениях к туркам, о финансах и пр. Шаумян категорически отказался отвечать на эти вопросы и заявил, что с таким жандармом и при царском режиме объясняться было нечего. Вернувшись в камеру, Шаумян возбужденно рассказал товарищам о разговоре с Жуковым.

— Я выгнал этого мерзавца,—сказал он.

Таков был единственный «допрос» комиссаров. Жуков сам признал, что никакого обвинения против них не получалось. Но несмотря на это, бакинские комиссары продолжали сидеть в тюрьме. В эти тяжелые дни бакинские большевики по-прежнему твердо верили в конечное торжество своего дела. На свидании с т. Микояном в Баиловской тюрьме тов. Шаумян говорил, что господство эсеро-меньшевиков временно, что «вести за собой массу наглой ложью и клеветой можно день-два, но не больше: скоро откроется правда и одержанная таким подлым способом победа сменится потрясающим крахом и страшным провалом аферы проходимцев и лжецов».

Центральное советское правительство, Ленин и Сталин напряженно следили за бакинскими событиями. Они принимали все меры к восстановлению советской власти в Баку.

9 августа Ленин писал в Астрахань: «Положение в Баку для меня все же не ясно. Кто у власти? Где Шаумян? Запросите Сталина и действуйте по соображении всех обстоятельств. Вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро. *Ленин*»[1].

31 августа Сталин сообщал Ленину о ходе борьбы за юг и Каспий. Он просил направить из Балтийского флота несколько миноносцев легкого типа и две подводные лодки, чтобы использовать их в борьбе за установление советской власти в Баку и Туркестане. Однако сформировать необходимые силы для посылки в Баку в тяжелых условиях августа—сентября 1918 г. не удалось.

Советское правительство вело также переговоры с англий-

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 115, стр. 102.

скими властями об освобождении арестованных бакинских комиссаров. ВЦИК поручил Наркоминделу «немедленно начать переговоры по радио об условиях обмена т.т. Шаумяна, Джапаридзе и др. бакинских товарищей на задержанных у нас англичан и французов»[1]. Товарищ Сталин писал: «Российское советское правительство несколько раз обращалось после этого к английскому командованию, требуя освобождения бакинских товарищей и их семейств в обмен на пленных англичан, но английское командование каждый раз отмалчивалось»[2]. Такие же требования предъявлялись и «Центрокаспию».

Оставшиеся на свободе товарищи во главе с Микояном энергично боролись против контрреволюционной политики «Центрокаспия». Они разоблачали предательскую роль «диктаторов». Микоян указывал, что «диктатура» сама разрешила выезд Бакинскому совнаркому и отряду Петрова, чтобы удобнее расправиться с ними. «Это определенная политика,—говорил Микоян,—это провокационное, контрреволюционное дело». Дашнаки, эсеры и меньшевики хотели закрыть рот Микояну и другим товарищам, смело разоблачавшим истинную суть клеветнической кампании против бакинских большевиков. Когда Микоян на конференции промыслово-заводских комиссий 18 августа вскрыл деятельность английских империалистов, их прислужники эсеры подняли шум и не дали ему возможности закончить речь.

Однако и в таких условиях большевистское слово доходило до бакинских рабочих. Бакинский пролетариат начинал понимать, какое предательство совершили эсеры и меньшевики, отдав Баку англичанам. Влияние большевиков росло. Бакинские рабочие все чаще смотрели в сторону Баиловский тюрьмы, где сидели арестованные комиссары.

28 августа состоялись выборы в Бакинский совет. Они прошли в обстановке невиданного террора и клеветы против большевиков, но, несмотря на это, в новый совет было избрано 27 большевиков. В числе избранных были Микоян, Георгий Стуруа и арестованные бакинские комиссары—Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиолетов, Зевин, Басин, Корганов, Малыгин, Богданов. Им, брошенным в тюрьму и обливаемым грязью и клеветой, бакинские пролетарии выразили в эти дни свое доверие.

5 сентября собрался вновь избранный Бакинский совет. Его первое заседание проходило очень бурно. Бакинские большевики, возглавляемые тов. Микояном, дали на заседании Совета решительный бой эсеро-меньшевикам. Они настаивали на необходимости немедленного освобождения арестованных комиссаров. Выразив им доверие, бакинский пролетариат потребовал их освобождения. В ответ на это представители «Центрокаспия» выступили с новым обвинением против бакинских комиссаров. Они обещали Бакинскому совету представить соответствующие документы. Бакинский совет предложил ускорить следствие и пред-

---

[1] ЦАОР, ф. 12, 35, оп. 52, д. 397, л. 34.

[2] *Сталин,* К расстрелу 26 Бакинских товарищей агентами английского империализма, «Известия ВЦИК» от 23 апреля 1919 г.

ставить на рассмотрение совета доклад по делу бакинских комиссаров. Однако никаких докладов и документов «диктаторы» представить не могли. Англичане и «диктаторы» решили по-иному расправиться с бакинскими большевиками.

7 сентября Чрезвычайная следственная комиссия вынесла постановление о привлечении Шаумяна, Джапаридзе и других к ответственности «за государственную измену». Через четыре дня «Бюллетени Центрокаспия» сообщили, что дело бакинских комиссаров передается военно-полевому суду. В тот же день было опубликовано наспех составленное положение о военно-полевом суде. Предварительное следствие и вызов свидетелей отменялись. Судебное заседание должно было происходить при закрытых дверях. Приговор вступал в силу немедленно по объявлении его в суде. Виновные «подвергались смертной казни через расстреляние».

В соответствии с этим был сфабрикован обвинительный акт против бакинских комиссаров. Английские империалисты и их агенты из «диктатуры Центрокаспия» фактически уже вынесли смертный приговор бакинским комиссарам. Но привести его в исполнение они не успели. Дни «Центрокаспия» были сочтены.

В сентябре на страницах «Бюллетеней Центрокаспия» попрежнему «раздавался гром победы». 3 сентября Бичерахов захватил Петровск. Дашнаки, эсеры и меньшевики радовались успехам английских империалистов и Бичерахова. «Бюллетени Центрокаспия» 11 сентября писали: «Хотя и медленно, но безостановочно усиливаются здесь и наши союзники англичане, интересы которых ни в чем не расходятся с нашими и которые превосходно учли настоящую конъюнктуру и соединили свои силы с нашими. Захват Бичераховым Петровска означает большой шаг вперед в смысле достижения нами намеченных целей и значительно приближает его и нас к нашим единомышленникам с Северного Кавказа, от которых мы теперь можем получать реальную помощь в виде продовольствия и боевой силы, помогая им в свою очередь тем, что у нас есть в изобилии».

Но в то время как в «Бюллетенях» помещались подобные передовицы, Баку уже был накануне занятия его турками. Еще 1 сентября Денстервиль решил, «что дальнейшая оборона Баку бесполезна и что английские войска должны быть эвакуированы»[1]. На другой день все было готово для эвакуации. «Диктаторы» упрекали англичан, что они «не оказали помощи в таком размере, в каком мы были в праве ждать ее», и слезно просили их «немедленно доставить в Баку достаточное число войск либо из Персии, либо из Багдада». Но войска не прибывали.

Тов. Орджоникидзе работал тогда чрезвычайным комиссаром Северного Кавказа. Стремясь оказать всяческую помощь пролетариям Баку, он систематически следил за развертывающимися событиями. 10 сентября из Владикавказа он телеграфировал Ленину и Сталину: «Положение в Баку отчаянное. Город обстреливается из орудий турками. Турки требуют безусловной сдачи

[1] *Денстервиль*, Британский империализм в Баку и Персии, стр. 246.

города. Союз соглашателей и предателей меньшевиков и дашнаков готовит сдачу города. Английские обещания оказались достаточными только для предательства бакинского пролетариата»[1].

В ночь на 14 сентября турки перешли в наступление, а «доблестные» англичане удрали из Баку. В это же время «Центрокаспий» спешно готовился к бегству в Петровск.

Между тем бакинские комиссары продолжали сидеть в тюрьме. План «Центрокаспия» обнаруживался с зловещей ясностью. Комиссаров оставляли на растерзание туркам. Тщетно большевики во главе с т. Микояном пытались освободить бакинских комиссаров. Дважды обращался т. Микоян к «диктатуре Центрокаспия» с требованием освободить или эвакуировать арестованных. Но гнусные палачи Садовский и Багатуров ответили ему, что «Центрокаспий» вынес решение об оставлении комиссаров в Бакинской тюрьме, несмотря на эвакуацию. Это решение было равносильно убийству.

14 сентября, когда «Центрокаспий» уже грузился на пароходы, группа молодых большевиков, в числе которых был Сурен Шаумян, незадолго до этого взятый из тюрьмы на поруки, получила задание Б. К. партии освободить комиссаров. Вооружившись револьверами и ручными гранатами, они отправились на Баилов, чтобы совершить вооруженный налет на тюрьму. Но караул моряков окружил и задержал всех товарищей. План налета на тюрьму сорвался.

В этот же день т. Микоян явился в опустевшее помещение «Центрокаспия». Он дождался прихода эсера Велунца и снова резко поставил вопрос о судьбе арестованных. Под энергичным напором т. Микояна Велунц и заместитель председателя следственной комиссии Далин согласились, не отпуская арестованных на свободу, под конвоем эвакуировать их из Баку. Далин дал Микояну записку к начальнику тюрьмы и послал группу солдат для конвоирования комиссаров. Тов. Микоян сговорился с командой парохода «Севан» об отправке комиссаров в Астрахань. Этот пароход специально пришел оттуда, чтобы узнать о положении бакинских комиссаров и принять меры к их спасению.

Поздно ночью т. Микоян вырвал бакинских комиссаров из мрачных стен Баиловской тюрьмы, которая через несколько часов могла стать их могилой. Сопровождаемые Микояном под конвоем солдат, комиссары двинулись на пристань. Зловещая темнота окутывала город... Турки продолжали усиленный обстрел. Комиссары попали как раз в самый центр обстрела. Конвой разбежался. Оказавшись на свободе, комиссары продолжали пробираться к берегу. Но на условленном месте у Баилова парохода «Севан» не оказалось... Не найдя парохода, под непрерывным огнем турок они пошли в город.

К этому времени Баку был охвачен хаосом всеобщего бегства. «Турки в городе»—эта весть молниеносно разнеслась всюду. С каждой минутой усиливалась паника. В один сплошной гул сливались стоны и крики женщин, плач детей, грохот орудий,

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 6, л. 31.

треск пулеметов, ружейная стрельба... Группами и в одиночку бежали из города обезумевшие люди, таща на себе, что можно. Бежали к пристаням, чтобы успеть на отходящие пароходы. Толкая и давя друг друга, бросались к трапам.

В числе других у пристани находился пароход «Туркмен». На пароходе у перекинутого мостика стоял вооруженный с головы до ног человек, тщетно пытавшийся установить какой-либо порядок при посадке. Это был командир партизанского отряда Татевос Амиров, брат редактора газеты «Бакинский Рабочий». Вместе со своим отрядом он отступал из занятого города. Когда комиссары пришли в город, Татевос Амиров предложил им сесть на пароход «Туркмен», чтобы вместе отправиться в Астрахань. Других пароходов не было. Бакинские комиссары согласились и вместе с Микояном, С. Канделаки, сыновьями Шаумяна, женой Джапаридзе, женой Фиолетова и другими сели на пароход. «Туркмен» ушел в море.

XI

15 сентября в Баку вошли турецкие войска. Их приветствовали муссаватисты и грузинские меньшевики. Военный министр Грузии поздравил Нури-пашу с установлением в Баку «демократической» власти турок. Три дня турецко-муссаватские банды убивали и грабили мирное население города, установив режим невиданного террора. Бакинские комиссары вырвались из Баку и ушли от зверской расправы германо-турок, но они попали в руки таких же палачей—англичан и их союзников.

На пароходе «Туркмен», где находились комиссары, публика была самая разнообразная—бойцы отряда Амирова, дашнакские офицеры, мирные жители, женщины, дети... Оказались даже два английских офицера. Выйдя в море, пароход взял курс на советскую Астрахань. Но часть команды и пассажиров, подогреваемая англо-дашнакскими агентами, запротестовала. Тщетно Амиров и другие товарищи пытались убедить команду парохода продолжать путь на Астрахань. Она заявила, что не может ехать так далеко из-за недостатка топлива и пресной воды и доведет судно только до ближайшего порта. Такими портами могли быть Петровск, Энзели, Красноводск. Петровск был недавно захвачен Бичераховым. В Энзели хозяйничали англичане. В Красноводске существовало эсеровское закаспийское правительство, бывшее на службе у тех же англичан. «Туркмен» направился в Красноводск.

В ночь на 17 сентября пароход бросил якорь у Красноводска. Немедленно подошел баркас начальника порта «Бугас». Под предлогом необходимости всем солдатам и беженцам пройти карантин было предложено подождать с выгрузкой до утра. Два английских офицера попросили разрешения немедленно сойти на берег. К ним присоединился дашнакский офицер с несколькими георгиевскими крестами. Он заявил, что должен сообщить местным властям важные сведения. Представители Красноводска не возражали. Забрав их, баркас удалился.

Утром 17 сентября «Туркмен» подошел к пристани. Его встретили грозно. На берегу находились английская артиллерия, туркменская рота, отряд милиции и другие части. На пристани стояли красноводские руководители—Аланья, Кондаков и др. Среди них находился офицер, сошедший накануне с парохода. Рядом стояла группа английских офицеров, с которыми почтительно советовались красноводские власти. С ними были и два английских офицера, приехавшие на пароходе «Туркмен». Позднее к группе красноводских руководителей присоединились механик парохода и адъютант Амирова.

Предупрежденные провокаторами, красноводские власти знали, кто попал в их руки. От имени закаспийского правительства всем прибывшим предложили разоружиться. Начался обыск. Из большевиков оружие нашли лишь у Микояна; товарищи, только что вышедшие из тюрьмы, иметь его не могли. Затем приступили к арестам. Предатели и изменники помогали вылавливать комиссаров из общей массы пассажиров.

Один рабочий, бывший на пароходе, впоследствии вспоминал: «Укажите нам комиссаров,—крикнул один,—тогда мы всех освободим». На палубе—гробовое молчание. Каждый знает в лицо комиссаров, но никто не хочет быть предателем. Молчат матросы. Молчат красноармейцы. Молчат женщины. И вдруг словно ножом резнуло: «Вот Шаумян»,—провизжал чей-то голос. Изменник нашелся. Из толпы выступил вперед офицер с георгиевским крестом и шашкой за поясом. «Вот он,—продолжал георгиевский кавалер,—вот Шаумян». Сотни глаз впились в Степана. Кругом стихло. Степан стоял спокойно. Презрительно качнул головой и спокойно подошел к предателю. Сверкнули сталью винтовки охраны. Шаумян подошел вплотную. «Не думай,—сказал Шаумян,—что моя смерть свалит дело, за которое мы боролись. Этого вам не видать...» Шаумяна увели.

Всего было арестовано 35 человек. Их отвезли в город. 17 человек—в арестный дом, остальных—в тюрьму. В арестном доме были помещены Шаумян и его два сына: Сурен и Леон, Джапаридзе, Микоян, Фиолетов, Зевин, Амирян, Варо Джапаридзе, Ольга Фиолетова и др. Все они были признаны «государственными преступниками». Как потом выяснилось, приказ об этом исходил от английского полковника Батина—фактического хозяина Красноводска.

Участь 26 комиссаров по всей вероятности была решена еще в Баку. Председатель Красноводского комитета Кун в дни падения Баку был там и вел переговоры с английским командованием и «диктатурой Центрокаспия». Он знал, как они хотели поступить с большевистскими руководителями. Кун прибыл в Красноводск вслед за «Туркменом».

Он немедленно сообщил в Асхабад английскому командованию и председателю закаспийского правительства эсеру Фунтикову о прибытии бакинских комиссаров и отряда Амирова. Одновременно Кун послал телеграмму в Петровск полковнику Бичерахову: «Просим срочно телеграфировать, как поступить с бывшими комиссарами и Амировым, причем полагаем, если не встре-

тится возражений с вашей стороны, передать их военно-полевому суду»[1]. Кун получил четкий ответ: «Одобряю ваши действия, направленные к аресту бакинских комиссаров. Предложение ваше о предании их военно-полевому суду разделяю. Мнение мое поддерживает диктатура Центрокаспия. Бичерахов».

Глава британской миссии в Средней Азии генерал Малессон впоследствии вспоминал, как рано утром в сентябре радиостанция объявила о прибытии в Красноводск бакинских комиссаров. «Ясно, что это было известие первостепенной важности,—пишет он.— На наших берегах неожиданно появилась группа крупнейших агитаторов России. При наличии колеблющихся и политически неустойчивого населения было вполне возможно, что они скоро вновь сделают страну большевистской, и тогда что стало бы со всеми нашими планами... Правда, комиссары были безоружны в том смысле, что огнестрельное оружие у них было отобрано. Но они владели более грозным оружием, чем огнестрельное,—силой опытного агитатора, силой, которая повелевает толпой и вызывает новые большевистские восстания».

Генерал Малессон и его представитель в Асхабаде—английский капитан Тиг Джонс вместе со своими друзьями из закаспийского правительства эсерами Фунтиковым и Курилевым и начальником эсеро-английской разведки Дружкиным решили зверски расправиться с бакинскими комиссарами. В своих показаниях Фунтиков говорил, что расстрел бакинских комиссаров организовывался по предварительному соглашению между представителями английского командования и закаспийского правительства. Представитель английской миссии в Асхабаде Тиг Джонс говорил ему и Дружкину о необходимости расстрела, а после расстрела выражал удовольствие, «что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен».

Англо-эсеровские палачи действовали с лихорадочной поспешностью. «Цивилизованным» империалистам и их прислужникам некогда было заниматься следствием и допросами, тем более, что английское командование в Баку и «диктатура Центрокаспия» предрешили участь комиссаров. Оставалось спешно и притом тайно организовать их убийство.

Предложив Куну задержать арестованных в Красноводске, Фунтиков распорядился сформировать экстренный поезд в составе паровоза № 049, одного классного и одного арестантского вагона. Тиг Джонс, Фунтиков, Дружкин, члены закаспийского правительства и «боевой» дружины эсеров, вооружившись винтовками и револьверами, явились на станцию Асхабад. Перед отъездом в кабинете начальника передвижения войск устроили попойку. Затем пьяная банда убийц села в поезд и направилась в Красноводск. Поезд шел быстро, не останавливаясь на станциях. Только в Кизил-Арвате стояли два часа.

А в это время в темных камерах арестного дома и тюрьмы Красноводска сидели те, чья участь находилась в руках гнусных

---

[1] Единый партархив при ЦК КП(б)Аз. при институте им. Шаумяна, д. 152, св. 3, л. 1.

убийц, мчавшихся к Красноводску. Условия заключения бакинских комиссаров были самые тяжелые. 19 сентября Корганов и другие товарищи, сидевшие в тюрьме, подали в Красноводский стачком заявление, в котором протестовали против чинимых над ними насилий во время обыска и ареста: «С утра 17 и по настоящее время (т. е. два дня.—*Э. Б.*) нам не выдавали никакой пищи и вообще поставили нас в условия худшие, чем в прежних царских тюрьмах. Помещения тесны, отсутствуют постельные принадлежности, умывальники и прочее»[1]. Заключенные предъявили элементарные требования об улучшении тюремного режима (разрешить прогулки, снабжать хлебом, допускать свидания и пр.). Но в ответ последовала наглая резолюция начальника административного отдела: «1. Объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта. 2. Можно просить, но не требовать. Вообще укажите заключенным побольше думать и поменьше писать 19/IX подпись».

Бакинские комиссары находились во владениях гнусного палача Куна, которого даже генерал Малессон назвал «властным и безжалостным человеком». Кун навещал заключенных. Войдя в камеру арестного дома, Кун громко спросил: «Кто из вас главковерх?»—«Нет главковерхов».—«Ну тогда кто Шаумян?»—«Я Шаумян»,—ответил Степан, лежавший на нарах.—«Встать! Разве вы не знаете, с кем говорите, я—Кун!» Но никто не поднялся, и оскорбленный Кун вышел из камеры.

К этому же палачу попало заявление заключенных на адрес «диктатуры Центрокаспия». Оно было составлено в первый день ареста и подписано от имени всех заключенных товарищами Шаумяном, Джапаридзе, Петровым, Корганом и Зевиным. Бакинские комиссары излагали историю своего ареста и требовали немедленного освобождения. Три дня Кун держал это заявление у себя, не передавая по назначению. Когда же 26 бакинских комиссаров были расстреляны, Кун, несколько часов назад принимавший участие в их убийстве, нагло написал на заявлении погибших товарищей: «Слишком пространная телеграмма и обременять радио такими телеграммами невозможно. Следует текст сократить до минимума. 20-го сентября. Кун».

Экстренный поезд англо-эсеровских убийц прибыл в Красноводск 19 сентября. Красноводский стачком во главе с Куном торжественно встретил членов закаспийского правительства. А вечером на вокзале в так называемой голубой комнате состоялось секретное совещание асхабадских и красноводских властей. На нем обсуждалась техническая сторона предстоящего расстрела и делались последние приготовления к нему. По городу собирались лопаты.

Было примерно 2 часа ночи, когда банда палачей и убийц явилась в арестный дом и тюрьму. Среди явившихся были заместитель председателя закаспийского правительства Курилев, Кун, начальник красноводской милиции Аланья, его помощник бывший

---

[1] Единый партархив КП(б)Аз. при институте им. Шаумяна, д. 166, св. 10, л. 4—5.

околоточный надзиратель Колодко и др. Часть из них была в пьяном виде с нагайками в руках. Колодко держал список с 26 фамилиями. По списку выкликали и выводили во двор. Как потом выяснилось, это были те, кто намечался к расстрелу.

Как составился список «26-ти»? Конечно, главных руководителей бакинских большевиков—Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Фиолетова, Корганова и др. красноводские палачи знали хорошо. Но всех 26 комиссаров они знать не могли. Сурен Шаумян рассказывал, что во время пребывания комиссаров в бакинской тюрьме у т. Зевина, тюремного старосты, был список из 25 человек, по которому он раздавал провизию, приносимую с воли.

В этом списке были также Канделаки и Сурен Шаумян, сидевшие в Баиловской тюрьме. Но Канделаки за несколько дней до занятия Баку турками заболел, и его поместили в тюремную больницу, а Сурен Шаумян был освобожден на поруки. Поэтому обе фамилии были зачеркнуты и замазаны, так что разобрать их было невозможно. При аресте в Красноводске список был обнаружен. К нему прибавили Татевоса Амирова, который обвинялся в содействии выезду комиссаров в Астрахань. Красноводские власти, видимо, рассуждали так: раз лица, перечисленные в списке, были арестованы в Баку, значит—это те, кого следует уничтожить. Остальных товарищей, в том числе Микояна, Канделаки, Сурена и Леона Шаумяна, В. Джапаридзе, О. Фиолетову и др., оставили в тюрьме.

Вот как рассказывает т. Микоян о кошмарной ночи 20 сентября, когда уводили бакинских комиссаров: «В маленькой грязной камере красноводского арестного дома. Прошло три дня, как мы попали в этот застенок. В нашей камере были т.т. Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и др., всего 16 человек. Ночь на 20 сентября. Лежали кто на нарах, кто на полу. Одни спят, другие дремлют. В окно смотрит коварная луна, яркая, светлая. Два часа ночи. Слышится шум, стук железа. Открывается дверь, врывается банда «социалистических» палачей. Начинают перекличку. Разбивают всех обитателей на три группы. Выводят первые две группы из камеры, вырывают их из нашей среды. На вопрос, куда ведут, отвечают: «Здесь мест мало, перевозят в Асхабад, в областную тюрьму». Настает гнетущий час разлуки с лучшими товарищами, с беззаветными борцами рабочего дела, революционными вождями бакинского пролетариата»[1].

26 бакинских комиссаров везли не в Асхабад, и многие уже тогда понимали это. Сурен Шаумян рассказывал, что Амиров, увидев около каждой фамилии отметку птичкой, сделанную разными карандашами, сострил, что отмеченных красным карандашом повесят, синим—утопят, а черным—расстреляют. Горячо и серьезно, словно зная, что навсегда, простился со своими двумя сыновьями Степан Шаумян. А Фиолетов, проходя мимо женской камеры, крикнул своей жене: «Не беспокойся, Оля, я сумею умереть спокойно».

---

[1] *Микоян*, К кровавой годовщине, «Бакинский Рабочий» № 119 за 1923 г.

В тот же день, 20 сентября, в местной газете «Голос Средней Азии» появилась статья, в которой кровавые палачи прямо высказали свои намерения. «Судьба нам снова улыбнулась,—писали они.—К нам в руки попали бывшие вершители судеб в Баку... Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев—Шаумян, которого давно окрестили «кавказским Лениным». Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам—англичанам, благородно отозвавшимся на зов бакинцев о спасении. Они все твердили, что рядом с английскими империалистами сражаться честным революционерам позор... Их собрались судить, и судить строго. Судьба решила иначе, и они в наших руках. Мы живем в эпоху варварства. Так будем же пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову. За каждого убитого эсера и буржуа—расстрел большевика... Отныне будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Эсеро-английские палачи выполнили свое намерение. 26 бакинских комиссаров были посажены в арестантский вагон экстренного поезда. В классном вагоне расположились английский капитан Тиг Джонс и члены закаспийского правительства Фунтиков, Дружкин и др. С потушенными огнями поезд помчался в пустыню, увозя навсегда лучших руководителей бакинского пролетариата. На 207-й версте, между станциями Ахча-Куйма и Перевал, поезд остановился. Кругом тянулись бесконечные песчаные холмы. Никаких признаков жилья. Унылая, мертвая местность. Палачи недаром выбрали ее вечной могилой коммунаров.

Из вагона вывели первую группу арестантов. Они еще не знали, куда их ведут, и некоторые взяли с собой вещи, но вещи были не нужны. Их отводили на 30 сажен от железнодорожной линии и там, у ребра песчаного перевала, расстреливали. Огромная яма стала их братской могилой. Затем вывели вторую, третью группу...

26 БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

СТЕПАН ШАУМЯН,
АЛЕША ДЖАПАРИДЗЕ,
МЕШАДИ АЗИЗБЕКОВ,
ИВАН ФИОЛЕТОВ,
ПАВЕЛ ЗЕВИН,
ГРИГОРИЙ КОРГАНОВ,
ИВАН МАЛЫГИН,
Г. ПЕТРОВ,
АРСЕН АМИРЯН,
СУРЕН ОСЕПЯН,
МИР-ГАСАН ВИЗИРОВ,
М. БАСИН,
Ф. СОЛНЦЕВ,
Л. КОНСТАНДЬЯН,
АРМЕНАК БОРЯН,
И. МЕТАКСА,
Ф. НИКОЛАЙШВИЛИ,
Б. АВАКЯН,
А. БОГДАНОВ,
С. БОГДАНОВ,
В. ПОЛУХИН,
БЕРГ,
М. КОГАНОВ,
И. ГАБЫШЕВ,
И. МИШНЕ и
ТАТЕВОС АМИРЯН

—героически пали в это утро от рук английских империалистов и их эсеровских приказчиков.

Товарищ Сталин писал по поводу их гибели: «Англо-французских империалистов изображают обычно как врагов террора и расстрелов. Но разве не ясно, что никогда еще Советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякую моральную силу, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря»[1].

Англо-эсеровские палачи не только подписали смертный приговор 26 комиссарам, но и сами привели его в исполнение. Убийцы выполнили то, что писала газета «Голос Средней Азии»,— они не только расстреляли, они четвертовали 26 комиссаров. Через год после гибели «26-ти» рабочий Кузнецов вместе с группой товарищей откопал их трупы. Он рассказывал: «Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов не были целы, были перебиты на части и раздроблены... Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били чем попало». К таким же выводам пришла медицинская экспертиза.

Убийцы пытались похоронить правду об участи «26-ти». Они беспощадно расправлялись со свидетелями их злодейского преступления. Когда англо-эсеровские палачи, наскоро закопав трупы, собирались уже в обратный путь, к паровозу подошел путевой сторож. Он спросил, почему здесь остановился поезд и почему он не имеет сигнальных огней. В ответ на это сторожа окружили вооруженные люди и отвели на расстрел. На другой день со второго участка службы пути была получена депеша «о пропаже сторожа».

Для того, чтобы замести следы, организаторы расстрела распускали слухи, будто бакинские комиссары увезены в Индию. Тиг Джонс горячо благодарил членов закаспийского правительства за организацию расстрела 26 комиссаров и обещал выдать им официальную справку от имени английского командования об увозе комиссаров в Индию. Дружкин имел уже заготовленный документ со списком комиссаров, который должен был подписать генерал Малессон.

Но палачам не удалось скрыть правду. Тов. Микоян вспоминает мучительные недели пребывания в тюрьме после увоза «26-ти». «Где они, куда их повезли, не можем установить... Мы не знаем, где наши лучшие друзья,—бакинский пролетариат, где его вожди, Советская власть—где ее лучшие борцы. Сомнения вкрадываются в душу, терзают ее. Тяжело думать, что нет больше в живых Степана, Алеши, Ванички... Вдруг, неожиданно некто с воли сообщает нам в тюрьму страшную правду, вскрывает перед нами кошмарную картину неслыханного злодеяния эсеровских палачей. Это неизвестный нам, не знавший нас—железнодорожный

[1] *Сталин*, К расстрелу 26, «Известия» от 23 апреля 1919 г.

рабочий из Красноводска, кажется, проводник. Он видел своими глазами, как в далекой степи остановили поезд, вывели из вагонов по группам пленных борцов коммунизма, и недалеко от полотна зверски растерзали. В пулеметной трескотне он слышал последние слова жертв белого террора: «Мы умираем за коммунизм. Да здравствует коммунизм!..» Рассветало. Убийцы торопились и не успели зарыть все трупы»[1].

Весть о злодейском расстреле 26 комиссаров дошла до бакинского пролетариата через полгода после их казни, в годовщину Февральской революции. 28 февраля 1919 г. по требованию бакинских рабочих были освобождены из тюрьмы Микоян, Канделаки Сурен и Леон Шаумян, В. Джапаридзе, О. Фиолетова и др. Они прибыли в Баку. С их участием состоялись собрания и митинги рабочих памяти «26-ти».

Чувство глубокой скорби по поводу гибели славных руководителей охватило весь бакинский пролетариат. Лучшие люди вырваны из его среды. Нет больше мудрого Степана, пламенного Алеши, мужественного Мешади, родного Ванечки и их товарищей. Но бакинский пролетариат вместе с трудящимися Азербайджана и Закавказья в ответ на убийство «26-ти» еще теснее сплотился вокруг великой партии Ленина—Сталина, бесстрашными борцами которой были погибшие товарищи. Слова привета и веры в лучшее будущее, с которыми обратился к бакинским рабочим 17-летний сын Шаумяна—Сурен, служили боевым призывом к дальнейшей борьбе. Уже через несколько дней после приезда т. Микояна большевики, опираясь на рабочие массы, добились смены руководства Бакинской рабочей конференции. Президиум конференции в подавляющем большинстве состоял теперь из большевиков.

20 марта 1919 г. в тяжелые дни англо-муссаватского режима бакинские пролетарии провели однодневную забастовку памяти «26-ти». Бакинская рабочая конференция, заслушав доклад т. Микояна, обратилась с воззванием к рабочим Баку: «Товарищи, сегодня мы должны отметить исторический день 20 сентября 1918 года, отметить память погибших вождей и товарищей... Дадим, товарищи, святую клятву, что так же самоотверженно и преданно будем продолжать ту борьбу, на терновом пути которой геройски пали наши вожди и товарищи».

Бакинский пролетариат остался верен этой клятве. «Величайшая трагедия,—говорил Сергей Миронович Киров,—выпала на долю бакинских рабочих—быть молчаливыми свидетелями того, как самое сердце, самую мощь их, лучших вождей, десять лет работавших в пользу торжества коммунизма, закаленных в жестоких и тяжелых боях, спускают где-то далеко в могилу. Скрепя сердце, крепко стиснув зубы, бакинский пролетариат глубоко затаил в себе злобу и жгучую ненависть к империалистическим палачам. Бакинские рабочие знали, что там на севере делается верное дело. Там в глубоко занесенных снегом равнинах миллионы людей уже шли на жизнь или на смерть. Бакинский рабочий

[1] *Микоян,* К кровавой годовщине, «Бакинский Рабочий» № 219 за 1923 г.

терпеливо сидел здесь и, пользуясь всем своим опытом прошлого, делал все доступное ему для того, чтобы подготовить неизбежный новый взрыв в Баку»[1].

События 1917—1918 гг. и гибель «26-ти» были тяжелым уроком для бакинских рабочих. Бакинский пролетариат «разгадал до конца суть мелкобуржуазных партий как агентов империализма и буржуазии внутри рабочего класса. Рабочим стало ясно, что единственная пролетарская партия, до конца верная знамени социализма, неотступно ведущая пролетариат к окончательной победе, это—коммунисты»[2] *(Микоян)*. Пролетарии Баку изгнали навсегда из своей среды гнусных изменников и предателей—эсеров, меньшевиков, муссаватистов и дашнаков. Бакинские большевики под руководством т. Микояна при активной помощи Орджоникидзе и Кирова повели пролетариат и крестьянство Азербайджана на героическую борьбу с английскими оккупантами и муссаватским правительством.

«В условиях подготовки вооруженного восстания,—писал т. Микоян,—по-новому встал вопрос о крестьянстве и национальной политике. Стало ясно, что без последовательного проведения ленинской национальной политики в условиях Азербайджана и Закавказья не обеспечить прочного успеха пролетарской революции. Стало ясно, что без претворения в жизнь указания тов. Сталина об автономии не одержать прочной победы. Бакинские большевики в 1919 году выдвинули лозунг Советского Азербайджана и стали организовывать коммунистическую партию Азербайджана как составную часть РКП(б)»[3].

Одновременно бакинские большевики вели трудящихся Азербайджана к еще более тесному единению с рабочими и крестьянами России. «Равнение на север»,—указывали бакинские комиссары. Бакинский пролетариат, крепко держа их знамя, следовал этому завету. «В дни смертельной опасности революции в России,—писал Орджоникидзе,—он гордо выражал свою солидарность с борющимся Российским пролетариатом»[4]. 28 апреля 1920 г. трудящиеся Азербайджана при братской помощи Советской России свергли диктатуру помещиков, капиталистов и восстановили советскую власть. Образовалась Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. Затем были освобождены Армения и Грузия, и красное знамя советской власти прочно водрузилось во всем Закавказье.

В сентябре 1920 г. бакинские пролетарии бережно перенесли в Баку прах погибших 26 комиссаров и похоронили его в центре города, на площади Свободы. «Ввиду общероссийского значения прошлой деятельности расстрелянных бакинских товарищей Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и др.» ВЦИК взял на себя организацию и расходы по их похоронам. Своим представителем на похоронах ВЦИК утвердил Серго Орджоникидзе, приурочив

---

[1] «Бакинский Рабочий» от 20 сентября 1937 г.
[2] «Правда» № 260 за 1933 г.
[3] *Там же.*
[4] «Бакинский Рабочий» № 211 за 1922 г.

похороны «26-ти» к съезду народов Востока, заседавшему в то время в Баку.

С тех пор каждый год 20 сентября трудящиеся Советского Азербайджана и Закавказья отмечают скорбную дату расстрела 26 бакинских комиссаров.

Тов. Микоян писал: «В память павших борцов недостойно проливать слезы и падать духом. Их светлая память требует от бакинского пролетариата твердо и непоколебимо следовать по революционному пути, обагренному их кровью; уметь бороться и служить рабочему делу так стойко, как они; если потребуется, пасть такой же славной смертью как они; свято хранить в своих пролетарских сердцах их заветы; крепко держать в своих мозолистых руках знамя коммунизма, под которым они пали»[1].

В день пятой годовщины гибели «26-ти»—в 1923 г.—трудящиеся Азербайджана получили письмо, которое и по настоящий день служит программой их борьбы и работы.

«ЦК РКП разделяет сегодня с вами вашу скорбь по поводу гибели 26 комиссаров, павших жертвой англо-эсеровских палачей в далеких степях Закаспия. ЦК РКП считает, что лучшим памятником для погибших товарищей, революционные заслуги которых запечатлены в сердцах бакинских рабочих, является выкованная вами путем упорного труда—в тесном крепнущем с каждым днем союзе с крестьянством—Советская Азербайджанская Республика. ЦК РКП верит, что вы и впредь окажетесь достойными продолжателями великого революционного героизма, завещанного 26 погибшими товарищами, и сумеете превратить Азербайджанскую Советскую Республику в образец для грядущих советских республик Востока. Секретариат ЦК РКП. Сталин, Молотов»[2].

Кровь 26 бакинских комиссаров, пролитая за счастье и свободу народа, не пропала даром. 15 лет прошло с тех пор, как товарищи Сталин и Молотов прислали свое письмо бакинским товарищам. За это время неузнаваемым стал Азербайджан. Под руководством великого Сталина, при братской помощи русского народа Советский Азербайджан превратился в цветущую орденоносную советскую республику—страну нефти и хлопка. На освобожденной от угнетателей земле бьет ключом счастливая, радостная жизнь народов Азербайджана.

Серго Орджоникидзе отмечал, что в дни шовинистического мракобесия в Закавказье и господства муссаватистов, меньшевиков и дашнаков в «мазутном царстве Баку ярко светил луч пролетарской солидарности... Как братская могила Степана, Алеши не знает ни армянина, ни грузина, ни татарина, ни еврея, так и Бакинский пролетариат не знает никакой национальной розни... Пусть же могила Степана, Алеши, Вани, Мешади-бека будет укором и проклятием для тех, кто хоть на секунду изменит этому великому делу национального мира и солидарности трудящихся

---

[1] «Бакинский Рабочий» № 219 за 1922 г.
[2] «Бакинский Рабочий» № 212 за 1923 г.

масс в Закавказьи. Пусть великий часовой великой пролетарской революции, Бакинский пролетариат будет разящим мечом для изменников»[1].

Как и народы всего СССР, азербайджанский народ высоко держит великое знамя интернационального единства трудящихся. Гнусная банда буржуазных националистов, пытавшаяся оторвать Азербайджан от великого Советского Союза и превратить его в колонию международного империализма, разоблачена. Неразрывна связь трудящихся Азербайджана и Закавказья с народами всего Советского Союза. Трудящиеся Азербайджана будут и впредь уничтожать врагов народа, презренных наймитов фашизма.

20 лет назад английские империалисты и их эсеро-меньшевистские прислужники во имя торжества капиталистической эксплоатации расстреляли 26 бакинских комиссаров. Руками этих подлых убийц старый, умирающий мир расправился с мужественными борцами за коммунизм—Шаумяном, Джапаридзе, Азизбековым, Фиолетовым, Коргановым, Малыгиным и их товарищами. «Мы умираем за коммунизм, да здравствует коммунизм!»,—таковы были последние слова бакинских комиссаров.

С тех пор коммунизм превратился в могучую силу.

Великая Сталинская Конституция закрепила торжество первой фазы коммунизма на одной шестой части земного шара и открыла новые, невиданные перспективы для дальнейшего продвижения вперед. Тщетно старый мир пытается остановить победоносное шествие коммунизма. Капитализм действует теперь еще подлее и коварнее, чем 20 лет назад. Он обогатил свой арсенал новыми методами предательства, шпионажа...

Вместе с меньшевиками, эсерами, дашнаками и муссаватистами в пользу фашистских разведок орудуют троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и вся прочая падаль.

Капитализм готовит войну против СССР и уже переходит к активным военным действиям на отдельных участках советской границы.

Но выросла и окрепла диктатура рабочего класса, идущая вперед под мудрым руководством большевистской партии и товарища Сталина. Ее отточенный меч опускается и будет опускаться на головы тех, кто пытается отнять счастье у освобожденного народа. Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот и весь советский народ геройски защищают и будут защищать каждую пядь нашей советской земли, орошенную кровью лучших сынов родины.

20 лет назад погибли 26 бакинских комиссаров. Память о них живет в сердцах миллионов трудящихся. Ярким светом горит их героическая жизнь, отданная за интересы народа. Она показывает образец беззаветной преданности великому делу Ленина—Сталина, образец стойкости и мужества. Она зовет к решительной борьбе

---

[1] «Бакинский Рабочий» от 20 сентября 1922 г.

с врагами народа, изменниками и предателями, презренными агентами погибающего капитализма.

Мы помним предсмертные возгласы погибших товарищей: «Да здравствует коммунизм!»

И говорим словами Владимира Маяковского:

Никогда,
никогда
ваша кровь не остынет,—
26—
Джапаридзе и Шаумян!
Окропленные
вашей кровью
пустыни
Красным знаменем
реют,
над нами шумя.